Навукова-практычны і інфармацыйна-метадычны часопіс

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

№ 4(70) 2022

Критерии подведомственности дел суду в цивилистическом процессе
с. 16

Мегатренды, меняющие мир: современность, перспектива, вызовы и опасности
с. 66

Матэрыялы круглага стала «Правовые системы современности»
с. 109

С.Ф. Сокол как юрист и ученый. Его вклад в развитие юридической науки Беларуси

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

№ 4(70) 2022

ВЫДАЕЦЦА ШТОКВАРТАЛЬНА З ВЕРАСНЯ 2005 г.

Заснавальнік і выдавец

Установа адукацыі
«БІП – Універсітэт права і сацыяльна-
інфармацыйных тэхналогій»

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.
Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1120
Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў
дысертацыйных даследаванняў па юрыдычных і эканамічных навуках.
Адрас рэдакцыі: вул. Караля, 3, 220004, г. Мінск. Тэл. / факс 2630158

Мінск 2022

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар –
доктар юрыдычных навук, прафесар
Шыянок Уладзімір Пятровіч

Намеснік галоўнага рэдактара –
рэктар установы адукацыі «БІП – Універсітэт права і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій»,
кандыдат тэхнічных навук, дацэнт
Раманюк Сяргей Іванавіч

Балашэнка С. А.,
прафесар кафедры
экалагічнага і аграрнага права БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Бандарэнка Н. Л.,
загадчык кафедры
гаспадарчага права БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Бяляцкі М. П.,
загадчык кафедры
арганізацыі і кіравання БДЭУ,
доктар эканамічных навук, прафесар

Вішнеўскі А. Ф.,
прафесар кафедры
тэорыі і гісторыі права БІП,
доктар гістарычных навук,
прафесар гісторыі, прафесар права

Ганушчанка Н. М.,
прарэктар па навуковай рабоце БІП,
кандыдат гістарычных навук

Каваленя А. А.,
акадэмік-сакратар
Аддзялення гуманітарных навук
і мастацтваў НАН Беларусі,
член-карэспандэнт НАН Беларусі,
доктар гістарычных навук, прафесар

Камянкоў В. С.,
дырэктар Міжнароднага навукова-адукацыйнага цэнтра медыяцыі,
прымірэння і трацейскіх працэдур
юрыдычнага факультэта БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Курыла Л. В.,
загадчык кафедры
грамадзянскага права і працэсу БІП,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Лукін С. У.,
загадчык кафедры эканомікі і менеджменту БІП, доктар
эканамічных навук, прафесар

Маісеенка Я. Р.,
прафесар кафедры
інфармацыйных тэхналогій
Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО»,
доктар эканамічных навук, дацэнт

Манкевіч І. П.,
дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін БДЭУ, кандыдат
юрыдычных навук, дацэнт

Оргіш В. П.,
прафесар кафедры
філасофіі і паліталогіі БІП,
доктар філасофскіх навук

Рашэтнікаў С. В.,
прафесар кафедры паліталогіі БДУ,
доктар палітычных навук, прафесар

Рыбак С. В.,
загадчык кафедры
крымінальнага права і працэсу БІП,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Тамашэўскі К. Л.,
прафесар кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін і прафсаюзнай работы Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО», доктар юрыдычных навук,
прафесар

Тарасёнак А. І.,
прафесар кафедры эканомікі і кіравання турыстычнай індустрыяй БДЭУ,
доктар эканамічных навук, дацэнт

Шабанаў В. Б.,
загадчык кафедры крыміналістыкі БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Адказны сакратар С. Д. Воцінава
Камп'ютарная вёрстка, дызайн А. М. Лебедзеў
Карэктар А. А. Карп

Падпісана ў друк 23.11.2022. Папера афсетная. Друк афсетны. Фармат 70x100 1/16.
Ум.-друк. арк. 12,03. Ул.-выд. арк. 13,55. Тыраж 150 экз. Заказ № 187 985.

Паліграфічнае выкананне: таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010. Вул. Смалячкова, 9/1, каб. 113, 220005, г. Мінск

ЗМЕСТ

ДЗЯРЖАВА І ПРАВА

4 *И.В. Данько*
О правовом регулировании отдельных полномочий прокурора в уголовном процессе

9 *М.С. Мищенко*
Основные исторические этапы развития дифференциации норм трудового законодательства

16 *Т.А. Сигаева*
Критерии подведомственности дел суду в цивилистическом процессе

22 *Н.Н. Артюшенко*
Состояние и перспективы создания правового контента, регулирующего железнодорожные перевозки в странах ЕАЭС

28 *К.С. Захилько*
О новом подходе к уголовной наказуемости незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь

33 *М.С. Бондаренко*
Инвестиции в человеческий капитал как актуальное направление научных исследований в области права

39 *Ю.Н. Заика*
Понятие Интернет в теории права и законодательстве Республики Беларусь

45 *М.А. Баранашник*
Обеспечение конфиденциальности информации и защиты персональных данных при осуществлении риэлтерской деятельности

51 *П.А. Амбросова*
Понятие гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя: вопросы теории и практики

56 *А.Г. Апенок*
Трудовая правосубъектность управлений (отделов) образования, детских деревень (городков) как нанимателя в трудовых отношениях по применению профессионального родительского труда

ЭКАНОМІКА І КІРАВАННЕ

66 *В.А. Сакович*
Е.Г. Моисеенко
Мегатренды, меняющие мир: современность, перспектива, вызовы и опасности

78 *А.И. Тарасенок*
Фэн Минтао
Сопряжение как новый формат международной экономической интеграции в Евразии: сущность, содержание, механизм

87 *З.Н. Тарасенок*
Обоснование горизонтов инновационной стратегии Республики Беларусь

ІНШЫЯ ПЫТАННІ НАВУКІ І ПРАКТЫКІ

94 *V.P. Shienok*
Essential characteristics of a person as an object of modern society (on example of national jurisprudence). Part 1

101 *М.П. Гринчук*
М.И. Пастухов
Сокол С.Ф. как юрист и ученый. Его вклад в развитие юридической науки Беларуси

МАТЭРЫЯЛЫ КРУГЛАГА СТАЛА

109 Матэрыялы круглага стала «Правовые системы современности» *(В.Н. Цед, Т.Г. Хатеневич, А.В. Ясинская-Казаченко, Г.М. Третьяков, О.Н. Телюк, С.В. Соркин)*

145 Алфавітны паказальнік артыкулаў, апублікаваных у часопісе ў 2022 годзе

Усе артыкулы рэцэнзуюцца
Рэдакцыя можа не падзяляць пазіцыі аўтараў апублікаваных прац
© Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні

УДК 343.16

И. В. Данько

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Данько Игорь Владимирович *– заведующий кафедрой экономического и финансового права учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов: уголовно-процессуальное право.*

В обстановке проходящей в стране судебно-правовой реформы особую важность имеют преобразования, касающиеся роли прокурора в уголовном процессе. В статье на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и иных законодательных актов рассматриваются отдельные полномочия прокурора по надзору за исполнением законов в ходе досудебного производства по материалам и уголовным делам; отмечается наличие недостатков в правовом регулировании деятельности прокурора при принятии решений о приостановлении проверки по заявлению, сообщению о преступлении и прекращении предварительного расследования, предлагаются возможные пути их устранения.

Ключевые слова*: уголовный процесс, досудебное производство, прокурор, следователь, полномочия, меры процессуального принуждения.*

I. V. Danko

On Legal Regulation of Certain Powers of the Prosecutor in Criminal Proceedings

In the context of the ongoing judicial and legal reform in the country, transformations relating to the procedural position of the prosecutor in the criminal process are of particular importance. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure) and other legislative acts, the article discusses certain powers of the prosecutor to oversee the implementation of laws in the course of pre-trial proceedings based on materials and criminal cases; it is noted that there are shortcomings in the legal regulation of the activities of the prosecutor when making decisions to suspend the verification of an application, report a crime and terminate the preliminary investigation, suggest possible ways to eliminate them.

Keywords*: criminal process, pre-trial proceedings, prosecutor, investigator, powers, measures of procedural coercion.*

Введение

В 2022 году отмечается 100-летие образования прокуратуры в Республике Беларусь, которая занимает важное место в системе правоохранительных органов. По словам А. Шведа, она является «одним из краеугольных камней безопасности и устойчивого развития нашей страны»[1]. Согласно ст. 125 Конституции Республики Беларусь прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных постановлений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное обвинение в судах.

Эффективная реализация данного конституционного установления требует надлежащего нормативного регулирования полномочий прокурора в различных сферах его деятельности.

[1] Швед: За 100 лет надзор стал одним из неотъемлемых элементов правозащитного механизма.

Прежде всего, это касается уголовного процесса, где указанный субъект обязан на всех стадиях своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили (ч. 2 ст. 25 УПК).

Основная часть

Проблема правового положения прокурора в уголовном процессе неизменно относится к числу дискуссионных. При этом, как справедливо утверждает В. А. Лазарева, много путаницы в данный вопрос всегда вносил законодатель, определяя роль прокурора в зависимости от конструкции уголовного процесса на том или ином отрезке исторического развития[1].

Законодательство СССР, наука и практика того периода придавали прокурору гипертрофированное значение. Он осуществлял процессуальное руководство предварительным расследованием, надзор за соблюдением законности при проведении как досудебного, так и судебного производства. Участвуя в рассмотрении уголовных дел, указанный субъект не просто высказывал мнение по обсуждаемым вопросам, но давал свое заключение, которое носило доминирующий характер. Суды, формально имеющие право на собственную позицию и самостоятельное решение, как правило, соглашались с заключением прокурора[2].

Судебно-правовая реформа, начавшаяся в конце прошлого века в Беларуси, как и в других странах постсоветского пространства, потребовала пересмотра устоявшихся представлений о роли прокурора, в том числе и в сфере уголовного процесса. Дополнительный импульс обсуждению этого вопроса придало создание в Республике Беларусь в 2011 году Следственного комитета, повлекшее за собой перераспределение полномочий между прокурором и начальником следственного подразделения в пользу последнего. Сейчас он является должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющим от имени государства уголовное преследование и поддерживающим государственное обвинение в суде.

Представляя орган уголовного преследования, прокурор возбуждает уголовное дело и расследует его в полном объеме, поручает расследование нижестоящему прокурору либо органу предварительного следствия, отказывает в возбуждении уголовного дела, реализует иные полномочия, предоставленные ст. 34 УПК и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Как государственный обвинитель прокурор вправе заявлять отводы и ходатайства; высказывать мнения по поводу действий других участников уголовного процесса, а также по вопросам, разрешаемым судом; представлять суду доказательства, участвовать в их исследовании и пр.

Помимо этого, прокурор осуществляет надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях, в ходе предварительного расследования, за соответствием закону судебных решений по уголовным делам и их исполнением (ч. 1 ст. 25 УПК).

Прошедшие 10 лет с момента образования Следственного комитета Республики Беларусь показали, что, несмотря на слова А. Конюка о том, что «указанные преобразования не оказали существенного влияния на качество прокурорского надзора в данной сфере»[3], все же законодатель счел необходимым в 2021 году дополнить УПК нормами, заметно меняющими положение прокурора в уголовном процессе. В частности, он получил право вносить начальнику следственного подразделения, органу дознания обязательное к рассмотрению представление, согласовывать повторную передачу в следственное подразделение материалов проверки, отменять постановление о приостановлении проведения проверки с одновременным принятием решения об отказе или возбуждении уголовного дела и др. Кроме того, в УПК получили прописку сроки предоставления следователем прокурору для проверки отдельных материалов и уголовных дел.

Очевидно, приведенные и ряд других изменений закона направлены на усиление роли прокурора, повышение эффективности его деятельности, обеспечение своевременной реализации им своих полномочий. Однако анализ УПК свидетельствует о несовершенстве его отдельных положений, негативно сказывающемся на последовательности и стройности регулирующего воздействия закона.

В первую очередь это касается регламентации механизма деятельности прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Данный этап уголовного процесса в последнее время характеризуется все большим процессуальным наполнением, сближаясь по своему содержанию

---

1 Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе. С. 9.
2 Там же. С. 9.
3 Конюк А. Становление и развитие системы органов прокуратуры в суверенной Беларуси. С. 7.

с предварительным расследованием преступлений. Одним из проявлений этой тенденции является появление в УПК норм, предусматривающих основания и порядок приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 173³ УПК такое решение принимается в случае неполучения ответа на международный запрос, а также невозможности производства отдельных действий, указанных в ч. 2 ст. 173 УПК, например, экспертизы, осмотра, получения объяснений и пр. Причем с учетом изменений 2021 года срок приостановления проверки по сути законом неограничен. Понятно, что очерченное правовое регулирование соответствующих правоотношений делает процедуру рассмотрения заявления, сообщения о преступлении более комфортной для органа уголовного преследования. Однако, как указывает А. В. Ковалев, «оборотной стороной медали выступает очередное стеснение в первую очередь прав лица, пострадавшего от преступления»[1] и, как следствие, затруднение доступа последнего к правосудию. Отмеченные опасения подтверждаются результатами обобщения Генеральной прокуратурой Республики Беларусь практики применения анализируемого института за 9 месяцев 2018 года, в соответствии с которыми «выявлены неединичные факты приостановления проверок при отсутствии предусмотренных законом на то оснований, в частности по причине неполучения ответа на запрос о представлении документов. Нередко решения о приостановлении проверки принимались поспешно – без проведения по заявлению и сообщению о преступлении необходимых и достаточных проверочных действий. Распространены факты несвоевременного принятия решений о возобновлении приостановленных проверок, что вело к волоките и обоснованным жалобам заявителей»[2]. Кроме того, нельзя исключать случаев неправильного понимания и применения обновленной редакции п. 2 ч. 1 ст. 173³ УПК, не допускающей возможности приостанавливать проверку по материалу, по которому назначена и проводится экспертиза в связи с неполучением заключения эксперта, как это было предусмотрено раньше.

В такой ситуации чрезвычайно важна роль прокурора по оперативному установлению и устранению нарушений закона, обеспечению защиты прав и интересов пострадавших граждан, ведь по меткому утверждению Н. А. Колоколова, «интересы потерпевшего – дело прокурора»[3]. Несмотря на кажущуюся ясность подобного подхода, обусловленного функциональной принадлежностью прокурора в уголовном процессе, некоторые нормы УПК при буквальном и точном их понимании, на наш взгляд, не позволяют рассматриваемому субъекту эффективно реализовывать свои полномочия. Так, в соответствии со ст. 173³ и 179 УПК, осуществляя надзор и не согласившись с выводами органа уголовного преследования, прокурор вправе отменить постановление о приостановлении проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Очевидно, приведенное решение невозможно принять без всестороннего и тщательного изучения прокурором собранных органом уголовного преследования материалов проверки и оценки полученных им результатов. О том, что такие материалы поступают в распоряжение прокурора, косвенно свидетельствует п. 4 ст. 179 УПК, согласно которому после отмены постановления органа дознания, следователя или нижестоящего прокурора о приостановлении проверки по заявлению или сообщению о преступлении прокурор направляет материалы для проведения проверки.

Вместе с тем неясно, каким образом указанные материалы попадают к прокурору. Часть 6 ст. 173³ УПК обязывает следователя, орган дознания в течение 24 часов направлять ему лишь копию постановления о приостановлении проверки. При этом материалы остаются в органе, рассматривающем заявление, сообщение о преступлении. Предусмотренное п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК право прокурора письменно истребовать уголовные дела, материалы, исходя из формулировки первого предложения ч. 5 ст. 34 УПК, можно использовать только при производстве предварительного следствия и дознания, к которым проверка по заявлению, сообщению о преступлении не относится. Нельзя в указанной ситуации применить и закон «О прокуратуре Республики Беларусь», который, прибегая к отсылочной норме, предписывает прокурору в ст. 31 руководствоваться требованиями УПК при осуществлении надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства.

Таким образом, выходит, что прокурор не обладает правом истребования материалов приостановленной проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Конечно, можно уповать на то, что прокурор, осуществляя надзор, инициативно, на постоянной основе должен

---

1 Ковалев А. В. Стадия возбуждения уголовного дела в современных условиях. С. 236.

2 Генеральная прокуратура обобщила практику принятия решений о приостановлении проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях.

3 Цит по: Чепрасов М. Г. Уголовно-процессуальное соотношение законных интересов обвиняемого и потерпевшего в рамках российского уголовного процесса. С. 228.

мониторить находящиеся в производстве органов дознания и предварительного следствия материалы, в соответствии с приказами Генерального прокурора Республики Беларусь проверять законность принимаемых ими решений, но все же, думается, такая деятельность нуждается в регулировании на уровне закона. Характерно, что в схожих ситуациях нормотворцы в 2021 году предусмотрели обязанность органа уголовного преследования направлять прокурору материалы проверки с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, а также уголовные дела, по которым предварительное расследование приостановлено или прекращено.

Издержки правового регулирования полномочий прокурора в уголовном процессе не ограничиваются отсутствием нормативного закрепления отдельных процедур, характерным примером которого выступает описанная выше проблема. К сожалению, в УПК встречаются предписания, которые, на наш взгляд, не в полной мере вписываются в контекст разделения функций между следователем, реализующим уголовное преследование, и прокурором, осуществляющим надзор за исполнением законов в досудебном производстве. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 34 УПК в ходе реализации данного направления деятельности прокурор вправе санкционировать применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, залога, а также других процессуальных действий, ограничивающих права и свободы граждан. При этом согласно ч. 5 ст. 119 УПК отмена или изменение органом дознания или следователем меры пресечения, примененной с санкции прокурора либо его заместителя, допускаются лишь с согласия прокурора или его заместителя. Аналогичное правило действует и в отношении таких иных мер процессуального принуждения, как временное отстранение от должности (ч. 4 ст. 131 УПК) и наложение ареста на имущество (ч. 16 ст. 136 УПК).

Логика подобного регулирования соответствующих правоотношений ясна: те средства государственного принуждения, которые применены с санкции прокурора или его заместителя, могут отменяться лишь с согласия указанных должностных лиц. В общем понятная и вполне оправданная регламентация рассматриваемой процедуры вместе с тем может создавать препятствия в реализации других предоставленных УПК полномочий органу предварительного следствия. В частности, это касается решения следователя о прекращении предварительного расследования.

По своей природе прекращение предварительного расследования представляет собой волеизъявление компетентного должностного лица (его решение), оформленное надлежащим образом (постановлением о прекращении предварительного расследования) и влекущее устранение его правомочий на дальнейшее производство по делу, а также порождающее необходимость разрешения ряда процессуальных вопросов и совершения процессуальных действий, направленных на реализацию прав заинтересованных лиц. Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин формулируют указанное понятие как процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного лица об отсутствии требуемых для уголовного судопроизводства предпосылок и об отказе от дальнейшего его ведения[1].

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 251 УПК о прекращении предварительного расследования выносится мотивированное постановление, в котором, помимо всего прочего, должно содержаться указание об отмене меры пресечения, меры временного отстранения от должности, ареста на имущество. Из анализа данной нормы в сочетании с ч. 5 ст. 119, ч. 4 ст. 131 и ч. 16 ст. 136 УПК вытекает, что если приведенные выше меры принуждения применялись в ходе производства по уголовному делу, то для его прекращения потребуется согласие прокурора. Получается, что, не давая согласия на отмену, например, ареста на имущество, прокурор фактически блокирует решение следователя о прекращении предварительного расследования. Вряд ли такую ситуацию можно признать безупречной. Когда вопрос об отмене или изменении меры процессуального принуждения возникает в ходе ведущегося производства по делу, согласие или несогласие прокурора не имеет столь принципиального значения, поскольку кардинально не влияет на дальнейшее развитие уголовного процесса. Совсем иная ситуация складывается при прекращении предварительного расследования, т.к. здесь позиция прокурора по частному вопросу – мере процессуального принуждения, по сути, имеет правовое значение для всего уголовного дела, судьбу которого должно определять лицо, в производстве которого оно находится.

Очевидно, изложенное обстоятельство не в полной мере согласуется с ч. 5 ст. 36 УПК и ограничивает процессуальную самостоятельность следователя. Между тем еще

[1] Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. С. 304.

М. С. Строгович отмечал, что «надзор прокурора за проведением предварительного следствия не может и не должен в какой-либо мере умалять самостоятельность следователя»[1]. Решение о прекращении предварительного расследования должно приниматься им на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности по своему внутреннему убеждению. «Указание закона на внутреннее убеждение нужно, прежде всего, понимать как исключительную компетенцию лица, ведущего производство по делу... самоубеждение, формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела»[2]. Только лицо, непосредственно расследующее уголовное дело, на основе анализа собранных доказательств, тщательного их исследования, оценки юридически значимых признаков может составить объективную картину произошедшего события и принять решение о прекращении предварительного расследования. Чьего-либо согласия для этого закон не требует, за исключением прекращения производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным ст. 30 УПК. Однако здесь речь скорее идет о согласии прокурора на освобождение от уголовной ответственности лица, чья причастность к совершению преступления доказана, в связи с наличием предусмотренных законом условий и других обстоятельств, которые в совокупности свидетельствуют о нецелесообразности в данной конкретной ситуации применения к нему наказания или иных мер уголовной ответственности.

Заключение

Таким образом, представляется, в УПК следует внести следующие изменения и дополнения:
1. В ст. 173[3] УПК предусмотреть требование о направлении прокурору материалов приостановленной проверки по заявлению или сообщению о преступлении, получив которые прокурор сможет эффективно реализовать свои полномочия по надзору за исполнением закона в ходе досудебного уголовного производства.
2. Исключить обязательность получения согласия прокурора на отмену мер процессуального принуждения, примененных с его санкции, при прекращении следователем предварительного расследования. Полагаем, реализация данного предложения позволит установить баланс между прокурорским надзором и процессуальной самостоятельностью следователя при принятии им одного из важнейших решений, определяющих судьбу уголовного дела.

Список использованных источников

1. *Генеральная прокуратура обобщила практику принятия решений о приостановлении проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. –Режим доступа: https://prokuratura.gov.by/ru/activity/media/detail/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/generalnaya-prokuratura-obobshchila-praktiku-prinyatiya-resheniy-o-priostanovlenii-proverok-pozayav/. – Дата доступа: 17.09.2022.*
2. *Жогин, Н.В. Предварительное следствие / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юридическая литература, 1965. – 368 с.*
3. *Ковалев, А.В. Стадия возбуждения уголовного дела в современных условиях / А.В. Ковалев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь; редкол.: А.В. Яскевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 235–236.*
4. *Конюк, А. Становление и развитие системы органов прокуратуры в суверенной Беларуси / А. Конюк // Законность и правопорядок. – 2017. – № 2. – С. 3–9.*
5. *Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие / В.А. Лазарева. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 296 с.*
6. *Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – 616 с.*
7. *Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.*
8. *Чепрасов, М.Г. Уголовно-процессуальное соотношение законных интересов обвиняемого и потерпевшего в рамках российского уголовного процесса / М.Г. Чепрасов // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3. – С. 227–232.*
9. *Швед: За 100 лет надзор стал одним из неотъемлемых элементов правозащитного механизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/shved-za-100-let-nadzor-stal-odnim-iz-neotemlemykh-elementov-pravozashchitnogo-mekhanizma.html. – Дата доступа: 13.09.2022.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 19.09.2022.

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. С. 50.
[2] Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 475.

УДК 349.2

М. С. Мищенко

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НОРМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мищенко Майя Степановна *– профессор кафедры гражданского права и процесса учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов: трудовое право, право социального обеспечения.*

В статье исследуются основные исторические этапы развития дифференциации норм трудового законодательства. Особое внимание уделяется анализу формирования оснований и критериев развития дифференциации в различные периоды истории государства, что позволяет делать выводы о перспективе развития специальных норм в трудовом законодательстве. Дифференцированные (специальные) нормы определяют перспективу развития отрасли и науки трудового права в целом.

Ключевые слова*: дифференциация норм, единство норм, найм, фабричное законодательство, нормы-изъятия, нормы-приспособления, нормы-дополнения.*

M. S. Mishchenko

Labor legislation norms differentiation and the main historical stages of its development

The article examines the main historical stages of the development of the differentiation of labor legislation norms. The criteria that make the basis for this differentiation are analyzed. The conclusions about the prospects of the development of special standards in labor legislation are drawn. The prospects, in their turn, determine the perspective of the development both of the sphere of activity and labor law science in general.

Keywords*: differentiation of norms, unity of norms, hiring, factory legislation, norms-exemptions, norms-adaptations, norms-additions.*

Введение

Дифференциация норм трудового законодательства обусловлена многоаспектностью трудовых и связанных с ними отношений. Такое правовое явление, как дифференциация в трудовом праве, складывается независимо от воли сторон трудового правоотношения. На дифференциацию норм влияет статус нанимателя и работника; условия труда; отраслевая принадлежность нанимателя; территория, на которой применяется труд и т.д.

Основная часть

Трудовое право – одна из отраслей права, которой в высшей степени присуще явление дифференциации. В свое время С. С. Каринский отмечал: «Дифференциация трудового права не есть нечто застывшее, не развивающееся и не изменяющееся. Развиваются как общие начала ... трудового права, так и его дифференциация. Основной тенденцией в развитии правового регулирования труда является тенденция к единству»[1]. Но, как подчеркнул

[1] Каринский С. С. Основные черты развития советского трудового права. С. 116.

А. Е. Пашерстник: «Однако единство трудового права не только не противоречит дифференциации правового регулирования, но напротив, предполагает ее»[1]. Мнение этих ученых поддерживается И. О. Снигиревой: «Особые нормы не могут быть отделены от общего законодательства о труде, на базе которого они возникли»[2]. Отсюда следует, по весьма точному определению Л. С. Рабиновича-Захарина: «Дифференциация в многочисленных своих проявлениях служит в основном одной цели – конкретизации единых начал трудового права, их наиболее действенному, оптимальному применению к самым разнообразным условиям»[3]. С достижением этой цели решаются важные задачи: трудовое право обогащается новыми правовыми нормами, а значит, и общественными отношениями, усиливается его социальная роль. На основе вышеприведенных высказываний ученых можно сделать вывод: дифференциация влияет на систему трудового права и во многом определяет структуру этой отрасли права. Отсюда следует, что все характерные черты трудового права в целом присущи также и дифференциации. Сказанное подтверждается всем ходом развития трудового права, т.е. его история есть в существенной мере история его дифференциации. Период с XVIII по начало XX века характеризуется тем, что общие положения договора личного найма получили закрепление в гражданских законах. И хотя отсутствовало понятие этого договора, тем не менее, как отмечал С. А. Соболев, «он мог заключаться для выполнения: 1) домашних услуг; 2) земледельческих, ремесленных и заводских работ, торговых и прочих промыслов... К началу 20 века большинство положений договора личного найма Законов гражданских были отменены. Принимаются многочисленные правила и положения о найме на работу, в которых общие нормы права конкретизируются применительно к особенностям сферы деятельности, вида предприятия, выполняемой трудовой функции...»[4]. Это свидетельствует о том, что возникла насущная необходимость в специальном законодательстве, которое регулировало бы отдельные вопросы труда для отдельных групп работающих.

Можно сделать вывод, что в самом начале своего развития дифференциация трудоправовых норм, получившая закрепление еще в недрах гражданского права, имела вынужденный, искусственный характер, безусловно, без привязки к общим положениям гражданского права. Возникает вопрос: могла ли быть связь дифференциации в договоре личного найма с гражданским законодательством? На этот вопрос, как никто лучше, ответил Л. С. Таль: «Современное правосознание не мирится дальше с несогласованностью общего и специальных законов, с тою аномалиею, что наиболее распространенные в жизни виды найма труда подлежат действию сингулярных норм, не имеющих по духу и содержанию никакой почвы в общегражданских законах»[5]. Гражданские кодексы, действовавшие в период возникновения фабричного законодательства (первая половина XIX века), закрепляли в своей системе институт личного найма. Не было главного – этот договор не был наполнен конкретным содержанием, было непонятно, как сторонам строить свои отношения, отсутствовали наиболее существенные взаимные обязанности, их права. Следовательно, во-первых, не было исходной базы для развития общего трудового законодательства, а тем более норм дифференциации; во-вторых, появившиеся к этому времени архаические источники (о домашних слугах, сельскохозяйственные, торговые, ремесленные и др. уставы и уложения), казалось бы, изначально нацеленные на дифференциацию норм, игнорировали договорный характер отношений найма. Они были построены на началах феодально-цехового строя, поэтому и отношения рассматривались в них как отношения господства-подчинения.

В САМОМ НАЧАЛЕ СВОЕГО РАЗВИТИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРУДОПРАВОВЫХ НОРМ, ПОЛУЧИВШАЯ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЕЩЕ В НЕДРАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА, ИМЕЛА ВЫНУЖДЕННЫЙ, ИСКУССТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР

Постепенно рабочий класс укрепляет свои позиции, завоевывает право на объединение, что явилось основанием для возникновения фабричного законодательства. Характерно то, что в России оно начинается с некоторого ограничения – применения детского труда. Закон от 7.08.1845 года запрещал работу детей до 12-летнего возраста. Затем законы 1882 и 1885 годов регулируют некоторые условия труда женщин и детей. Условия найма рабочих фабрично-заводской и горной промышленности нашли отражение в Уставе о промышленном труде

1 Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. С. 75.
2 Снигирева И. О. К вопросу об отраслевой дифференциации советского трудового законодательства. С. 83.
3 Рабинович-Захарин Л. С. Единство и дифференциация советского трудового права. С. 3.
4 Соболев С. А. История становления трудового договора в России. С. 95, 97.
5 Таль Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения. С. 398.

(1913 г.). В последнем нормативе, если оценивать его нормы, в достаточно высокой степени отражены черты дифференциации. Каждая из частей Устава имела свой особый суженный, отраслевой, персональный и территориальный круг действия. Хронологию нормативных актов этого периода можно было бы продолжить. Важно то, что они были направлены в большей мере на ограждение интересов хозяев, чем работников. Можно сделать общий вывод, что сущность дифференциации, имеющей место в фабричном законодательстве, носила характер изъятия. Оно возникало как исключительное законодательство. Тем не менее в тех условиях развития общества уже были «заложены предпосылки к постепенному расширению области применения социального законодательства, к превращению исключительных норм в общие»[1]. Из этого вытекает, что дифференциация рассматривалась не просто как способ, корректив к норме, носящей юридически-технический смысл, а как совершенно новый принцип регулирования правоотношений. Нормам дифференциации, так же как общим нормам трудового права, присуща одна из характерных черт – демократизм и гуманизм. Такой подход изначально был осуществлен с победой Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года. Эта черта нашла свое отражение в единстве трудового права. Как подчеркнул Ф. М. Левиант: «Единство трудового права – это всеобщность и обязательность основных правовых принципов... организации труда, закрепленных в Конституции и иных нормативных актах государственной власти для всех видов трудовых отношений...»[2]. Принципиально был решен вопрос о возведении единства в принцип трудового права, на основе которого формировалась система этой отрасли. В тот период времени было важно, что единство закрепляло уничтожение эксплуатации человека человеком, равную оплату за равный труд, высокий уровень гарантий (по тем временам). В области рабочего времени, исходя из первого трудового закона – декрета СНК «О восьмичасовом рабочем дне» от 29.10.1917 г. (СУ 1917, № 1, ст. 7), был решен вопрос о сокращении рабочего времени. Для лиц, работающих по найму, введено социальное страхование. Более того, законодатель счел нужным подчеркнуть недопустимость дискриминации каких бы то ни было групп трудящихся. Как отмечал С. С. Каринский: «Достижения советской власти в области регулирования... нашли юридическое закрепление не только в постановлениях по конкретным вопросам, но и в ряде широких актов, охватывающих в систематизированном виде все основные проблемы регулирования труда. Из этих последних актов в первую очередь должны быть названы КЗоТ 1918 г., Общие положения о тарифе 1920 г.»[3].

КЗоТ 1918 года был основан на принципе государственного нормирования, поэтому единство правовых норм прослеживалось наиболее широко и отчетливо. Нормы дифференциации в первом кодексе касались главным образом порядка регулирования условий труда, а не их содержания. Регулирование условий труда было возложено на Народный Комиссариат Труда (НКТ), работа которого протекала в тесном контакте с профсоюзами. Уже в конце 1917 года отраслевая дифференциация условий труда была выражена в Декрете об оплате труда и рабочего времени железнодорожников (СУ, 1917, № 8, ст. 116). Это был первый шаг к специальному регулированию условий труда в отдельных отраслях. В рассматриваемый период, учитывая, что это время иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.), не было реальных возможностей для дифференциации трудового законодательства. Были сделаны отдельные попытки ввести специальные нормы на основе общих норм трудового права.

Для периода перехода страны на мирную работу по восстановлению экономики (1921–1925 гг.) КЗоТ 1922 года был существенным шагом вперед в деле развития советского трудового законодательства, он закрепил предоставляемые рабочим и служащим трудовые гарантии в целом на более высоком уровне, чем это было сделано в предшествующем законодательстве. Этот кодекс, как отмечали А. И. Вишневецкий, С. Л. Рабинович-Захарин и Д. Н. Хлебников, «применялся во всех случаях работы по найму и обязателен для всех предприятий, учреждений и хозяев – государственных, общественных и частных, а также для всех лиц, применяющих чужой труд за вознаграждение. Однако на некоторых работах Кодекс и дополняющее его законодательство применяются не полностью, а с рядом изъятий. Так, изъятия из общего трудового законодательства установлены в отношении: 1) лиц, занятых на сезонных работах; 2) временных работников; 3) лиц, занятых на строительных работах; 4) квартирников; 5) гарантийных работников; 6) вольнонаемных работников военного

[1] Рабинович-Захарин Л. С. Единство и дифференциация советского трудового права. С. 28.
[2] Левиант Ф. М. Единство и дифференциация советского трудового права. С. 91.
[3] Каринский С. С. Основные черты развития советского трудового права. С. 106–107.

ведомства; 7) работников милиции и мест заключения; 8) домашних работников (работниц) и др.»[1]. К числу специальных правовых актов того времени можно отнести:

– Декрет ВЦИК и СНК СССР 10.06.1920 г. «О рабоче-крестьянской милиции» (СУ 1920, № 79, ст. 371);

– Декрет СНК СССР 26.09.1922 г. «Об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промысловых кооперативных предприятиях» (СУ, 1922, № 63, ст. 810);

– Постановление СНК РСФСР 02.07.1923 г. «Об изъятиях по распространению КЗоТ 1922 г. на квартирников» (СУ № 63, ст. 611);

– Постановление ЦИК и СНК СССР 04.06.1926 г. «Об условиях труда на сезонных работах» (СЗ, № 40, ст. 290);

– Постановление ЦИК и СНК СССР 14.01.1927 г. «Об условиях труда временных работников» (СЗ, № 9, ст. 80);

– Постановление ЦИК и СНК СССР 04.04.1928 г. «Об условиях труда на строительных работах» (СЗ, № 21, ст. 187), и др.

Анализ специального законодательства рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о том, что *дифференциация усиливалась по многим видам*.

В истории страны 1926–1929 годы были *периодом индустриализации*. «О народнохозяйственном значении дифференциации трудового законодательства говорит резолюция пятого Всероссийского Совещания органов труда... В резолюции констатируется, что КЗоТ 1922 года оказался приспособленным главным образом для основных кадров рабочих и служащих. Между тем в связи с развитием социалистической промышленности расширилось применение труда...»[2]. Действительно, годы индустриализации стали фактором расширения и углубления дифференциации. Как правильно заметил А. Е. Пашерстник: «Право и его дифференциация всегда выражают существующие экономические отношения... В основе дифференциации права лежит дифференциация реально существующих общественных отношений»[3]. Если для начального периода введения в действие КЗоТ 1922 года, дифференциации в самом тексте документа было уделено скромное место, то к 1 января 1929 года в него были внесены изменения. Как было отмечено А. И. Вишневецким, С. Л. Рабиновичем-Захариным и Д. Н. Хлебниковым: «Ст. 1 дополнена 4-мя примечаниями, в соответствии с которыми Кодекс в целом дополнен 4-мя приложениями, содержащими союзные законы об условиях труда на сезонных работах, временных работников, на лесозаготовительных и сплавных работах, на строительных работах...»[4]. Впоследствии КЗоТ РСФСР имел 11 официальных приложений, и все они были посвящены особенностям регулирования труда. По такому пути пошли все союзные республики. Для дифференциации периода индустриализации характерны следующие черты:

1. Глубина и разветвленность специальных норм в таких отраслях, как строительное дело, торфоразработки, кустарная и ремесленная промышленность, лесозаготовки и сплав. Объяснялось это тем, что указанным отраслям свойственны такие специфические условия, как сезонность, временность, подсобный характер работы, зависимость от климатических и экономических условий. Дифференциация строилась на сумме изъятий из КЗоТ.
2. Взаимосвязь дифференцированных норм материального права в зависимости от характера трудового договора с нормами процессуального характера. Так, РКК (расценочно-конфликтная комиссия) рассматривала трудовые споры работников с их нанимателями на лесозаготовках и сплаве; примирительные комиссии при волостных исполкомах – при применении труда в крестьянских хозяйствах; согласительные комиссии – с домашними работниками; паритетные комиссии – со старателями.
3. Появление первых норм-дополнений, предусматривающих более льготные условия труда в отдельных отраслях. Так, 3-дневный дополнительный отпуск проработавшим не менее двух лет в отраслях промышленности и транспорте; о льготной оплате простоя в металлургической, коксовой, горнорудной промышленности; о надбавках к заработной плате учителей, медицинских работников и др. за работу в отдаленных местностях и др.

Известно, что если развивается в целом трудовое право, то вместе с ним развивается и его дифференцированная часть, т.к. единство и дифференциация взаимосвязаны. КЗоТ 1922 года явился основанием становления системы трудового права, а также его дифференциации. Но дифференциации как правовому явлению присущ динамизм. Однако на тот момент политические и экономические преобразования в жизни общества и государства

---

1 Вишневецкий А. И., Рабинович-Захарин Л. С., Хлебников Д. Н. Азбука трудового права. С. 9.
2 Рабинович-Захарин Л. С. Единство и дифференциация советского трудового права. С. 76.
3 Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. С. 45.
4 Вишневецкий А. И., Рабинович-Захарин Л. С., Хлебников Д. Н. Азбука трудового права. С. 8.

явно не сопутствовали развитию дифференциации. *Нельзя отметить динамичное развитие дифференциации в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны.* Скорее наоборот, это был период застоя в развитии трудового права и особенно дифференциации. Авторы, исследуя историю развития трудовых отношений, сходятся во мнении, что период после 30-х годов и до смерти И. В. Сталина был не лучшим для трудового права. Это было трудовое право административно-командной системы и введения прямого государственного принуждения к труду под страхом уголовной ответственности. Как отмечал С. А. Соболев: «В последующем право представляло собой прямое отражение государственной идеологии, проводимой партией большевиков. Поэтому уже к началу 30-х годов довольно эффективный правовой механизм договорного регулирования трудовых отношений был отменен... Как это ни парадоксально, но Советская Россия по способам управления очень походит на старое русское государство»[1]. Всеобщими перед началом войны стали два крупных и значимых норматива. Это постановление СНК СССР, ЦК ВКПБ и ВЦСПС от 28.12.1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» (СП СССР, 1939, № 1, ст. 1) и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (Ведом. Верх. Сов. СССР, № 20, 1940). Все эти вынужденные меры не способствовали развитию трудового права и соответственно его важнейшей части – дифференциации, т.е. фактически она не получила развития.

Послевоенные годы, в т.ч. и годы либерализации советской общественной системы (1956–1970 гг.), также нельзя признать успешными с точки зрения развития дифференциации. Как было отмечено С. А. Соболевым: «Усиление государственной власти повлекло за собой развитие партийно-хозяйственной бюрократии, которая, как паутина, охватила всю страну. Существующий правовой механизм устанавливал подробную регламентацию практически всех вопросов в сфере труда, исключая не только безработицу, но и всякую заинтересованность работников в результатах своей работы»[2]. Но, несмотря на крупные издержки бюрократической системы, все же было бы неверным утверждать об отсутствии какой-то динамики в развитии дифференциации трудовых и связанных с ними отношений.

По утверждению Ф. М. Левианта: «Существенная дифференциация норм трудового права обусловлена прежде всего различными видами трудовых отношений... Необходимость такого рода дифференциации видов трудовых отношений вытекает из наличия двух форм социалистической собственности – государственной (всенародное достояние) и кооперативно-колхозной собственности... Дифференциация норм трудового права имеет место также и внутри каждого из видов трудовых отношений»[3]. Таким образом, на тот момент впервые было признано, что форма собственности влияет на регулирование трудовых отношений.

Наиболее четко и глубоко проводилась дифференциация по таким признакам, как: отрасль; условия труда (тяжелые, вредные работы, работа в горячих цехах); территориальное расположение нанимателя.

Официально признано, что специальное регулирование правоотношений в трудовом праве возможно тремя разновидностями норм: норм-изъятий, норм-приспособлений, норм-дополнений.

Особое значение приобретали льготы и преимущества, т.е. дифференциация условий труда усиливалась за счет норм-дополнений.

Принятие нового КЗоТа в Беларуси (23.06.1972) не решило проблем полноценного развития трудового права и его дифференциации. Как подчеркнул К. Л. Томашевский: «В период действия КЗоТ 1972 г. в него неоднократно вносились изменения и дополнения (только за 1993–1999 гг. – 12 раз). В нем не были урегулированы целые группы трудовых и связанных с ними отношений»[4]. Для первой редакции КЗоТ БССР 1972 года дифференциации можно дать следующие правовые характеристики.

1. Прогрессивным решением с точки зрения дифференциации явилось вынесение особенностей в отдельную главу (18), состоящую из 6 статей. Однако наименование этой главы «Заключительные положения» не соответствовало ее содержанию.

---

1 Соболев С. А. История становления трудового договора в России. С. 99.
2 Там же. С. 9.
3 Левиант Ф. М. Единство и дифференциация советского трудового права. С. 96, 99.
4 Томашевский К. Л. Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. Основные новеллы общих положений и института трудового договора. С. 76.

2. Прослеживались тенденции, направленные на расширение индивидуально-договорного регулирования отношений в сфере труда. Трудовой договор был отнесен к числу источников регулирования трудовых отношений.

Большинство статей КЗоТ БССР 1972 года было существенно реформировано Верховным Советом Республики Беларусь, в него были внесены изменения и дополнения от 15.12.1993 года. Необходимость внесения столь многочисленных изменений в КЗоТ была продиктована изменением государственно-правовых методов управления экономикой. Были приняты важнейшие законодательные акты: «О собственности», «О предприятиях», «О предпринимательстве» и др. Гражданин получил исключительное право распоряжаться своими способностями к труду как самостоятельно, так и на основе договора. Такие кардинальные преобразования в обществе не могли не отразиться на развитии трудового права, а вместе с ним и на дифференциации его норм. *С точки зрения развития дифференциации произошли явления позитивного характера.*

1. Законодательно закреплена задача развития социального партнерства между нанимателями и работниками, в результате коллективный договор приобрел статус нормативного акта. Как следствие, кодекс открывал возможность усиления дифференциации трудовых отношений посредством коллективно-договорных актов.
2. Впервые в кодифицированном законе (ст. 6–1) были перечислены признаки дискриминационного характера, связанные с приемом на работу и регулированием трудовых отношений. Этой новеллой была ограничена возможность использования неоправданной (отрицательной) дифференциации.
3. Глава 18 КЗоТ была переименована в «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». Такое существенное изменение в кодексе отразилось на содержательной части этой главы. В качестве дополнительных критериев дифференциации в ней были отражены: территория и новая форма правовой связи работника с нанимателем – трудовой контракт.

Наряду с вышеназванными положительными явлениями в развитии дифференциации норм трудового права принципиально отрицательными оставались моменты, унаследованные из КЗоТа первой редакции (1972 г.): во-первых, наряду с тем, что структура КЗоТ оставалась неизменной, соответственно, и структура дифференциации не претерпела принципиальных изменений. Например, дифференциация труда женщин, молодежи, инвалидов, несмотря на многообразие льгот, рассматривалась по-прежнему в контексте института «Охрана труда»; во-вторых, с введением нового наименования главы 18 КЗоТ это существенно не отразилось на ее содержательной части.

Дифференциация норм трудового законодательства получила существенное развитие с введением в силу (с 01.01.2000 г.) Трудового кодекса Республики Беларусь. Об этом свидетельствует тот факт, что в нем дифференциация норм третьего раздела «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» была представлена весьма «панорамно». Он содержал 99 статей[1]. В нормах данной части норматива прослеживались основания дифференциации трудовых отношений, однако они не были представлены системно.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НОРМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОЛУЧИЛА СУЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ С ВВЕДЕНИЕМ В СИЛУ ТРУДОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С 2000 года и по сей день дифференциация трудовых отношений расширяется и приобретает достаточно емкий характер, о чем свидетельствует законодательство последнего времени[2]. Однако дифференцированные нормы представлены в ТК архаично и требуют дальнейшей систематизации по ключевым основаниям и критериям.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В самом начале своего развития (с XVIII века) дифференциация трудоправовых норм получила закрепление еще в недрах гражданского права в договорах личного найма.
2. С развитием фабричного законодательства (конец XVIII и начало XIX века) дифференциация норм носила характер изъятия и оценивалась как исключительное законодательство.

---

1 Трудовой кодекс Республики Беларусь. Официальное издание.
2 Об изменении законов.

3. КЗоТ 1918 года был основан на принципе государственного нормирования, поэтому нормы дифференциации в первом кодексе охватывали в большей степени порядок регулирования условий труда в отдельных отраслях.
4. КЗоТ 1922 года был существенным шагом в развитии дифференциации норм в части гарантий рабочим и служащим. На основе этого кодекса появился ряд специальных правовых актов, на основе которых дифференциация усиливалась по многим видам труда.
5. Период индустриализации (1926–1929 гг.) характеризуется расширением и углублением дифференциации трудовых отношений.
6. Предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны, учитывая административно-командный характер развития трудовых отношений, были периодом застоя дифференциации норм.
7. Послевоенные годы (1956–1970), хотя и не были успешными с точки зрения развития дифференциации, все же вошли в историю официальным признанием трех разновидностей норм: норм-изъятий, норм-приспособлений, норм-дополнений.
8. С принятием КЗоТа в Белорусской ССР (1972 г.) прогрессивным решением с точки зрения развития дифференциации явилось вынесение специальных норм в отдельную главу (глава 18).
9. Дифференциация норм трудового законодательства получила существенное развитие с введением в силу Трудового кодекса Республики Беларусь (2000 год).

Таким образом, выделены основные исторические этапы развития дифференциации норм трудового законодательства и сделаны выводы по каждому периоду ее развития. Эти выводы дают основание внести предложение о дальнейшей систематизации оснований и критериев дифференциации норм трудового законодательства в рамках кодифицированного закона – Трудового кодекса (третьего раздела), с тем чтобы исключить в нем архаичность норм.

Список использованных источников

1. *Вишневецкий, А. И. Азбука трудового права / А. И. Вишневецкий, Л. С. Рабинович-Захарин, Д. Н. Хлебников / Под ред. И. С. Войтинского. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Вопросы труда, 1929. – 481 с.*
2. *Каринский, С. С. Основные черты развития советского трудового права / С. С. Каринский // Советское государство и право. – 1957. – № 11. – С. 104–117.*
3. *Левиант, Ф. М. Единство и дифференциация советского трудового права / Ф. М. Левиант // Вестник Ленинградского университета. Сер. экономики, философии и права. – 1958. – Вып. 4. – № 23. – С. 91–103.*
4. *Об изменении законов: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2019 г., № 219-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
5. *Пашерстник, А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде / А. Е. Пашерстник. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 231 с.*
6. *Рабинович-Захарин, Л. С. Единство и дифференциация советского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Л. С. Рабинович-Захарин. – М., 1947. – 175 с.*
7. *Снигирева, И. О. К вопросу об отраслевой дифференциации советского трудового законодательства / И. О. Снигирева // Советское государство и право. – 1964. – № 11. – С. 83–91.*
8. *Соболев, С. А. История становления трудового договора в России / С. А. Соболев // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 93–102.*
9. *Таль, Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование / Л. С. Таль. – Ярославль: типография Губернского правления, 1913. – Ч. 1: Общие учения. – 422 с.*
10. *Томашевский, К. Л. Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. Основные новеллы общих положений и института трудового договора / К. Л. Томашевский // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 76–83.*
11. *Трудовой кодекс Республики Беларусь. Официальное издание. – Минск: НЦПИ Беларуси, 1999. – 191 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 05.04.2022.

УДК 347.98

Т. А. Сигаева

КРИТЕРИИ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ СУДУ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сигаева Татьяна Адамовна *– доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов: перевозки грузов железнодорожным транспортом, судебная защита их участников.*

Статья посвящена определению критериев подведомственности дел суду с учетом динамики законодательства и реформ в судебной системе, связанных с объединением общих и хозяйственных судов в единую систему. Анализируются правовые идеи белорусских и российских ученых, законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации. Автор приводит новые аргументы и доводы в обоснование наличия (отсутствия) тех или иных правил подведомственности. В итоге им устанавливаются критерии подведомственности дел национальным судам общей юрисдикции. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности в целях совершенствования законодательства, в правоприменительной деятельности – для корректного применения норм о подведомственности и содействия доступу к правосудию, а также в учебном процессе – для формирования знаний о подведомственности.

Ключевые слова*: подведомственность; судебная подведомственность; критерии подведомственности; правила подведомственности; компетенция судов; судебная юрисдикция; подведомственность гражданских дел; подведомственность экономических дел.*

T.A. Sigaeva

Criteria for the jurisdiction of cases by the court in civilistic process

The article is devoted to determining the criteria for the jurisdiction of cases by the court, taking into account the dynamics of legislation and reforms in the judicial system related to the unification of general and economic courts into a single system. The legal ideas of Belarusian and Russian scientists and the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation are analyzed. The author gives new arguments to justify the presence (absence) of jurisdictional rules. As a result, it establishes criteria for the jurisdiction of cases by national courts of general jurisdiction. The results of the study can be used in rule-making practice in order to improve legislation, in law enforcement activities – for the correct application of the rules on jurisdiction and promotion of access to justice, as well as in the educational process – for the formation of knowledge about jurisdiction.

Keywords*: jurisdiction; judicial jurisdiction; jurisdiction criteria; jurisdiction rules; the competence of the court; jurisdiction of civil cases; jurisdiction of economic affairs.*

Введение

В Беларуси фундаментальных комплексных исследований, посвященных подведомственности, в том числе ее критериям, основанным на нормах цивилистического процессуального права, не проводилось. Отдельные аспекты данного института нашли освещение в публикациях Т. С. Тарановой[1], Д. Зарицкого[2] и др. Значимые положения находят отражение в работах учебного характера отечественных ученых В. Г. Тихини[3], В. С. Каменкова[4], кафедры

[1] Таранова Т. С. Подведомственность и подсудность гражданских дел.
[2] Зарицкий Д. Некоторые аспекты правового спора, влияющие на подведомственность дел.
[3] Тихиня В. Г. Гражданский процесс.
[4] Каменков В. С. Хозяйственный процесс.

гражданского процесса и трудового права БГУ[1] и др. Значение имеют работы российских коллег[2]. Вместе с тем, будучи справедливыми для своего времени и права, проведенные отечественные и зарубежные исследования требуют анализа на предмет возможности адаптации к современным национальным правовым реалиям. За последние годы в Беларуси принят ряд актов законодательства, направленных на реформирование судебной системы. Их влияние на правила подведомственности дел суду с учетом решения республиканского референдума от 27 февраля 2022 года по изменению Конституции Республики Беларусь исследуется впервые. Целью настоящей работы является установление критериев подведомственности дел суду в цивилистическом процессе с учетом последних новшеств в законодательстве.

Основная часть

Правовое регулирование относимости дел к ведению тех или иных органов, организаций происходит посредством установления в законодательстве критериев подведомственности. В юридической литературе нет единого мнения об их составе и четкой детерминации.

В качестве критериев подведомственности П. Ф. Елисейкин выделял наличие спора о праве; специфику (характер) материальных правоотношений; субъектный состав материальных правоотношений; соглашение спорящих сторон о подведомственности[3].

На характер правоотношений и субъектный состав как общие критерии разграничения подведомственности судебных и иных органов указывали Ю. К. Осипов[4], С. З. Женетль[5], О. Н. Шеменева и О. Н. Фильченко[6].

По мнению Е. С. Докучаевой, к ним следует относить характер спорного правоотношения (взаимоположение субъектов спорного материального правоотношения, содержание указанного правоотношения); субъектный состав (состав участников спора); спорность или бесспорность права; наличие или отсутствие договора между сторонами спора; характер правового акта (нормативный или ненормативный характер); орган, которым принят нормативный акт (вся иерархия и структура органов государственной власти и органов местного самоуправления). При этом, отмечает автор, в законодательстве могут указываться иные критерии разграничения подведомственности[7].

И. Л. Бурова формулирует следующие критерии подведомственности дел арбитражным судам Российской Федерации: отраслевая принадлежность правоотношения, из которого возник спор о праве или иное юридическое дело; субъектный состав участников юридического дела; характер деятельности субъектов, при осуществлении которой возник спор о праве или иное юридическое дело; нормативный или ненормативный характер правового акта, являющегося объектом оспаривания по делу; наличие или отсутствие между субъектами спора соглашения о третейской форме урегулирования возникающих между ними правовых конфликтов, наличие или отсутствие в рассматриваемом юридическом деле спора о праве[8].

С точки зрения И. И. Стрелковой, критериями подведомственности являются характер споров, подведомственных арбитражному суду; субъектный состав участников спора; спорность или бесспорность права; наличие между сторонами спора договора относительно его подведомственности; нормативный или ненормативный характер оспариваемого правового акта[9].

Г. В. Яковлева в качестве общих правил подведомственности дел искового производства выделяет спор о праве; субъектный состав спорящих сторон; характер спорного правоотношения; наличие или отсутствие исключения из общих правил, установленного актами законодательства[10].

И. Ю. Захарьящева разделяет критерии подведомственности дел арбитражным судам на основные – определенный характер спорного правоотношения (предметный критерий) и специфический субъектный состав участников спора (субъектный критерий), а также

---

1 Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т. А. Белова, И. И. Верховодко, В. Г. Голованов и др.

2 Афанасьев С. Ф., Абушенко Д. Б. Арбитражное процессуальное право. Ч. 1; Женетль С. З., Никифоров А. В. Гражданский процесс; Шеменева О. Н., Фильченко Д. Г. Арбитражный процесс; Докучаева Е. С. Институт подведомственности в судебной деятельности; Бурова И. Л. Подведомственность дел арбитражным судам; Стрелкова И. И. Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел; и др.

3 Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе. С. 83–84.

4 Осипов Ю. К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. С. 7, 9, 13.

5 Женетль С. З., Никифоров А. В. Гражданский процесс. С. 65.

6 Шеменева О. Н., Фильченко Д. Г. Арбитражный процесс. С. 25.

7 Докучаева Е. С. Институт подведомственности в судебной деятельности. С. 120.

8 Бурова И. Л. Подведомственность дел арбитражным судам. С. 62, 67, 81, 84, 88, 91.

9 Стрелкова И. И. Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел. С. 59, 63, 77–78.

10 Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т. А. Белова, И. И. Верховодко, В. Г. Голованов и др. С. 167.

специальные, предусмотренные соответствующими федеральными законами: а) соблюдение претензионного и иного досудебного порядка до обращения в суд; б) отсутствие внесудебного порядка урегулирования и разрешения спора; в) императивное указание в законе на отнесение определенных категорий дел к ведению арбитражного суда[1].

По мнению иных ученых-правоведов, критериями подведомственности являются: характер спорного правоотношения; его субъектный состав; спорность или бесспорность спора; наличие или отсутствие соглашения между сторонами спора о предварительном порядке урегулирования спора или о передаче спора на рассмотрение определенного органа; характер оспариваемого акта (нормативный или ненормативный); уровень органа, принявшего акт[2].

Есть и другие идеи по исследуемому вопросу. Их обобщение позволяет сделать вывод о том, что большинство российских и отечественных исследователей к общим критериям подведомственности относят наличие спора о праве, его характер и субъектный состав, а также наличие договора о третейской форме урегулирования возникающих между ними правовых конфликтов.

Данная позиция долгое время имела под собой веское обоснование, т.к. рассмотрение и разрешение экономических дел осуществлялось в Республике Беларусь хозяйственными, а в Российской Федерации арбитражными судами, образующими самостоятельные ветви судебной власти. Вместе с тем в 2013 году в Республике Беларусь п. 1–2 Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 года № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» было предусмотрено объединение Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда в единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным и экономическим делам – Верховный Суд; переименование хозяйственных судов области и города Минска в экономические суды области и города Минска и отнесение их к системе судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным Судом Республики Беларусь. На законодательном уровне очередным шагом в реформировании явилось внесение изменений в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 года, исключающих Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь из системы судебных органов и предусматривающих руководство судами общей юрисдикции Верховным Судом Республики Беларусь (ст. 1121). Данные обстоятельства, на наш взгляд, являются причинами для пересмотра традиционной идеи о характере спора и субъектном составе как критериях подведомственности. Если ранее они разграничивали компетенцию самостоятельных юрисдикционных органов – хозяйственных и общих судов, то в настоящее время в связи с их объединением в единую систему судов общей юрисдикции, возглавляемую Верховным Судом Республики Беларусь, данные критерии реализуют предназначение не подведомственности, а подсудности. Заслуживающими внимания представляются идеи Т. С. Тарановой: «В целях обеспечения единства понимания в цивилистическом процессе вопросов подведомственности и подсудности, разграничения компетенции судов и экономических судов, которые в настоящее время образуют единую систему судов общей юрисдикции, возглавляемую единым органом, как представляется, должны применяться традиционные подходы к понятию подведомственности (разграничивающей компетенцию суда и иного органа) и подсудности (определяющей конкретный суд в единой системе судов), в том числе с использованием имеющегося опыта. Такой подход учитывает опыт определения подсудности (а не подведомственности) гражданских дел военным судам, ранее входящим в систему общих судов.

Для достижения согласованности правил гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства его предлагается дополнить положениями о предметной подсудности, разграничивающей подсудность судов и экономических судов, исходя из критериев правовой природы спора и состава сторон спора»[3], – пишет ученый.

При передаче в суды на рассмотрение споров о праве, не соответствующих по характеру и субъектному составу компетенции конкретного суда, при решении вопроса о движении дела представляется корректным руководствоваться нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) о подсудности, а не подведомственности.

В Российской Федерации также произошли изменения в судебной системе: в 2014 году часть экономических споров, ранее рассматриваемых Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, была отнесена к компетенции Верховного Суда Российской Федерации (ст. 126 Конституции Российской Федерации, ч. 5 ст. 2 Федерального конституционного

---

1 Афанасьев С. Ф., Абушенко Д. Б. Арбитражное процессуальное право. Ч. 1. С. 73, 74.
2 Воронцова И. В., Смушкин А. Б. Гражданский процесс. С. 104–105.
3 Таранова Т. С. Подведомственность и подсудность гражданских дел. С. 310.

закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 02.08.2019 г.)), а сам Высший Арбитражный Суд упразднен. Вместе с тем, мы полагаем, решение вопроса о критериях подведомственности должно иметь несколько иное обоснование: Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом, но в отличие от Республики Беларусь он не входит в систему судов общей юрисдикции, а также арбитражных судов (ч. 3 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020 г.)).

В связи с тенденциями развития законодательства словосочетания «подведомственность дел судам, рассматривающим экономические дела», «подведомственность дел иным судам общей юрисдикции» представляются сохраняющими историческое значение. Если обратить внимание на динамику российского законодательства в этой части, то оно здесь претерпело изменения: слова «§ 1. Подведомственность» из гл. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации исключены, наименование ст. 27 кодекса «Подведомственность дел арбитражному суду» изменено на «Споры, относящиеся к компетенции арбитражных судов» (Федеральный закон от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), в ч. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» слова «подведомственных им» заменены на «отнесенных к их компетенции» (Федеральный конституционный закон от 18 июля 2019 года № 2-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации») и т.п. Более корректным представляется словосочетание «подведомственность дел судам» или «подведомственность дел судам общей юрисдикции».

В СВЯЗИ С ТЕНДЕНЦИЯМИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СЛОВОСОЧЕТАНИЯ «ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ ДЕЛ СУДАМ, РАССМАТРИВАЮЩИМ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕЛА», «ПОДВЕДОМСТВЕННОСТЬ ДЕЛ ИНЫМ СУДАМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ» ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ СОХРАНЯЮЩИМИ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Заслуживает внимания, с нашей точки зрения, идея об отнесении к критериям подведомственности характера оспариваемого акта – нормативный или ненормативный. Согласно ст. 42 ХПК, к подведомственности судов относятся дела о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица, которым затрагиваются права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности. Оспаривание актов нормативного характера в судах общей юрисдикции не предусматривается. Согласно ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, данный вопрос относится к компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь.

Как указано выше, ученые к специальным критериям подведомственности относят соблюдение претензионного и иного досудебного порядка до обращения в суд; отсутствие внесудебного порядка урегулирования и разрешения спора. Данные идеи представляют для нас интерес, т.к. ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает до обращения в суд с иском по спорам между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями предъявление претензии либо применение медиации, если иное не установлено Гражданским кодексом Республики Беларусь, иными законодательными актами или договором, а ст. 40-1 ХПК «Урегулирование споров с участием медиатора» находится в гл. 5 «Компетенция суда, рассматривающего экономические дела». Вместе с тем у нас они вызывают сомнения: во-первых, применение медиации и претензионного порядка урегулирования споров в Беларуси является обязательным для урегулирования, по общему правилу, подавляющего большинства экономических дел. Не запрещено применение данных способов для урегулирования и иных гражданских конфликтов. В связи с достаточно широкой сферой применения медиации и претензионного порядка и закрепления в правовой мысли за ними признака перспективных форм урегулирования правовых конфликтов думается, что в национальном праве отнесение их к специальным критериям имеет не более веские основания, чем отнесение к общим. Во-вторых, независимо от того, предусмотрен претензионный или иной досудебный порядок урегулирования правовых конфликтов или нет, данные дела не исключаются из круга дел, подведомственных судам. В то же время порядок

ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ, С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ИДЕЯ ОБ ОТНЕСЕНИИ К КРИТЕРИЯМ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ХАРАКТЕРА ОСПАРИВАЕМОГО АКТА – НОРМАТИВНЫЙ ИЛИ НЕНОРМАТИВНЫЙ

обращения в суд связывается не только с соблюдением претензионного и иного порядка, но и со всеми теми условиями, которые перечислены, в частности, в ст. 163 ХПК, 246 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Думается, что требованию о соблюдении претензионного, медиативного или иного досудебного порядка урегулирования конфликта законодатель придает значение условий реализации права на обращение в суд.

Уместным представляется привести идеи И. Л. Буровой по данному вопросу: «Подведомственность является стабильным, жестким понятием, предпосылкой права на обращение в суд, поэтому ее нарушение носит неустранимый характер. В то же время несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора следует рассматривать как нарушение порядка обращения в суд, и никакого значения для подведомственности дела суду иметь не может. <...> процессуальное законодательство устанавливает обязанность по соблюдению досудебного порядка урегулирования спора только для истца, не предусматривая таковой для прокурора и других участвующих в деле лиц <...> напрашивается вывод о том, что одно и то же дело, в случае обращения за защитой лица, которое предположительно является обладателем спорного права, является неподведомственным юрисдикционному органу. В то же время при обращении за защитой чужих интересов прокурора с тождественным требованием данное дело становится относимым к компетенции того же юрисдикционного органа. Такой взгляд на подведомственность представляется неверным»[1].

Как указано выше, к критериям подведомственности ученые относят уровень органа, принявшего оспариваемый акт. По их мнению, данное правило определяет звено судебной системы, в котором этот акт может быть оспорен[2]. Так, согласно п. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 02.08.2019 г.), Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела об оспаривании нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, государственных внебюджетных фондов, в том числе Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, а также государственных корпораций и некоторые другие. Вместе с тем выделение данного критерия для белорусского права, с нашей точки зрения, не представляет актуальности. Как указано выше, Верховный Суд Республики Беларусь входит в систему судов общей юрисдикции и уровень органа, принявшего судебный акт, в Беларуси выполняет роль критерия родовой подсудности.

Заключение

В связи с произошедшими изменениями в законодательстве, предусматривающими объединение общих и хозяйственных судов в единую систему судебных органов, исключение из нее Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, руководство судами общей юрисдикции Верховным Судом Республики Беларусь, общие критерии подведомственности – характер спора и субъектный состав – трансформировались в критерии подсудности.

При передаче в суды на рассмотрение споров о праве, не соответствующих по характеру и субъектному составу компетенции конкретного суда, при решении вопроса о движении дела представляется корректным руководствоваться нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, ХПК о подсудности, а не подведомственности.

К актуальным критериям подведомственности следует относить: наличие (отсутствие) спора о праве, а также договора о третейской форме урегулирования конфликтов; характер оспариваемого акта (нормативный или ненормативный), наличие (отсутствие) исключения из общих правил, установленного актами законодательства.

Список использованных источников

1. Афанасьев, С. Ф. Арбитражное процессуальное право / С. Ф. Афанасьев, Д. Б. Абушенко и др. – М.: Юрайт, 2018. – Ч. 1. – 398 с.

2. Бурова, И. Л. Подведомственность дел арбитражным судам: дис ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / И. Л. Бурова. – СПб., 2005. – 186 с.

[1] Бурова И. Л. Подведомственность дел арбитражным судам. С. 52.
[2] Воронцова И. В., Смушкин А. Б. Гражданский процесс. С. 105.

3. Воронцова, И. В. Гражданский процесс / И. В. Воронцова, А. Б. Смушкин и др. – М.: Дашков и К, 2016. – 468 с.

4. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т. А. Белова, И. И. Верховодко, В. Г. Голованов и др.; Под общ. ред. Т. А. Беловой и др. – Минск: Амалфея, 2001. – 576 с.

5. Докучаева, Е. С. Институт подведомственности в судебной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Е. С. Докучаева. – Рязань, 2011. – 256 с.

6. Елисейкин, П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе / П. Ф. Елисейкин // Учен. записки / Дальневосточ. гос. ун-т. – Владивосток, 1969. – Т. 31, ч. 1: Вопросы государства и права. – С. 3–164.

7. Женетль, С. З. Гражданский процесс / С. З. Женетль, А. В. Никифоров. – М: Риор: Инфра-М, 2017. – 413 с.

8. Зарицкий, Д. Некоторые аспекты правового спора, влияющие на подведомственность дел / Д. Зарицкий // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2004. – № 3. – С. 115–127.

9. Каменков, В. С. Хозяйственный процесс: учеб. пособие / В. С. Каменков. – Минск: Книжный дом, 2005. – 320 с.

10. Осипов, Ю. К. Подведомственность и подсудность гражданских дел / Ю. К. Осипов. – М.: Юридическая литература, 1962. – 112 с.

11. Стрелкова, И. И. Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / И. И. Стрелкова. – Екатеринбург, 2002. – 214 с.

12. Таранова, Т. С. Подведомственность и подсудность гражданских дел / Т. С. Таранова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г.: в 2 т. – Минск: БГЭУ, 2016. – Т. 2. – С. 309–310.

13. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс / В. Г. Тихиня. – Минск: Вышэйшая школа, 2019. – 414 с.

14. Шеменева, О. Н. Арбитражный процесс / О. Н. Шеменева, Д. Г. Фильченко. – М.: Юрайт, 2014. – 172 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 04.05.2022.

УДК 347.463

Н. Н. Артюшенко

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ПРАВОВОГО КОНТЕНТА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ В СТРАНАХ ЕАЭС

Артюшенко Николай Николаевич *– доцент кафедры международного права факультета международного права учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент. Область научных интересов: правовое регулирование международных транспортных отношений.*

Выступая на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства 14 ноября 2021 года, Президент Беларуси А.Г. Лукашенко отметил: «...Мы создали уникальную интеграционную модель, благодаря которой обеспечиваются равные права... углубляется экономическое взаимодействие, дальнейшее расширение союзной интеграции». К подобному уровню стремится и Евразийский Союз, объединяя различные отрасли экономики, в том числе в сфере железнодорожных коммуникаций.

На основании проведенных исследований, полученных результатов и выявленных сопутствующих проблем взаимодействия евроазиатских транспортных артерий, поиска эффективных перспективных правовых способов урегулирования взаимодействия железных дорог стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), гармонизации и унификации законодательной и организационной базы единых путей сообщения, совершенствования процесса перевозки груза железнодорожным транспортом, совместного преодоления дискриминационного давления западных стран в борьбе за транспортный рынок услуг и в целях создания безупречного железнодорожного правового контента, вносятся предложения по коррекции транспортного законодательства, приданию железным дорогам ЕАЭС международного статуса и объявления их зоной свободных экономических отношений. Использование научного арсенала в сфере правового сопровождения перемещения товаров железнодорожным транспортом евровосточного транспортного блока позволит верифицировать действующие нормативные правила, оптимизировать юридический инструментарий обеспечения эффективности транспортировки железнодорожного груза, взаимосогласованности союзных государств в сфере железнодорожного сообщения, что требует создать необходимый правовой контент для функционирования этого важного сектора экономики.

Предложенные новации будут способствовать принятию законодателями конкретных решений, стимулирующих корпоративную деятельность на железнодорожном пространстве ЕАЭС, взаимосотрудничеству государственных органов в поддержании инициатив ученых и практиков в солидаризации законодательных актов.

Ключевые слова*: договор транспортировки вагонов, железнодорожное сообщение, железнодорожное законодательство, железнодорожный правовой контент, ЕАЭС, единые пути сообщения, контейнерные перевозки, логистическая деятельность, международный статус железных дорог, «Пояс и путь», свободные корпоративные экономические отношения, перевозка груза, цифровизация перевозочного процесса, экологическая безопасность.*

N.N. Artsiushenko

The state and prospects for creating legal content regulating railway transportation in eurasian economic union countries

On the basis of, the search for effective legal ways to regulate the interaction of railway international transportation relations, the problems of interaction of the railways of the Eurasian Economic Union countries (EAEU), harmonization and unification of the legislative and organizational framework of the unified routes of communication of the EAEU, the improvement of the process of transportation of goods by rail, jointly overcoming

the discriminatory pressure of Western countries relations the related interaction problems of the EAEU are considered and certain proposals are made so as to give an international status to the EAEU railways and declare them a free economic zone. The use of the scientific arsenal in the field of legal support for the movement of goods by rail in the Euro-Eastern transport block will make it possible to verify the current regulatory rules, to optimize the legal tools for ensuring the efficiency of transportation of railroad cargo, and the mutual consistency of the union states in the field of railway communication. The proposed innovations will help legislators make specific decisions that stimulate corporate activities in the EAEU railway space, mutual cooperation of state bodies in supporting the initiatives of scientists and practitioners in the solidarity of legislative acts.

***Ключевые слова**: carriage transportation agreement, railway communication, railway legislation, railway legal content, EAEU, common communication routes, container transportation, logistics activities, international status of railways, «Belt and Road», free corporate economic relations, cargo transportation, digitalization of the transportation process, environmental safety.*

Введение

Исследование некоторых достижений сотрудничества и прогнозирование развития ЕАЭС с очевидностью показывает, что наметились устойчивая консолидация и конкретные интеграционные процессы, пришедшие на смену неудачному опыту СНГ. С созданием ЕАЭС возникло новое правовое поле, которое требует наполнения необходимым юридическим контентом в стартовом экономическом, политическом и организационном блоке вновь созданного Союза на основе гармонизации законодательной базы его участников, определяющее статус и возможности разноуровневых экономик членов ЕАЭС, в том числе и в транспортной сфере.

Проведенный ранее автором анализ формирования железнодорожного законодательства СНГ, его последующего изменения и дополнения, апробации правоприменительной практики показали, что они во многом носят эклектический и противоречивый по сути характер, вызванный суверенизацией и агрессивной конкуренцией на мировом транспортном рынке услуг, что требует принципиально нового подхода во взаимосогласованности, оптимизации и коррекции уже принятого правового массива ЕАЭС, регулирующего перевозки железнодорожного груза[1].

В настоящее время наиболее благоприятные условия интегрирования и гармонизации экономических перспектив наметились у системы железных дорог ЕАЭС, сохранивших техническую и технологическую структуру единых путей сообщения, эксплуатационные и обслуживающие правила, номенклатуру перевозимых грузов и корпоративные связи, что дало возможность надеяться на бесповоротное и полноформатное взаимодействие евровосточного транспортного блока. Подобный сценарий предвидел российский ученый Е. В. Виноградов, который считал, что «в условиях действия неблагоприятных макроэкономических факторов и усиления конкуренции на сузившемся рынке грузовых перевозок железнодорожный транспорт... обслуживая реальный сектор экономики и социальной сферы, осуществляет основной объем перевозок системообразующих стратегически важных отраслей... непосредственно влияет на национальную экономическую безопасность»[2].

Оценивая краткий период становления и развития ЕАЭС, необходимо провести правовой мониторинг ранее принятых консолидирующих юридических актов, особенно в союзоопределяющих экономических направлениях. Таким вектором, безусловно, является железнодорожный транспорт как масштабный участник товарообменных операций и связующее звено экономического обеспечения основных производителей товарного рынка стран Союза, характеризующего уровень и критерии взаимоприемлемого сотрудничества и транспортной солидарности, на основе безупречной юридической базы.

Основная часть

Прогнозируемые основополагающие параметры экономического содержания ЕАЭС заложены в Договоре о Евразийском экономическом союзе в 2014 году. Это касается общих рынков газа, нефти, нефтепродуктов, продукции машиностроения, металлургии, лесопереработки, минеральных удобрений и сельхозпродукции, являющихся основным грузом железнодорожных перевозок, а также укрепления финансового рынка.

Первым объемным юридическим актом, возлагающим надежды на перспективное будущее ЕАЭС, стал Таможенный кодекс, который объединил материально-техническую

[1] Артюшенко Н. Н. Правовой инструментарий обеспечения перевозки железнодорожных грузов: современные подходы и перспективы. С. 214–215.

[2] Виноградов Е. В. Методические основы управления экономической безопасностью на железнодорожном транспорте. С. 9.

базу Союза, установил единые таможенные правила, тарифы и транспарентные отношения, а государства передали часть суверенитета наднациональным органам Союза. Создана также транспортно-экспедиционная корпорация ЕАЭС, которая обеспечивает логистику транспортных перевозок.

В целях систематизации и укрепления сотрудничества 11 декабря 2020 года Высшим Евразийским экономическим советом утверждены стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, которые предполагают и изъятие из национального режима сферы транспортных услуг, а также начата коренная реконструкция Устава железных дорог СНГ, рассмотрены дорожные карты, которые приобрели реальные контуры совместных усилий и создания условий для ретроспективного потенциала железных дорог бывшего СССР.

Такой ход действий в свое время спрогнозировал академик ІТА И. И. Карбанович, отмечая, что «необходимость корректировки транспортной политики в ЕАЭС в условиях возникновения серьезных проблем, а они уже реально присутствуют, надо начинать с «оживления» на железных дорогах»[1].

Первые итоги существования ЕАЭС показали, что на поверхности лежали принципиальные разногласия взаимосотрудничества, в частности, в Союз вошли государства с разными структурами и типами экономики с доминированием России (например, несравнимы по своим масштабам БЖД и РЖД), что не позволило создать общий рынок свободной торговли, движения капиталов, товаров, работ и услуг из-за недостаточных материальных возможностей ранее дотируемых постсоветских государств, вступивших в ЕАЭС; Россия не рассчитала свои силы нести тяжелое бремя экономического стимулятора содержания Союза и отдельных материалоемких отраслей (к которым относится железная дорога), подталкивая партнеров к рыночным условиям, созданию единого сырьевого потенциала с мировыми ценами, что было неподъемно для других членов ЕАЭС; многие нормативные акты, культивирующие экономическое поле ЕАЭС, носили абстрактный и рекомендательный характер, содержали лишь намерения без объективной оценки возможностей, что и приводило к разногласиям. К примеру, белорусский железнодорожный перевозчик не мог оказывать транспортные услуги на территории других государств, Россия требовала от Беларуси направлять грузовые потоки по российским железным дорогам в обход Прибалтийского вектора (хотя он был намного экономичней), полностью монополизировала китайский транзит, установила завышенную плату за транспортировку нефти и газа.

Из-за транспортной блокады со стороны Евросоюза (железнодорожные грузовые перевозки из России и Китая в европейские страны через Украину, Беларусь и прибалтийские страны сократились на 30–40 %) момент перезагрузки экономической и правовой интеграции железных дорог ЕАЭС стал очевидным.

Поворотным событием в интеграции железных дорог ЕАЭС стало подписание в августе 2021 года в Кыргызстане Меморандума о содействии устойчивому развитию транзитного потенциала, обеспечению экологической безопасности, цифровизации грузовых железнодорожных перевозок и об информационном обмене в сфере железнодорожного транспорта, определены сроки реализации принятых решений до 2023 года[2].

Меморандум предусматривает развитие контейнерных грузовых перевозок, что значительно упрощает технологические операции погрузо-разгрузочных работ, снижая их себестоимость; создание единой цифровой экосистемы, что обеспечит дополнительные конкурентные преимущества Евразийским транзитным железнодорожным маршрутам, послужит импульсом для внедрения цифровых технологий товародвижения без использования бумажного документооборота и улучшит деятельность транспортно-логистической системы ЕАЭС; оказание взаимной поддержки национальным транспортным магистралям, что уже реализуется на практике.

Так, российско-казахстанско-белорусская железная дорога, которая перевозит почти 90 % транзитных грузов по широкой колее 1520, взяла на себя обязательство содействовать внедрению единой процедуры перевозки грузов по кыргызской и узбекской железным дорогам.

К примеру, оценивая возможную интеграцию Узбекистана в ЕАЭС, и в соответствии со статьей 13 Приложения 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике раздела V «Железнодорожный транспорт» Договора ЕАЭС, предусмотрено

---

1 Карбанович И. И. Международные перевозки. С. 5.

2 Меморандум о содействии устойчивому развитию транзитного потенциала и экологической безопасности железнодорожного транспорта государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

снижение тарифов примерно на 20 %, снятие экспортных таможенных пошлин, сокращение сроков и стоимости транспортировки грузов, увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции, что в конечном итоге ускорит реконструкцию национальной железной дороги Узбекистана, создаст перспективы строительства железных дорог в направлении Кыргызстана, Таджикистана и Афганистана, даст возможность участвовать в дистрибьюции экспортных товаров из Китая[1].

Меморандум заложил конкретные правовые параметры экологической безопасности железнодорожного транспорта ЕАЭС и прежде всего сокращения выбросов углекислого газа за счет электрификации железнодорожных магистралей и замены тепловозов на электровозы, что значительно улучшит экологический баланс и повысит привлекательность железных дорог для выхода на западные транспортные рынки. Российская железная дорога уже предложила на правовом уровне сервисы для апробирования пилотных проектов и технологических решений. Это, естественно, потребует немалых капиталовложений. Учитывая то, что более половины стран ЕАЭС не имеют собственной базы по выпуску электровозов, достаточных средств на электрификацию железных дорог, реализация намеченного может быть только через капитализацию финансовых и материальных средств железных дорог Союза (подобное происходило при строительстве БАМа, когда все страны бывшего СССР участвовали в его строительстве), поиск корпоративных форм взаимодействия.

ПОВОРОТНЫМ СОБЫТИЕМ В ИНТЕГРАЦИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ЕАЭС СТАЛО ПОДПИСАНИЕ В АВГУСТЕ 2021 ГОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ МЕМОРАНДУМА О СОДЕЙСТВИИ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА, ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРУЗОВЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК И ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБМЕНЕ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Предполагаем, что логическим шагом совершенствования транспортных правоотношений ЕАЭС станет принятие Железнодорожного кодекса ЕАЭС, так как ныне действующие подобные правовые акты СНГ (а их более 200) во многом противоречат национальным интересам и носят лишь рекомендательный характер. Для разработки Железнодорожного кодекса ЕАЭС имеются все предпосылки: единые организационная, техническая, технологическая инфраструктура, правила обслуживания потребителей железнодорожных услуг, общая номенклатура транзитного груза, а также сохранены устойчивые корпоративные связи и система подготовки кадров железнодорожников. Учет этого позволит оптимизировать железнодорожное законодательство, осуществлять перевозку груза по единым регламентам и кооперативным началам.

В этом правовом сегменте ЕАЭС достаточно системных ресурсов для формирования юридического контента, требуется лишь более конкретное и активное взаимосотрудничество и поддержка. В белорусском публичном пространстве, как на уровне официального дискурса, так и экспертной оценки, имеются все возможности сохранения экономической интеграции железных дорог ЕАЭС и гарантии надежного партнера на основе нанотехнологий и инновационных достижений. Так, наметились позитивные перспективы и в сфере цифровых, информационных, логистических систем и контейнерных перевозок.

Согласно вышеуказанному меморандуму, стороны намерены создать общее защищенное пространство обмена информацией по всей цепочке поставок груза, перейти на электронное взаимодействие, в частности, на электронные железнодорожные накладные, что послужит импульсом для дальнейшего внедрения современных цифровых технологий на пространстве ЕАЭС, сократит бумажный оборот, повысит интеллектуальный уровень персонала железных дорог и реализует решения Конвенции о договоре международной перевозки грузов (КДПГ), которые касаются электронной накладной (CMR-накладная), принятой 20 февраля 2008 года. CMR-накладная содержит все необходимые сведения в цифре с присвоением уникального идентификационного кода, сопровождением электронной подписью, что ускоряет процессы ее заполнения, снижает вероятность допущения ошибок составителем, не требует перевода на язык заказчика, повышает эффективность логистического сопровождения товара. Все это, конечно же, потребует специальной подготовки как перевозчика и поставщика, так и заказчика и логистов – сегодня это пока проблематично. В этом случае первоначально необходимо в транспортно-логистической системе ЕАЭС на правовом уровне определить

[1] Экономическое обозрение № 10.

«зеленые коридоры» для движения грузов, сопровождаемых электронной накладной, и в дальнейшем обеспечить постепенный переход на транспортно-логистические хабы – от логистических предприятий, осуществляющих складские и погрузо-разгрузочные операции, к информационно-диспетчерским функциям, обеспечивающим доставку груза по непрерывной схеме «поставщик-перевозчик-заказчик», не затрагивая дополнительные средства на складирование и хранение товара в логистических арсеналах. Все эти условия и должны отразиться в транспортной правовой базе ЕАЭС.

Однако остаются и нерешенные вопросы, вызывающие споры и не нашедшие место в прогнозной перезагрузке функционирования железнодорожного сообщения ЕАЭС, связанные с особенностями национальной экономики и правовой системы.

В частности, отсутствие технических возможностей отдельных стран ЕАЭС привести железнодорожную инфраструктуру в состояние, соответствующее международным стандартам (по шумозагазованности, сервису и т.п.), является одним из препятствий выхода на мировой транспортный рынок, возможности конкурировать с ведущими железными дорогами и соответствовать правовым предписаниям. В этой связи профессор В. Г. Тихиня заметил: «В условиях глобализации главное, чтобы процесс реформирования правовой системы, регулирующей экономику, проходил в русле национальных интересов и вместе с тем отвечал международным стандартам»[1].

Если обратиться к конкретным противоречиям, то, к примеру, у одних членов – участников ЕАЭС железные дороги являются исключительной собственностью государства, у других они акционированы, вагонный парк расширился за счет частных компаний и не совсем ясен правовой режим их обслуживания. Государственная железная дорога, принимая частный подвижной состав, берет бремя содержания железнодорожной инфраструктуры за свой счет, взимая лишь плату за перевозку груза без учета расходов на транспортировку частных вагонов. Логически необходимо заключать договор транспортировки частных вагонов с грузом или без груза (что не предусмотрено законодательством) с установкой соответствующего тарифа за обслуживание, утверждения технических условий, прав и обязанностей сторон по договору транспортировки.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что гармонизация правового регулирования железнодорожных перевозок, создание устойчивого юридического контента в условиях ЕАЭС имеет в целом положительную динамику и перспективу. Наметились взаимосогласованные меры по совершенствованию условий перевозки груза, равный доступ к транспортному рынку и объектам инфраструктуры, переход к цифровым технологиям и обеспечению экологической безопасности, реальные контуры сближения приобрела тарифная и логистическая политика, усилилось антисанкционное противостояние. Исследования показали, что «транспорт стал основой формирования внутренних и международных рынков и обеспечивает полномасштабное развитие рыночной экономики»[2]. Важно, чтобы принятые совместные правовые меры по комплексному совершенствованию перевозочного железнодорожного процесса не приобрели, как это случилось с деятельностью СНГ, вялотекущее состояние.

На основании вышеизложенного и в целях дальнейшего совершенствования железнодорожного законодательства ЕАЭС считаем возможным:

1. Создать на организационно-правовом уровне ЕАЭС железнодорожную корпорацию в формате Универсального кодекса поведения транснациональных структур ООН, объявив их сферу деятельности свободной экономической зоной с единым центром управления и контроля на условиях транспарентности и солидаризации производственного потенциала. Подготовить и утвердить Положение о предлагаемой корпорации и заключить соответствующий межведомственный договор.
2. Разработать и принять Железнодорожный кодекс ЕАЭС (на примере Таможенного кодекса ЕАЭС), кооптировать в него основные правовые положения Модельного закона «О железнодорожном транспорте» и законодательного акта «Устав железных дорог» СНГ, исключая их рекомендательный характер, принятые ранее многочисленные юридические акты СНГ, ЕАЭС. Это позволит гармонизировать и консолидировать межгосударственную нормативную базу, регулирующую железнодорожные перевозки на евроазиатском направлении.

---

[1] Тихиня В. Г. Глобализация и правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы, пути взаимодействия. С. 238.
[2] Формирование транспортной политики Республики Беларусь в едином экономическом пространстве. С. 3.

3. Межгосударственному Совету ЕАЭС потребовать от Международного Союза железных дорог, членами которого являются страны ЕАЭС, строго придерживаться его уставных положений равноправного членства, реанимировать II и IX международные железнодорожные коридоры на евроазиатском участке, обеспечив им правовые гарантии свободного перемещения грузов и антисанкционную защиту от внеправовых ограничений перевозок. В противном случае начать процедуру выхода из МСЖД и прекращение уплаты организационного взноса.
4. С целью совершенствования правового механизма перевозочного процесса следует ввести в гражданский оборот договор транспортировки государственной железной дорогой вагонов с грузами / без груза, принадлежащих частным субъектам хозяйствования, что не предусмотрено ни национальным, ни союзным законодательствами, т.к. государственные железные дороги за свой счет содержат железнодорожную инфраструктуру, обслуживают частный вагонный парк, не взимая плату за эксплуатационные расходы.
5. На наш взгляд, руководствуясь Основными положениями Конвенции ООН о международных перевозках грузов (1980 год), Уставом ВТО (большинство из стран ЕАЭС являются членами ВТО), необходимо воспользоваться правом подачи коллективного иска в Международный суд о возмещении ущерба (неполученной выгоды) к странам, прекратившим (ограничивающим) поставку так называемых «санкционных товаров». Исключить льготные преференции во внешнеэкономической транспортной деятельности в отношении государств, поддержавших санкции, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность на территории ЕАЭС.

Таким образом, солидарная и взаимовыгодная интеграция стран ЕАЭС позволит не только снять барьеры по перемещению экспортно-импортных товаров, но и будет способствовать повышению стабильности, и улучшению качества обслуживания потребителей железнодорожных услуг, и увеличению транзитного потенциала.

Евразийская интеграция должна снять барьеры на пути движения экспортных товаров, для чего, естественно, необходимо повысить конкурентоспособность перевозок, инвестиционную привлекательность, транзитный потенциал путем развития промышленной кооперации транспортно-логистической инфраструктуры, повышения качества обслуживания и поиска обходных путей перевозки в условиях санкций.

Ожидания стран – членов ЕАЭС должны привести до 2025 года к исключению различия в приоритетах, местнических настроений и обеспечить единые цели и задачи развития евроазиатского образования, так как ясно, что никаким западным странам мы как конкуренты не нужны, а представляем ценность в единстве и взаимопонимании с адекватными странами Союза.

Список использованных источников

1. *Артюшенко, Н.Н. Правовой инструментарий обеспечения перевозки железнодорожных грузов: современные подходы и перспективы / Н.Н. Артюшенко. – Минск: Право и экономика, 2018. – 322 с.*
2. *Виноградов, Е.В. Методические основы управления экономической безопасностью на железнодорожном транспорте / Е.В. Виноградов. – М.: МГУПС, 2003. – 24 с.*
3. *Карбанович, И.И. Международные перевозки / И.И. Карбанович. – Минск: БАМЭ – Экспедитор. – Юникап, 2007. – 292 с.*
4. *Меморандум о содействии устойчивому развитию транзитного потенциала и экологической безопасности железнодорожного транспорта государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.utlc.com/smi/eaes-khochet-prodvigat-ustoychivyy-zheleznodorozhnyy-transport/. – Дата доступа: 20.03.2022.*
5. *Тихиня, В.Г. Глобализация и правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы, пути взаимодействия / В.Г. Тихиня // Тенденции и перспективы развития права в условиях формирования правового государства в Республике Беларусь: сб. науч. ст., выступлений, интервью / В.Г. Тихиня. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 238.*
6. *Формирование транспортной политики Республики Беларусь в едином экономическом пространстве / О.С. Булко [и др.]: под науч. ред. О.С. Булко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 193 с.*
7. *Экономическое обозрение № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://review.uz/post/nablyudaya-za-transportnym-sektorom-eaes. – Дата доступа: 20.03.2022.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 06.04.2022.

УДК 343.772

К. С. Захилько

О НОВОМ ПОДХОДЕ К УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ, СОВЕРШЕННОЙ ЛИЦОМ, РАНЕЕ СУДИМЫМ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 281 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Захилько Кирилл Сергеевич *– доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.*

Рассматриваются изменения в наказуемости незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-З. Осуществляется сопоставление опасности незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК, с опасностью незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Делается вывод о необходимости совершенствования санкционного обеспечения данных видов незаконной добычи рыбы или других водных животных.

Ключевые слова*: незаконная добыча рыбы или других водных животных; должностное лицо; правила рыболовства; браконьерство; незаконная рыбалка.*

K.S. Zakhilko

On a new approach to the criminal liability for illegal harvesting of fish and other aquatic animals committed by a person who previously convicted of a crime under Criminal Code Article 281 of the Republic of Belarus

The comparison between the danger of illegal harvesting of fish and other aquatic animals committed by a person who previously convicted of a crime under Criminal Code Article 281 of the Republic of Belarus and the danger of illegal harvesting of fish and other aquatic animals committed by an official using his official powers is made. The conclusion to improve sanctions support for these types of illegal harvesting of fish and other aquatic animals is drawn.

Keywords*: illegal harvesting of fish and other aquatic animals; executive; fishing regulations; poaching; illegal fishing.*

Введение

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 г. № 112-З (далее – Закон № 112-З) ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) претерпела

существенные изменения, в результате которых в том числе была изменена наказуемость незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК. Хотя проблематика применения ст. 281 УК получила определенное освещение в научной литературе (в науке уголовного права Республики Беларусь этим вопросам были посвящены соответствующие разделы в научно-практических комментариях к УК[1] и некоторые публикации[2]), новый подход к наказуемости рассматриваемого деяния еще не был предметом изучения.

Вместе с тем при беглом анализе можно заметить, что реализация рассматриваемого изменения в наказуемости влечет значительное изменение уровня пенализации соответствующего деяния и вариантов наказаний, подлежащих применению судом. Видится, что новая санкция не всегда может обеспечить достижение целей и задач уголовной ответственности при ее применении. В связи с указанным необходим детальный анализ и научно-практическое комментирование произошедших изменений.

Основная часть

После вступления в силу Закона № 112-З в ст. 281 УК объективная сторона преступления описывается следующими альтернативными вариантами поведения:

1) добыча рыбы или других водных животных без надлежащего на то разрешения, либо в запретные время или сроки, либо в запрещенных местах, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами (незаконная добыча рыбы или других водных животных), повлекшая причинение ущерба в крупном размере (ч. 2 ст. 281 УК);
2) незаконная добыча рыбы или других водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь (ч. 2 ст. 281 УК);
3) добыча рыбы или других водных животных с использованием орудий лова, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука, или путем взрыва (далее – добыча опасными способами) (ч. 2 ст. 281 УК);
4) незаконная добыча рыбы или других водных животных, в том числе добыча опасными способами, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 281 УК);
5) незаконная добыча рыбы или других водных животных, в том числе добыча опасными способами, совершенная лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК (ч. 3 ст. 281 УК);
6) незаконная добыча рыбы или других водных животных, в том числе добыча опасными способами, повлекшая причинение ущерба в особо крупном размере.

В редакции до вступления в силу Закона № 112-З в ст. 281 УК использовались иные подходы к изложению альтернативных вариантов преступления:

1) добыча рыбы или других водных животных без надлежащего на то разрешения, либо в запретные время или сроки, либо в запрещенных местах, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами (незаконная добыча рыбы или других водных животных), совершенная в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение (ч. 1 ст. 281 УК);
2) незаконная добыча рыбы или других водных животных, совершенная лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК (ч. 2 ст. 281 УК);
3) незаконная добыча рыбы или других водных животных, повлекшая причинение ущерба в крупном размере (ч. 2 ст. 281 УК);
4) добыча рыбы или других водных животных с использованием орудий лова, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука, или путем взрыва (ч. 2 ст. 281 УК);
5) незаконная добыча рыбы или других водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь (ч. 2 ст. 281 УК);
6) незаконная добыча рыбы или других водных животных, в том числе добыча опасными способами, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 281 УК);

---

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент.; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РБ.

[2] Ермолинский П. М. К вопросу о составе незаконной добычи рыбы или других водных животных, предусмотренном Уголовным кодексом Республики Беларусь; Марчук В. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел IX. Преступления против экологической безопасности и природной среды. Глава 26. Преступления против экологической безопасности и природной среды (статьи 263–284).

7) незаконная добыча рыбы или других водных животных, в том числе добыча опасными способами, повлекшая причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 4 ст. 281 УК).

Следует выделить изменение, касающееся «переноса» незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК, в часть 3 актуальной редакции статьи 281 УК, тогда как ранее аналогичное деяние предусматривалось в части 2 статьи 281 УК. В новом варианте санкции за указанное посягательство не только увеличивается максимальный размер наказания в виде ограничения свободы (с 2 до 3 лет) и лишения свободы (с 3 до 4 лет), но и расширяется круг возможных вариантов основных и дополнительных видов наказания (включено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, к наказанию в виде ограничения свободы и лишения свободы добавлена возможность назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), исключаются альтернативные более строгим основные наказания в виде штрафа и ареста.

При изучении приведенного изменения следует обратить внимание на возможные проблемы в санкционном обеспечении ч. 3 ст. 281 УК в новой редакции применительно к незаконной рыбалке, совершенной лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности за аналогичное преступление. Рассмотрим это подробнее.

Ранее санкция для «многократного» браконьера определялась в ч. 2 ст. 281 УК наряду с вариантами совершения незаконной рыбалки по признакам:
а) добычи, повлекшей причинение ущерба в крупном размере;
б) добычи опасными способами;
в) добычи рыбы или водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь.
За посягательство были предусмотрены следующие виды и размеры наказаний:
а) штраф;
б) арест;
в) ограничение свободы на срок до двух лет;
г) лишение свободы на срок до трех лет.

На сегодняшний день «многократный» браконьер уравнивается по возможным санкционным последствиям с лицами, осуществившими незаконную добычу рыбы по признаку совершения соответствующего преступления должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Отныне за посягательство по рассматриваемому признаку предусмотрены следующие виды и размеры наказаний:
а) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом;
б) ограничение свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения;
в) лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Одновременно с включением в ч. 3 ст. 281 УК признака незаконной добычи, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК, дополнительные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью стали необязательными к применению (санкция дополнена словами «или без лишения»). В новой редакции статьи суд может по своему усмотрению не применять данный вид дополнительного наказания к ограничению или лишению свободы, тогда как ранее он обязан был применять данный вид наказания во всех случаях совершения незаконной добычи должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

САНКЦИЯ Ч. 3 СТ. 281 УК НЕ В ПОЛНОЙ МЕРЕ УЧИТЫВАЕТ НОВЫЙ ВАРИАНТ ДЕЯНИЯ В ДИСПОЗИЦИИ НОРМЫ, ОПИСАННОЙ В ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 281 УК

Приведенные выше изменения имеют определенные последствия для правоприменения.

Во-первых, несмотря на то, что законодатель учел введение нового альтернативного признака в ч. 3 ст. 281 УК определенной корректировкой санкции (исключил обязательность дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), санкция ч. 3 ст. 281 УК не в полной мере учитывает новый вариант деяния в диспозиции нормы, описанной в части 3 статьи 281 УК.

Исходя из закрепленных в ч. 3 ст. 281 УК наказаний можно заметить, что эта санкция в свое время формулировалась и прошла апробацию именно для варианта незаконной рыбалки, совершенной должностным лицом с использованием служебных полномочий. Это выразилось в следующих обстоятельствах – учтена повышенная опасность должностного посягательства, осуществлен акцент на обязательном характере наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. После изменения эта же санкция подлежит применению и, например, к «привычному» браконьеру, который может являться простым обывателем, основная деятельность которого никак не связана с добычей рыбы. Это может быть в том числе человек с низким достатком, промышляющий добычей рыбы для пропитания. В этой связи могут возникнуть следующие проблемные ситуации:

1) суд лишен возможности использовать альтернативное лишению или ограничению свободы краткосрочное и «шоковое» по характеру воздействия наказание в виде ареста и вынужден использовать в отношении рассматриваемых категорий лиц соответствующие более строгие виды наказания, сопряженные с длительными правоограничениями;

2) суд вынужден назначать названным категориям обвиняемых наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случаях, если суд считает необходимым ограничиться имущественным взысканием, т.к. в новой санкции для «привычных» браконьеров штраф возможен только как дополнительное наказание к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (фактически в ряде случаев суд может быть вынужден назначать лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом исключительно для того, чтобы назначить штраф, тогда как основное наказание в указанной «связке» будет назначаться исключительно формально и по предписанию УК, без учета принципов уголовного закона и целей уголовной ответственности).

Особенно актуальны вышеуказанные проблемы с учетом того обстоятельства, что уголовно наказуемыми деяниями для лица, ранее осужденного по ст. 281 УК, являются простая незаконная добыча рыбы или других водных животных, которая для лица, ранее не осуждавшегося по ст. 281 УК, образует только признаки административного правонарушения (ч. 1 ст. 16.25 КоАП). Например, отныне под признаки ч. 3 ст. 281 УК (наравне с «промысловым» браконьерством, совершенным должностным лицом) могут подпадать деяния в ситуации, когда обычный обыватель, осужденный ранее за однократную незаконную добычу вида рыбы, включенного в Красную книгу, совершил в течение срока судимости незаконную добычу рыбы в запрещенное время.

Согласно наиболее распространенному подходу под санкцией уголовно-правовой нормы принято понимать формализованную величину или типовую меру характера и степени общественной опасности преступления[1], отражающую ее количественное выражение[2]. Видится, что санкция ч. 3 ст. 281 УК не соответствует этому понятию, т.к. описанные в ней альтернативные деяния не могут быть сопоставлены не только по степени, но и по характеру (учитывая дополнительный объект промыслового браконьерства) общественной опасности.

На это обстоятельство обращается внимание в научной литературе. Например, исследователем делается обоснованное предложение о необходимости выделения незаконной добычи рыбы, совершенной должностным лицом, в отдельный квалифицированный состав из-за несопоставимости характера и степени общественной опасности такого браконьерства с любым иным видом браконьерства[3]. В целом должностное браконьерство заслуженно считается одним из наиболее опасных вариантов незаконной добычи рыбы или других водных животных[4].

ДЛЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ САНКЦИОННОЙ ОЦЕНКИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ, СОВЕРШЕННОЙ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ, НЕОБХОДИМЫ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

Как видно, для последовательной реализации санкционной оценки незаконной добычи рыбы, совершенной должностным лицом, необходимы специфические виды наказаний. Как было рассмотрено выше, именно этот подход и был реализован и апробирован в течение

---

1 Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания. С. 93.

2 Коробеев А. И. Российское уголовное право: курс лекций. С. 101.

3 Ильина Е. П. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (по материалам Камчатского края).

4 Максимов Л. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: правовые проблемы, организационные и правоприменительные аспекты. С. 86.

длительного времени в ч. 3 ст. 281 УК в редакции до вступления в силу Закона № 112-З. Включение же в ч. 3 ст. 281 УК нового квалифицирующего признака разрушает сложившийся подход и влечет смешение законодательной оценки несоизмеримых между собой по характеру и степени опасности вариантов поведения.

Во-вторых, после корректировки санкции ч. 3 ст. 281 УК, вызванной желанием законодателя «уместить» в соответствующей диспозиции новый альтернативный вариант незаконной добычи рыбы, у суда косвенным образом появилось право не назначать за должностное преступление дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, тогда как ранее это наказание было обязательным. Это повышает коррупционные риски и риски злоупотреблений, ошибок в ситуациях назначения наказаний за совершение незаконной добычи рыбы должностными лицами.

Заключение

Осуществленное изменение в части перемещения признака незаконной добычи рыбы лицом, ранее судимым за аналогичное преступление, из ч. 2 в ч. 3 ст. 281 УК и корреспондирующая этому изменению корректировка санкции ч. 3 ст. 281 УК повышает риски злоупотреблений, ошибок в ситуациях назначения наказаний за совершение незаконной добычи рыбы должностными лицами, а также создает проблемы для назначения справедливого и законного наказания лицам, совершившим незаконную добычу рыбы, которые ранее были судимы за аналогичное преступление. Видится, что стремление законодателя избежать значительных корректировок ст. 281 УК при перемещении признака незаконной добычи рыбы лицом, ранее судимым за аналогичное преступление, из ч. 2 в ч. 3 ст. 281 УК, не увенчалось успехом. В дальнейшем диспозиции и санкции соответствующих частей ст. 281 УК должны быть изменены с целью более последовательного учета в санкции характеристик лиц, совершающих незаконную добычу рыбы, по признакам ее совершения должностным лицом с использованием своих служебных полномочий и лицом, ранее судимым за аналогичное преступление.

Список использованных источников

1. *Ермолинский, П. М. К вопросу о составе незаконной добычи рыбы или других водных животных, предусмотренном Уголовным кодексом Республики Беларусь / П. М. Ермолинский // Право.by. – 2013. – № 2. – С. 65–69.*
2. *Ильина, Е. П. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (по материалам Камчатского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. П. Ильина; [Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина]. – Москва, 2015. – 30 с.*
3. *Коробеев, А. И. Российское уголовное право: курс лекций / А. И. Коробеев. – Т. 1. – Владивосток, 1999. – 602 с.*
4. *Кузнецова, Н. Ф. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания / Н. Ф. Кузнецова, Б. А. Куринов // Применение наказания по советскому уголовному праву. – Москва, 1958. – 210 с.*
5. *Максимов, Л. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: правовые проблемы, организационные и правоприменительные аспекты / Л. М. Максимов. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 192–194.*
6. *Марчук, В. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел IX. Преступления против экологической безопасности и природной среды. Глава 26. Преступления против экологической безопасности и природной среды (статьи 263–284) [Электронный ресурс] / В. В. Марчук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
7. *Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу РБ / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.*
8. *Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 29.04.2022.

УДК 346.548 / 347.215

М. С. Бондаренко

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВА[1]

Бондаренко Мирослав Святославович *– аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета. Сфера научных интересов: теория права, хозяйственное право, гражданское право.*

Автор статьи впервые в отечественной правовой науке обращается к исследованию человеческого капитала как правового явления, что предопределяет концепцию построения статьи: автор не пытается дать ответы на все вопросы; отдельные вопросы тематики рассматриваются в контексте постановки проблемы и определения основных направлений будущих научных исследований. Тем не менее в работе предложены авторские понятия категорий «человеческий капитал», «социальная сфера», «правовой режим инвестиций в человеческий капитал», «человеческий ресурс». Цель исследования состоит в обосновании необходимости институционализации человеческого капитала как правового института и его изучения с позиции правовой науки. Сделан вывод, что человеческий капитал представляет собой публично-правовую категорию – своеобразный публичный товар, производимый обществом в результате развития и обеспечения функционирования социальной сферы (институциональной среды производства человеческого капитала). Доказывается, что без четкого понятийного аппарата невозможно осуществлять эффективное правовое регулирование соответствующих общественных отношений, в частности отношений по осуществлению инвестиций в человеческий капитал. Полученные автором научные результаты могут быть использованы в правотворческой деятельности при восполнении пробелов в законодательстве; послужат основой для дальнейших научных изысканий в области инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова*: человеческий капитал, правовой режим инвестиций, социальная сфера, производство человеческого капитала, национальная экономическая безопасность.*

Bandarenka Miraslau

Investments in human capital as a relevant direction of scientific research in law

The author of the article for the first time in the domestic legal science turns to the study of human capital as a legal phenomenon. Such an appeal predetermines the concept of the article structure: the author does not try to give answers to all the questions; separate questions of the subject are considered in the context of problem statement and determination of the main directions of future research. Nevertheless, the paper proposes the author's notions of the categories «human capital», «social sphere», «legal regime of investments in human capital», «human resource». It is concluded that human capital as a public-law category is a peculiar public commodity produced by society as a result of its development and ensuring the functioning of a social sphere (institutional environment of human capital production). It is proved that without clear conceptual apparatus it is impossible to carry out effective legal regulation of corresponding public relations, in particular, relations on realization of investments in human capital. The scientific results obtained can be used in law-making activities to fill gaps in legislation; also will serve as a basis for further scientific research in the field of investment in human capital

Keywords*: human capital, legal regime of investment, social sphere, human capital production, national economic security.*

[1] Статья выполнена в рамках научного проекта «Трансформация организационно-правового механизма управления государственной собственностью в Республике Беларусь», осуществляемого в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (номер государственной регистрации 20212053 от 04.06.2021).

Введение

Человеческий капитал, как правило, квалифицируется как сложная социально-экономическая категория на пересечении различных наук: экономики, психологии, социологии, истории, медицины, педагогики, философии, политологии. Лидирующие позиции занимает в этом вопросе экономика, поскольку именно представители этой науки смогли увидеть и обосновать взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал и созданием предпосылок экономического роста[1]. Что касается правовой науки, то она почему-то не упоминается в этом перечне. Тем самым упускается из виду, что процессы производства и накопления человеческого капитала, а также инвестиций в человеческий капитал порождают целый комплекс отношений, урегулированных правом, оформляющих все вышеперечисленные процессы и обеспечивающих их эффективное осуществление.

Неслучайно в разделе «Хозяйственное право» Паспорта специальности 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, утвержденном Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 5 июля 2021 г. № 193, в качестве направлений научных исследований впервые обозначены проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности в сфере развития человеческого капитала и правовой режим инвестиций в человеческий капитал[2]. Такое решение свидетельствует о стремлении обратить внимание ученых-правоведов на необходимость поиска научного решения проблем, имеющих особое значение для белорусского общества и государства.

Следует отметить, что до настоящего времени проблематика инвестиций в человеческий капитал объектом самостоятельного научного исследования в белорусской правовой науке не являлась. Как, впрочем, и в российской, где ей посвящены лишь отдельные статьи правоведов преимущественно в контексте рассмотрения иных правовых вопросов[3]. Поскольку автор настоящей статьи обращается к ее исследованию одним из первых в правовой науке, отдельные вопросы тематики будут рассмотрены в контексте постановки проблемы и определения основных направлений будущих научных исследований.

Основная часть

Национальное богатство различных государств, как традиционно отмечают экономисты, формируют три вида капитала: физический (воспроизводимый) капитал, человеческий капитал и природные ресурсы. Концепция национального богатства и различные теории устойчивого развития общества традиционно базируются на признании человека движущей силой общественного развития. На современном этапе развития человеческой цивилизации в условиях смены технологических укладов самыми успешными в экономическом плане становятся страны, обладающие не столько богатыми природными ресурсами, сколько значительным человеческим капиталом. Так, например, в США в начале XXI в. на человеческий капитал приходилось 77 % совокупного национального богатства, на физический (воспроизводимый) капитал – 17 %, а на природные ресурсы – 6 %[4]. В то время как возможности эксплуатации природных ресурсов не бесконечны, «единственный ресурс, возможности разумного использования которого практически безграничны, – производительные способности людей, реализующиеся в современных условиях в форме человеческого капитала»[5].

Существенно повысил значение человеческого капитала и бурно протекающий процесс смены технологических укладов. Как справедливо отмечает М. И. Масленников, «если в индустриальную эпоху большее внимание уделялось анализу формирования и развития физического капитала, наличию и использованию природных ресурсов, то в постиндустриальный период – сфере услуг, человеческому капиталу...»[6]. В современном общественном сознании и в государственных институтах появилось понимание того, что успех экономики во многом

---

1 Лавров Е. И., Лаврова Л. А. Человеческий капитал как фактор экономического роста.

2 Паспорт специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

3 Артемова Д. И. Конституция, права человека, человеческий капитал; Артемова Д. И. Трансформация конституционной ценности человеческого капитала в современных условиях; Крылова Е. Г. Финансово-правовое обеспечение здравоохранения как основа формирования человеческого капитала страны; Дементьев А. Н., Дементьева О. А., Бондарь В. Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации.

4 Кузина А. Н. Роль человеческого капитала в развитии ВПК США. Особенности политики Д. Трампа. С. 102.

5 Дичковский А. А. Человеческий капитал и его формирование в Республике Беларусь. С. 96.

6 Масленников М. И. Развитие человеческого потенциала в России и в зарубежных странах. С. 102.

зависит от наличия, как выражается А. Н. Кузина, «человеческих богатств»[1]. Именно поэтому появление категории «человеческий капитал» позиционируется в литературе как ответ экономической науки на формирование инновационной экономики, постиндустриального и информационного обществ и возрастание роли работников интеллектуального труда на фоне снижения роли труда неквалифицированного.

Вполне закономерно, что в многочисленных актах наднационального и национального уровня этим вопросам уделяется значительное внимание. В частности, развитие человеческого капитала (демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология и культура) названо в числе стратегических интересов и целей экономического развития в Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года (принята 29.05.2020). В качестве основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов на 2021–2022 годы, определенных в Решении Высшего Евразийского экономического совета № 9 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021–2022 годы» (принято в г. Нур-Султане (Астане) 21.05.2021 г.) в числе важных направлений инвестиций наряду с пополнением и модернизацией основных фондов, усилением инновационной активности и внедрением новых технологий были определены инвестиции в человеческий капитал. И это лишь некоторые документы.

Значимость развития человеческого капитала подчеркивается и в целом ряде актов национального законодательства, в частности, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292; постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793 «О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы» и др. Однако особое место человеческому капиталу и человеческому потенциалу отводится в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция национальной безопасности), где в числе основных национальных интересов в экономической сфере назван экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе инвестиций в человеческий капитал и др. (п. 10). Акцентируется внимание на капиталовооруженности и качестве рабочей силы, наращивании инновационной активности субъектов хозяйствования как основных факторах роста производительности труда, что может быть достигнуто в том числе повышением эффективности секторов, обеспечивающих производство человеческого капитала (образование, наука, здравоохранение, культура) (п. 65).

Таким образом, вопросы инвестиций в человеческий капитал законодатель рассматривает не просто как значимые и важные, а позиционирует их в контексте обеспечения национальной безопасности. Тем очевиднее парадокс, выражающийся в неготовности правовой науки предложить законодателю доктринальную основу будущих законодательных преобразований. А без соответствующего правового оформления и выработки правореализационного механизма вышеприведенные положения, содержащиеся в документах международного, наднационального и национального уровня, могут остаться декларативными.

Республике Беларусь необходима комплексная национальная доктрина развития человеческого капитала. Под доктриной мы понимаем систему взглядов на роль и значение человеческого капитала в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь, а также принципов, определяющих механизм государственного регулирования финансирования и инвестирования социальной сферы, а также хозяйственной деятельности в сфере развития человеческого капитала, которыми должны руководствоваться законодательные и правоприменительные органы. Полагаем, что разработка и принятие такой доктрины возможны посредством внесения дополнений в Концепцию национальной безопасности, причем одновременно в трех сегментах национальных интересов: в экономическом, социальном и научно-технологическом. В перспективе правовой режим инвестиций в человеческий капитал необходимо определять в специальном законе.

РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НЕОБХОДИМА КОМПЛЕКСНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Разработке и принятию официальной доктрины должна предшествовать разработка научной доктрины, роль которой состоит в создании конструкций, понятий, определений,

[1] Кузина А. Н. Роль человеческого капитала в развитии ВПК США. Особенности политики Д. Трампа. С. 102.

которые в том числе и самостоятельно могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Исходя из сказанного, логика научного исследования должна быть выстроена следующим образом.

В первую очередь необходимо институционализировать «человеческий капитал» в рамках правовой системы, определив его природу и сущностные признаки как правового явления. По нашему мнению, человеческий капитал – комплексный политико-правовой институт, концентрирующий в себе всю совокупность характеристик, присущих отдельным индивидуумам, и свойственный в первую очередь обществу, а во вторую – государству. Мы рассматриваем человеческий капитал как сложную публично-правовую категорию – своеобразный публичный товар, производимый обществом в результате развития и обеспечения функционирования социальной сферы (институциональной среды производства человеческого капитала).

Во-вторых, необходимо выработать полноценный понятийно-категориальный аппарат. В частности, следует сформулировать (а впоследствии и законодательно закрепить) понятие «человеческий капитал», отграничив его от смежных правовых категорий, таких как «человеческий потенциал», «человеческий ресурс», «трудовые ресурсы» и др., а также выработать понятия «производство человеческого капитала», «воспроизводство человеческого ресурса», «развитие человеческого потенциала». Это позволит обеспечить единообразие нормотворческой деятельности, поскольку в настоящее время наблюдается определенная путаница в использовании данных понятий.

НЕОБХОДИМО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАТЬ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» В РАМКАХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ, ОПРЕДЕЛИВ ЕГО ПРИРОДУ И СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ КАК ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

По нашему мнению, человеческий капитал – это совокупность знаний, умений и навыков всех членов общества, предопределенная характеристиками личностных и физиологических качеств конкретного физического лица (персональный капитал), а также способность их использования для реализации публичного и частного интереса в целях обеспечения национальной экономической безопасности государства. Принципиальное отличие предложенного нами подхода от сформированного в экономической науке состоит в том, что мы не выделяем отдельных видов человеческого капитала, как это делают экономисты, не подразделяем его на индивидуальный, коллективный и общественный.

Понятия «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» нередко используются как синонимические конструкции. Однако это не одно и то же. Человеческий ресурс (а не «человеческие ресурсы», как можно встретить в литературе) является первичным институтом, на базе которого государство осуществляет формирование человеческого капитала. Человеческий ресурс представляет собою общую численность населения страны или, выражаясь юридическим языком, совокупную характеристику субъектного состава общественных отношений. Следовательно, под человеческим ресурсом следует понимать «совокупность имеющихся в распоряжении государства физических лиц – резидентов, потенциально способных принимать участие в реализации внутренней и внешней политики в силу профессионального, духовного, морального и физического состояния». Человеческий потенциал определяется экономистами как «совокупность основополагающих компетенций, способностей и возможностей индивида или территориальных общностей, уровень развития и реализации которых повышает (или снижает) продуктивность общественного производства»[1]. Причем, как справедливо отмечает С. Н. Сахаровский, в данное понятие следует включать в том числе и скрытые возможности, и качества индивида, не всегда реализованные в данный момент времени в данных условиях[2]. Полагаем, что вряд ли уместно к этому что-то добавлять. При этом человеческий потенциал – исключительное свойство частных правоотношений.

В-третьих, необходимо определить институциональную среду производства человеческого капитала и сферу осуществления инвестиций в человеческий капитал, в которой происходит производство человеческого капитала, которой является социальная сфера, а также определить организационную конструкцию социальной сферы. В настоящее время как в национальном, так и в наднациональном праве понятие социальной сферы отсутствует. Между тем выработка такого определения позволит создать универсальную для всех социальных

[1] Алимова Л. Ш. Подходы к анализу человеческого потенциала в постиндустриальной экономике. С. 11.
[2] Сахаровский С. Н. Институциональные факторы формирования человеческого потенциала. С. 86.

наук основу понимания природы института социальной сферы, и тем самым скоррелировать методологическую основу научных исследований в рамках правовой, экономической, политической науки и социологии. По нашему мнению, социальная сфера – элемент системы общественных отношений, структурируемый в соответствии с объективно сложившимся в силу исторических, демографических, политических и экономических факторов делением общества на социально-демографические группы, в котором осуществляется формирование, воспроизводство человеческого ресурса и производство человеческого капитала, обеспечивающее существование общества, реализацию национальных интересов государства и функционирование национальной экономики[1].

В-четвертых, необходимо определить правовой режим инвестиций в человеческий капитал. Мы полагаем, что за основу может быть принято понятие правового режима, предложенное белорусскими учеными Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкой и Ю. Г. Конаневичем[2], на базе которого может быть сформулировано понятие правового режима инвестиций в человеческий капитал, под которым мы предлагаем понимать комплекс правовых норм, определяющих принципы, порядок и условия осуществления инвестиций в человеческий капитал (объект инвестиций), реализации публичного и частного интереса в процессе производства человеческого капитала (осуществления инвестиций), осуществления прав в отношении человеческого капитала как объекта политических прав государства (результата инвестиций).

Таким образом, человеческий капитал выступает одновременно как объект инвестиций и как результат процесса осуществления инвестиций. То есть инвестиции представляют собою не только разрозненные объекты гражданских прав, но и их совокупность, порождающую комплексный институт инвестиций (человеческий капитал), выступающий не только объектом управленческого воздействия, но обладающий своего рода «субъективацией». Существует определенная схожесть между инвестициями в средства производства и в человеческий капитал: человеческий капитал одновременно и объект, и результат инвестиций (по аналогии с объектом недвижимого имущества). Безусловно, нет оснований утверждать о возможности ипотеки или продажи человеческого капитала, как, например, объекта недвижимого имущества, но как человеческий капитал, так и средства производства способны приносить в будущем экономический эффект, увеличивать или уменьшать свои качественные и количественные характеристики и даже полностью обесцениваться.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ВЫСТУПАЕТ ОДНОВРЕМЕННО КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИЦИЙ И КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

В-пятых, несмотря на то, что человеческий капитал является объектом, принадлежащим государству и «обслуживаемым» государством посредством осуществления финансирования и инвестиций, производство человеческого капитала является сферой взаимодействия публичного и частного интереса, реализуя задачу обеспечения общественного и личного благополучия. Следовательно, оно должно являться также сферой публично-частного партнерства, в основу которого положено распределение усилий и функций, связанных с обеспечением условий для воспроизводства человеческого ресурса и производства человеческого капитала.

Модельный закон СНГ «О публично-частном партнерстве» дает следующее определение публично-частного партнерства: «юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков (в том числе рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля».

Публично-частное партнерство представляет собой в данном контексте методологию взаимодействия, при которой сохраняется государственная монополия на человеческий капитал как объект политических прав, но функция по его производству делегируется партнерам государства – субъектам частного интереса и субъектам публичного интереса, представляющим гражданское общество (некоммерческие организации, действующие в публичном интересе

---

1 Бондаренко М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал. С. 175.

2 Бондаренко Н. Л., Гладкая Е. Н., Конаневич Ю. Г. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим». С. 34.

и т.п.). Кроме того, поскольку имеет место государственная монополия на владение объектами гражданских и политических прав (человеческим капиталом), названная методология применяется с учетом положений ст. 7 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства».

Следует понимать, что успех любого научного исследования зависит от правильно выбранной методологии. Поскольку человеческий капитал, как мы доказали,– достаточно специфичный объект прав, в качестве «исходного пункта» такой методологии должен рассматриваться, как справедливо отмечает белорусский ученый В. П. Шиенок, именно человек[1].

Заключение

Актуальность исследования проблем инвестиций в человеческий капитал подтверждается особой значимостью человеческого капитала для экономики страны, для обеспечения ее национальной экономической безопасности. Позволим предположить, что поставленные нами вопросы и некоторые ответы на них определят основные направления исследования человеческого капитала как правового явления и послужат основой для дальнейших научных изысканий в области инвестиций в человеческий капитал.

Список использованных источников

1. *Алимова, Л. Ш. Подходы к анализу человеческого потенциала в постиндустриальной экономике / Л. Ш. Алимова // Вестник СГСЭУ. – 2009. – № 5. – С. 9–13.*
2. *Артемова, Д. И. Конституция, права человека, человеческий капитал / Д. И. Артемова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 13–18.*
3. *Артемова, Д. И. Трансформация конституционной ценности человеческого капитала в современных условиях / Д. И. Артемова // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 56–58.*
4. *Бондаренко, М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал / М. С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. – № 1. – С. 165–179.*
5. *Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» / Н. Л. Бондаренко, Е. Н. Гладкая, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2. – С. 8–40.*
6. *Дементьев, А. Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации: монография / А. Н. Дементьев, О. А. Дементьева, В. Н. Бондарь; под ред. А. Н. Дементьева. – Москва: НОРМА, 2020. – 232 с.*
7. *Дичковский, А. А. Человеческий капитал и его формирование в Республике Беларусь / А. А. Дичковский // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 15. – С. 95–104.*
8. *Крылова, Е. Г. Финансово-правовое обеспечение здравоохранения как основа формирования человеческого капитала страны / Е. Г. Крылова // Финансовое право. – 2018. – № 2. – С. 13–15.*
9. *Кузина, А. Н. Роль человеческого капитала в развитии ВПК США. Особенности политики Д. Трампа / А. Н. Кузина // Обозреватель – Observer. – 2020. – № 3. – С. 102–114.*
10. *Лавров, Е. И. Человеческий капитал как фактор экономического роста / Е. И. Лавров, Л. А. Лаврова // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2006. – № 2. – С. 63–69.*
11. *Масленников, М. И. Развитие человеческого потенциала в России и в зарубежных странах / М. И. Масленников // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 101–111.*
12. *Паспорт специальности 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право [Электронный ресурс]: утв. Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, 5 июля 2021 г., № 193. – Режим доступа: https://vak.gov.by/node/1113. – Дата доступа: 07.07.2022.*
13. *Сахаровский, С. Н. Институциональные факторы формирования человеческого потенциала / С. Н. Сахаровский // JIS (Журнал институциональных исследований). – 2012. – № 2. – С. 83–92.*
14. *Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции: моногр. / В. П. Шиенок. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 238 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 26.07.2022.

[1] Шиенок В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции. С. 40.

УДК 342.9

Ю. Н. Заика

ПОНЯТИЕ ИНТЕРНЕТ В ТЕОРИИ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Заика Юрий Николаевич *– заведующий отделением подготовки кадров учреждения образования «Слонимский государственный медицинский колледж», аспирант юридического факультета Белорусского государственного университета. Сфера научных интересов: административное право, информационное право.*

Информационная сфера играет важную роль в жизни современного человека. В настоящее время крайне актуальным является вопрос правовой регламентации деятельности членов информационного общества. Сеть Интернет является основной платформой, на которой проходят информационные отношения. Республика Беларусь делает активные шаги в направлении регулирования правоотношений в Интернет-пространстве. В то же время до настоящего времени определение понятия Интернет законодательно четко не определено. Автор работы анализирует наиболее популярные научные подходы к правовой природе сети Интернет, рассматривает правовой статус сети Интернет, исходя из действующего законодательства, и на основании проведенного исследования выдвигает авторское определение Интернета и предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова*: информационное общество, информационная безопасность, правовая природа Интернета, правовой статус Интернета, национальный сегмент сети Интернет.*

Y. N. Zaika

The notion of the internet in theory of law and the legislation of the republic of belarus

The information sphere plays an important role in the life of modern people. Currently, the issue of legal regulation of the activities of members of the information society is very relevant. The Internet is the main platform on which information relations are located. The Republic of Belarus is taking active steps towards regulating legal relations in the World Wide Web. Nevertheless, the definition of the Internet has not been clearly given by law so far. The author of the work analyzes the most popular scientific approaches to the legal nature of the Internet. On the basis of the current legislation, he considers the legal status of the Internet. The research conducted permits to put forward the definition of the Internet and the proposals for changing legislation.

Keywords*: information society, information security, legal nature of the Internet, legal status of the Internet, national segment of the Internet.*

Введение

Республика Беларусь признает определяющее значение информационной сферы в жизни современного человека. Согласно Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, глобальное информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации, характеризующийся воздействием информационных технологий на все сферы жизни человека, в том числе и в особенности – на вопросы безопасности[1].

[1] Концепция информационной безопасности.

Основная часть

Важнейшей средой функционирования информационного общества, вне всякого сомнения, выступает пространство, существующее при помощи ресурсов сети Интернет. Учитывая темпы развития технологий в области обмена информацией, возрастающую доступность и простоту использования средств связи, а также рост количества пользователей сети Интернет, надо сказать, что крайне важным является вопрос правовой регламентации деятельности членов информационного общества.

Исследованиями правовой природы сети Интернет отечественные и зарубежные ученые занимаются достаточно давно. Свои подходы к ее пониманию описывали А. В. Быстров, Б. В. Кристальный, М. В. Якушев, Н. Н. Лебедева, С. В. Малахов, О. В. Танимов, Я. В. Кудашкин, И. М. Рассолов, Д. Б. Савчишкин, Д. С. Пушкин и другие. Предлагались разнообразные подходы к пониманию юридической природы сети Интернет: она рассматривалась в качестве объекта и субъекта правоотношений, в качестве виртуальной среды, а также в качестве искусственного общества, предположенного благодаря юридической фикции. Тем не менее единообразного и четкого подхода к определению Интернета с правовой точки зрения до настоящего времени не сформировано, что, на наш взгляд, значительно усложняет правовую регламентацию деятельности субъектов, вступающих в общественные отношения с помощью Интернета.

УЧИТЫВАЯ ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ, ВОЗРАСТАЮЩУЮ ДОСТУПНОСТЬ И ПРОСТОТУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ СВЯЗИ, А ТАКЖЕ РОСТ КОЛИЧЕСТВА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, НАДО СКАЗАТЬ, ЧТО КРАЙНЕ ВАЖНЫМ ЯВЛЯЕТСЯ ВОПРОС ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Это связано в первую очередь с самой природой сети Интернет. Так, сеть Интернет была спроектирована как система без единого центра, способная функционировать даже в случае утраты части ее составных компонентов. Помимо этого, сеть Интернет имеет международные масштабы, число ее пользователей постоянно увеличивается, а масштабы расширяются. При этом созданная без каких-либо системных ограничений для пользователя сеть Интернет и сейчас не имеет единых для всех пользователей правил пользования, в этой связи государства не могут создать эффективные нормативные правовые акты, способные полностью защитить их граждан на просторах Интернета.

Государственное регулирование общественных отношений в сети Интернет в силу ее межнациональных масштабов возможно только в рамках национальных сегментов сети, представляющих собой национальные домены государства (символьное обозначение сетевой адресации, например.by), интернет-ресурсы, хостинг (услуга по предоставлению ресурсов для размещения информации на сервере) которым предоставляется на территории государства, а также сети национальных операторов связи, предоставляющих доступ к сети Интернет. Так, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 г. № 60, под национальным сегментом сети Интернет понимается совокупность информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь и (или) использующих доменные имена в национальной доменной зоне, которую образуют доменные зоны «.by» и «.бел»[1].

Необходимо отметить, что Указом недостаточно четко сформулировано ключевое понятие всего документа – национальный сегмент сети Интернет. Определения терминов «информационные сети», «информационные системы» и «информационные ресурсы» самим документом не даются, а используются в значении, определенном статьей 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Статья 1 Закона № 455-З также не дает четких определений: представленные определения содержат в себе в общей сложности пять иных терминов, определения которых даются самим Законом, а также Законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи», а эти определения, в свою очередь, содержат еще четыре термина, которым также даются определения указанными Законами. Введение общих определений для такого нормативного правового акта, как закон, уместно и целесообразно, поскольку им охватывается широкий спектр общественных отношений, однако истолкование данных терминов

[1] О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет.

представляет определенную сложность при применении и исполнении норм Указа № 60. Согласно статье 30 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130 «О нормативных правовых актах» определения терминов должны быть понятными.

Также необходимо отметить, что ни Указ № 60, ни Законы № 455-З и № 45-З не содержат определение термина Интернет.

Как отмечает в своей работе Т. Г. Чудиловская: «Дефиниция «интернет» используется в ряде нормативных правовых актов, но однозначного определения этого понятия пока нет. С точки зрения права ученые определяют интернет по-разному: как «всемирную сеть сетей», «новое средство получения всеохватывающей информации» (в том числе и правовой), «международные сети электросвязи общего пользования», «глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, не имеющих четко определенного собственника и служащих для интерактивного соединения (коммуникации) физических и юридических лиц», «сетевую глобальную автоматизированную информационную систему, которая составляет основу формирования и развития информационного общества»[1].

О необходимости совершенствования действующего законодательства, регламентирующего правоотношения, возникающие при использовании сети Интернет, писали в своих работах Ж. М. Анисимова, Е. С. Бутова, М. А. Гладкая, И. В. Хломко, Е. И. Шайтарова и другие исследователи.

Следует отметить, что действующим законодательством Республики Беларусь, как и многих других государств, охватывается лишь техническая сторона сети Интернет, связанная с процессом размещения и передачи данных. При этом социальная сторона сети Интернет не учитывается.

В юридической литературе можно встретить ряд подходов к пониманию правовой природы сети Интернет.

Соглашаясь с С. В. Петровским, С. В. Малаховым, А. А. Савиной, Б. В. Кристальным и М. В. Якушевым, можно с уверенностью говорить о том, что сеть Интернет – это не субъект права, поскольку она не является участником правоотношений, наделенным правами и обязанностями. Интернет не может являться ни физическим, ни юридическим лицом. Также Интернет не обладает организационным единством и не является международной организацией, не имеет органов управления, учредительных документов, юридического адреса.

Ряд ученых предлагают рассматривать сеть Интернет как субъект правоотношений нового типа, как организационное единство, введя для этого новое понятие «множественность субъектного состава» сети Интернет, что позволяет наделить сеть Интернет характеристикой нового субъекта права. Подобный подход, как справедливо указывают О. В. Танимов и Я. В. Кудашкин, является безосновательным, ведь сеть не может самостоятельно осуществлять свои права и обязанности, а также не существует лица, способного представлять интересы сети Интернет в тех или иных правоотношениях. Мы согласны с этим мнением и считаем, что сеть Интернет не является участником правоотношений, а следовательно, и субъектом права.

Как пишет в своей работе А. К. Быстров, сеть Интернет – это не объект правоотношений. Несмотря на то, что сеть Интернет является результатом человеческого труда, никто не обладает в ее отношении какими-либо правами. У сети Интернет нет собственника, в ее отношении нельзя произвести какую-либо сделку. Все имеющиеся права распространяются не на сеть Интернет, а на объекты, позволяющие ей существовать или являющиеся ее составной частью: линии электропередачи, оборудование, компьютерные программы, базы данных, сайты и т.п. Подобное мнение также видится нам верным[2].

Некоторые исследователи говорят о сети Интернет как о едином информационном, виртуальном пространстве, кибернетическом пространстве, в котором протекает социальное взаимодействие. Ученые, которые придерживаются вышеописанной точки зрения, рассматривают отношения, возникающие в связи с использованием сети Интернет, как информационно-кибернетические отношения, объясняя свою позицию тем, что Интернет – это техническое название одной (пусть и наиболее распространенной) из множества информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе региональных и глобальных. А общественные отношения, возникающие при их использовании, с позиции правового регулирования сходны по своему содержанию вне зависимости от технических характеристик конкретных сетей. Исходя из этого, следует выработать некое общее понятие, объединяющее в себе все информационные отношения, возникающие при использовании компьютерных сетей. В качестве

[1] Чудиловская Т. Г. Управление интернетом: правовые проблемы.
[2] Быстров А. К. Правовая природа сети Интернет.

такого понятия предлагается использовать термин «кибернетическое пространство». Так, С. В. Малахов предлагает рассматривать сеть Интернет как «совокупность информационных общественных отношений в виртуальной среде». Н. Н. Лебедева и С. В. Петровский не согласны с использованием термина «виртуальная среда», ведь основная масса информации, передаваемой в сети Интернет, содержится в тех или иных документах, а технология виртуальной реальности подразумевает обмен видеоинформацией о действиях субъектов в смоделированном компьютером пространстве, что в настоящее время зачастую не происходит. Мы согласны с этим мнением и также считаем, что в настоящее время сеть Интернет не стоит отождествлять с виртуальной реальностью, поскольку большая часть информации, передаваемой с помощью ее ресурсов, находится в неразрывной связи с объективной реальностью, а в текущий момент с технической точки зрения в сети Интернет невозможно массовое распространение виртуальной реальности и создание единого виртуального пространства[1].

А. К. Быстров предлагает рассматривать сеть Интернет как искусственное общество, предположенное благодаря юридической фикции. Он приводит в пример перенесение благодаря юридической фикции такой характеристики, как правоспособность, с физического лица на искусственно созданный субъект – юридическое лицо – и предлагает аналогичным образом с помощью юридической фикции рассматривать сеть Интернет как искусственное общество, в котором правоотношения складываются между субъектами с помощью технических устройств. Данная точка зрения видится нам крайне любопытной, однако, на наш взгляд, сеть Интернет в настоящее время является неотъемлемой частью общества реального, поэтому нет необходимости рассматривать ее как некое искусственное общество[2].

Е. И. Горошко, А. В. Соколова, И. Н. Казанская, Ю. М. Кузнецова, Т. Ж. Бальжирова, Д. Белл, М. Порат, М. Кательс, А. Неклесс, А. Бюль, М. Вейнстейн предлагают рассматривать сеть Интернет как особый общественный феномен, представляющий собой сферу обмена информацией, построенную на сетевых принципах.

Мы не согласны с подходом ученых, пытающихся каким-либо образом отделить сеть Интернет от реальности, прописать для нее некие отдельные законы и правила. Возможности, предоставляемые ресурсами сети Интернет, настолько неразрывно связаны с повседневной жизнью субъектов информационных отношений, что выделять сеть Интернет как некую особую среду нет никакой необходимости. На наш взгляд, необходимо разграничить техническую составляющую понятия «сеть Интернет» как совокупность информационных сетей, систем и ресурсов, и «Интернет» как среду взаимодействия субъектов информационных правоотношений. В данном контексте наиболее яркой является аналогия Интернета и воздушного, водного или космического пространства, имеющих, с одной стороны, собственные правила, регулирующие порядок поведения в них, с другой стороны – являющихся общей сферой взаимодействия людей.

Таким образом, необходимо на законодательном уровне признать Интернет сферой взаимодействия субъектов информационных отношений и тем самым распространить на него принципы и нормы действующего законодательства. В связи с этим крайне необходима разработка и принятие Закона «Об Интернете», в котором следует дать определение Интернета, расширив понятие Интернет, которое предлагает Модельный закон СНГ «Об основах регулирования Интернета», и представить его в следующем виде: «Интернет – сфера взаимодействия субъектов информационных отношений, существующая благодаря использованию глобальной информационно-телекоммуникационной сети, связывающей информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанной на использовании комплексов интернет-протоколов (Internet Protocol, IP) и протокола передачи данных (Transmission Control Protocol, TCP) и предоставляющей возможность реализации различных форм коммуникации, в том числе размещения информации для неограниченного круга лиц». При разработке проекта закона необходимо учитывать, что исключительно национальный подход не даст возможность регулировать отношения во всей сети Интернет, в связи с чем на ведущее место выходит международное сотрудничество.

Заключение

В настоящее время идет процесс активного формирования информационного общества. Информация и информационная среда играют определяющую роль для современного

[1] Лебедева Н. Н. Право. Личность. Интернет.
[2] Быстров А. К. Правовая природа сети Интернет.

человека. В этой связи особую важность приобретает правовая регламентация действий участников информационных отношений. Сеть Интернет выступает в качестве основной платформы информационных отношений, в связи с этим остро стоит вопрос регулирования правоотношений в Интернет-пространстве. Законодательное определение термина Интернет видится важным шагом в решении данного вопроса. При этом необходимо отметить, что правовое регулирование интернет-отношений должно сочетаться с общемировым договорным, консенсуальным, информационным и иными подходами. Последовательные и согласованные действия разных стран в сфере Интернета будут более эффективными. Политика в изучаемой сфере должна ориентироваться на положительное наступательное общемировое развитие, т.е. на скорейшее внедрение нашего национального сервиса в систему Интернета вместо того, чтобы противиться внедрению новейших информационных технологий в общественную и правовую жизнь. При этом ключевую роль следует отвести вопросам обеспечения информационной безопасности граждан Республики Беларусь и их защиты от неправомерных действий. Как справедливо отмечает М. А. Наумчик, необходимо присутствие государства в Интернет-среде, но не в запретительном плане, а в плане эффективного регулирования с помощью правовых инструментов[1].

На основании изложенного в работе видится необходимым:

- разграничить понятия «сеть Интернет» и «Интернет». Под первым следует понимать совокупность информационных сетей, систем, ресурсов и т.п., а под вторым – среду взаимодействия субъектов информационных правоотношений;
- признать Интернет сферой взаимодействия субъектов информационных отношений и распространить на него принципы и нормы действующего законодательства;
- на законодательном уровне закрепить следующее понятие: «Интернет – сфера взаимодействия субъектов информационных отношений, существующая благодаря использованию глобальной информационно-телекоммуникационной сети, связывающей информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанной на использовании комплексов интернет-протоколов (Internet Protocol, IP) и протокола передачи данных (Transmission Control Protocol, TCP) и предоставляющей возможность реализации различных форм коммуникации, в том числе размещения информации для неограниченного круга лиц».

Список использованных источников

1. *Анисимова, Ж. М. Национальная безопасность Республики Беларусь в информационной сфере / Ж. М. Анисимова // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава, аспирантов и студентов, Минск, 21 апр. 2011 г. / БИП – Ин–т правоведения; редкол.: С. Ф. Сокол, С. А. Самаль, В. К. Бонько. – Минск, 2011. – С. 59–61.*
2. *Бутова, Е. С. Проблема правового регулирования сети Интернет в Республике Беларусь / Е. С. Бутова, А. В. Чередниченко // Беларусь и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: сб. материалов науч.-практ. конф., Брест, 10 марта 2016 г. / Брест. гос. ун-т; редкол.: Л. М. Калилец, А. А. Савич. – Брест, 2016. – С. 16–18.*
3. *Быстров, А. К. Правовая природа сети Интернет [Электронный ресурс] / А. К. Быстров. – Режим доступа: http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2016–1/4-bystrov.pdf. – Дата доступа: 10.04.2022.*
4. *Гладкая, Е. Н. Ответственность за нарушение авторских прав в сети Интернет в соответствии с законодательством Республики Беларусь / Е. Н. Гладкая // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО», Центр частноправовых исслед. – 2015. – Вып. 1. – С. 156–165.*
5. *Концепция информационной безопасности [Электронный ресурс]: утверждена Постановлением Совета безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. – Минск, 2022. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 10.04.2022.*
6. *Концепция российского законодательства в области Интернета (о развитии глобальной сети Интернет в России [Электронный ресурс] / Б. В. Кристальный, М. В. Якушев. – Режим доступа: http://www.libertarium/17834. – Дата доступа: 10.04.2022.*
7. *Лебедева, Н. Н. Право. Личность. Интернет // Н. Н. Лебедева. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 232 с.*
8. *Малахов, С. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Малахов. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=100309. – Дата доступа: 10.04.2022.*
9. *Наумчик, М. А. Шаг навстречу by.net или о совершенствовании использования национального сегмента сети Интернет / М. А. Наумчик // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2010. – № 3. – С. 49–52.*
10. *О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 / Нац. центр правовой*

[1] Наумчик М. А. Шаг навстречу by.net или о совершенствовании использования национального сегмента сети Интернет.

информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 10.04.2022.

11. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 10.04.2022.

12. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 10.04.2022.

13. Об основах регулирования Интернета [Электронный ресурс]: модельный закон: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 16 мая 2011 г. – Минск, 2007–2022. – Режим доступа: http://www. lawbelarus.com/022904. – Дата доступа: 10.04.2022.

14. Об электросвязи [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2022. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 10.04.2022.

15. Хломко, И. В. Правовой режим Интернет-сайта: общий взгляд на проблему / И. В. Хломко // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 3. – С. 76–78.

16. Чудиловская, Т. Г. Управление интернетом: правовые проблемы / Т. Г. Чудиловская // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 2. – С. 48–52.

17. Шайтарова, Е. И. Защита прав авторов в сети Интернет по законодательству Республики Беларусь / Е. И. Шайтарова // Науч. тр. Могилев. фил. БИП. Право. Политика. Экономика. – 2012. – Вып. 16. – С. 116–122.

Дата паступлення ў рэдакцыю 27.05.2022.

УДК 347.214.2

М. А. Баранашник

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Баранашник Марина Александровна *– преподаватель кафедры гражданского права и процесса учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», риэлтер, магистр юридических наук, аспирант. Сфера научных интересов: жилищное право, правовое регулирование риэлтерской деятельности и отношений на рынке недвижимости.*

В статье рассматриваются вопросы обеспечения конфиденциальности информации и защиты персональных данных при осуществлении риэлтерской деятельности путем анализа действующего законодательства Республики Беларусь. Выявляются пробелы в законодательстве, регулирующем риэлтерскую деятельность, вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова*: конфиденциальность информации, конфиденциальная информация, персональные данные, риэлтерская деятельность.*

M. A. Baranashnik

Ensuring the confidentiality of information and the protection of personal data in the implementation of real estate activities

The issues of ensuring the confidentiality of information and the protection of personal data in the implementation of real estate activity by analyzing the current legislation of the Republic of Belarus are discussed. The gaps in the legislation regulating real estate activity are identified, the proposals to improve the legislation are made.

Keywords*: confidentiality of information, confidential information, personal data, real estate activity.*

Введение

В последние десятилетия наблюдается развитие в области информационных технологий путем их внедрения различными способами в нашу жизнь. Развитие названных технологий позволило гражданам разных стран свободно и без финансовых затрат как общаться посредством различных средств связи, так и заказывать товары, услуги через интернет.

Бесспорно, польза научного прогресса ощущается с приходом в жизнь пандемии коронавируса COVID-19, которая внесла ряд ограничений, в том числе в возможности свободного передвижения. Однако следует отметить, что для общения, заказа товаров, услуг посредством интернета требуется регистрация, которая предполагает предоставление личной информации, начиная с паспортных данных и заканчивая номером банковской карточки. В этой связи в последние годы в Республике Беларусь наблюдается такой вид преступности, как киберпреступность, или компьютерная преступность, которую можно определить как мошенническую деятельность в сети Интернет, связанную с использованием личной информации граждан, с целью совершения противоправных действий с полученными сведениями. Полагаем, что предложенное нами определение названной категории в полной мере отражает ее сущность,

поскольку в действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствует официальная дефиниция.

Киберпреступность представляет собой комплексное понятие, включающее в себя положения о:

1) компьютерных преступлениях;
2) информационной безопасности в сфере использования современных технологий в сети Интернет;
3) преступлениях против компьютерной безопасности, содержащиеся, в частности, в нормах действующего Уголовного кодекса;
4) защите личной информации, включая защиту персональных данных.

Отметим, что правоохранительные органы постоянно информируют население о совершенных киберпреступлениях, обращая внимание именно на мошеннические действия в виртуальном пространстве с целью завладения информацией о гражданах для совершения противоправных действий с полученными сведениями. Так, по оперативным данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2020 году в стране было зафиксировано 25 575 киберпреступлений, а годом ранее – 10 567. Их удельный вес в общем объеме зарегистрированных преступлений возрос с 12 до 26,8 %[1]. Такая отрицательная статистика, конечно, не могла остаться без внимания органов законодательной власти, поскольку в Республике Беларусь не было специального узконаправленного нормативного правового акта, регулирующего защиту персональных данных, порядок их обработки, который бы мог не только оказать содействие в уменьшении количества данного вида преступлений, но и обеспечить защиту этих данных со стороны субъектов хозяйствования или индивидуальных предпринимателей, оказывающих какие-либо услуги или выполняющих работы для граждан. Отметим, что в других государствах, таких, например, как Российская Федерация, Китай, Япония, страны Европейского союза, на протяжении нескольких лет действуют акты законодательства, регулирующие порядок обработки и защиты персональных данных.

Основная часть

В результате длительной законотворческой деятельности в национальном законодательстве появился нормативный правовой акт, посвященный защите персональных данных. Названным актом стал Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99-З)[2], вступивший в силу с 15 ноября 2021 г.

Как отмечалось ранее, указанный нормативный правовой акт является уникальным для законодательства нашей республики, т.к. до его принятия не было специальных актов законодательства, посвященных именно обеспечению защиты персональных данных. В то же время понятие «персональные данные и сведения, входящие в них» ранее встречалось в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон № 455)[3], Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» (далее – Закон № 418-З)[4]. Так, Закон № 455 определяет персональные данные как основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательством внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. В свою очередь Закон № 99-З под персональными данными понимает любую информацию, относящуюся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Подчеркнем, что отдельных положений об обеспечении защиты персональных данных ни в Законе № 455, ни в Законе № 418-З не содержалось. В этой связи представляется, что в развитие рассмотренных правовых актов и был принят Закон № 99-З, прошедший долгую законотворческую процедуру. Однако названные ранее нормативные правовые акты не утратили свою силу в связи в принятием рассматриваемого Закона.

Принятый законодательный акт прошел все этапы нормотворческой деятельности, о чем, в частности, свидетельствует Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 апреля 2021 г. № Р-1261/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных». Пунктом первым указанного

[1] Число киберпреступлений выросло в Беларуси за год в 2,4 раза.
[2] О защите персональных данных.
[3] Об информации, информатизации и защите информации.
[4] О регистре населения.

Решения Конституционный Суд Республики Беларусь признал Закон № 99-З соответствующим Конституции Республики Беларусь[1].

Отметим, что названным Законом введено значительное количество новых терминов, перечень и определение которых содержится в статье первой. Так, например, в указанной норме впервые получили свое законодательное закрепление такие категории, как «оператор» и «уполномоченное лицо», рассмотрению которых следует уделить особое внимание.

В соответствии с абзацами 8 и 16 названной статьи, «оператор – государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель (далее, если не определено иное,– физическое лицо), самостоятельно или совместно с иными указанными лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных», «уполномоченное лицо – государственный орган, юридическое лицо Республики Беларусь, иная организация, физическое лицо, которые в соответствии с актом законодательства, решением государственного органа, являющегося оператором, либо на основании договора с оператором осуществляют обработку персональных данных от имени оператора или в его интересах».

Исходя из анализа содержания данных терминов, делается вывод о том, что оператор и уполномоченное лицо относятся к субъектам обработки и защиты персональных данных, имеющим некоторые отличительные особенности в организации своей деятельности по обработке названных данных. Оператора от уполномоченного лица отличить несложно. Если организация сама принимает решение об обработке персональных данных, она является оператором. Если же организация обрабатывает персональные данные по указанию другого лица (в т.ч. на основе договора), она является уполномоченным лицом[2].

Законом № 99-З не определен конкретный субъектный состав операторов или уполномоченных лиц, в нем имеются только нормы, касающиеся общих требований по обработке персональных данных, обязанностей оператора, мер по обеспечению защиты персональных данных операторами и уполномоченными лицами, а также ответственности за нарушение законодательства в данной области. Следует отметить, что в развитие рассматриваемого законодательного акта был принят Указ Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных» (далее – Указ № 422)[3], которым регламентировано создание Национального центра защиты персональных данных, право данного учреждения на реализацию образовательной программы для операторов и уполномоченных лиц в области обеспечения защиты персональных данных, определены их обязанности, также предусмотрено создание реестра операторов персональных данных. Однако в нем не регламентирован конкретный субъектный состав. Во избежание данных пробелов в законодательстве и возникновения в дальнейшем коллизий Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь в развитие некоторых положений Указа № 422 был издан Приказ от 12 ноября 2021 г. № 194 «Об обучении по вопросам защиты персональных данных», в подпункте 1.1 пункта 1 которого указан перечень субъектов, которым необходимо пройти обучение в Национальном центре защиты персональных данных по соответствующей образовательной программе. Так, в частности, к данным субъектам относятся риэлтерские организации[4].

В этой связи может возникнуть вопрос, почему риэлтерские организации законодательством отнесены к субъектам, в обязанность которых входит обеспечение защиты персональных данных. Полагаем, что это связано с нормами законодательства, регулирующего данный вид деятельности, а также с характером оказываемых услуг названными субъектами хозяйствования.

В первую очередь следует обратить внимание, что в соответствии с Правилами осуществления риэлтерской деятельности в Республике Беларусь, утвержденными Указом Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 15 «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Правила), риэлтерские организации должны осуществлять свою деятельность в соответствии с требованиями законодательства, своими обязательствами по договору на оказание риэлтерских услуг, в том числе обеспечивать конфиденциальность информации, полученной в ходе сделки с объектом недвижимого имущества. Необходимо отметить, что положениям о конфиденциальности информации отведена глава 5 «Конфиденциальность информации» названных Правил. Нормы указанной главы посвящены вопросам

1 О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных».
2 Защита персональных данных: краткий обзор нововведений с 15 ноября 2021 года.
3 О мерах по совершенствованию защиты персональных данных.
4 Об обучении по вопросам защиты персональных данных.

обязанности обеспечения риэлтерской организацией конфиденциальности информации как в процессе предоставления услуг потребителю, так и после их оказания. Пункт 32 Правил гласит, что соблюдение конфиденциальности информации предполагает ее неразглашение, а также обязанность не использовать эту информацию в личных целях или в интересах третьей стороны[1].

Точное определение понятия «конфиденциальность информации» дано в Законе № 455, в соответствии с которым это требования о недопущении распространения информации без согласия ее обладателя. В связи с рассмотрением дефиниции «конфиденциальность информации» возникает очевидный вопрос, что представляет собой конфиденциальная информация. Действующий Гражданский кодекс и Закон № 455 не содержит определения названного термина, кроме того, нет его и в других отраслевых законодательных актах, затрагивающих правоотношения в области гражданского и хозяйственного законодательства.

РИЭЛТЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОЛЖНЫ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВОИМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДОГОВОРУ НА ОКАЗАНИЕ РИЭЛТЕРСКИХ УСЛУГ, В ТОМ ЧИСЛЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ХОДЕ СДЕЛКИ С ОБЪЕКТОМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В этой связи представляется необходимым обратиться к словарю современных экономических и правовых терминов, в котором дано определение рассматриваемому понятию. Так, указанный словарь трактует конфиденциальную информацию (англ. confidential information) как документированную информацию, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством[2]. Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что среди ученых-правоведов нет единого мнения относительно формулировки рассматриваемого понятия. Так, например, одни специалисты придерживаются позиции о том, что конфиденциальная информация – система документированной информации (включая базы данных и знаний, другие массивы информации в информационных системах), носящая характер преднамеренно скрываемых сведений, имеющих действительную или потенциальную ценность для их собственника (владельца), доступ к которым в соответствии с законом и другими нормативными актами ограничивается и утрата которых может причинить вред собственнику или владельцу этих сведений[3]. Другие же исследователи настаивают на том, что это закрытая, защищаемая и имеющая ограниченный доступ информация без права ее разглашения и передачи кому-либо[4]. Отметим, что достоинством приведенных точек зрения выступает единство авторов во мнении, что конфиденциальная информация – это информация, имеющая ценность для ее правообладателя, разглашение или распространение которой может причинить ему вред. Действительно, с таким утверждением нельзя не согласиться. Вместе с тем ни первая, ни вторая позиции не отражают в полной мере сути рассматриваемой категории. Так, в первом случае авторы формулируют ее как систему преднамеренно скрываемой документированной информации, что, на наш взгляд, неверно (неточно, некорректно), поскольку данный признак присущ коммерческой тайне, но никак не конфиденциальной информации, которая в первую очередь содержит сведения, относящиеся к физическим лицам, а не к деятельности юридических лиц. Во втором случае исследователи не поясняют, какой вид информации является закрытым, защищаемым и имеющим ограниченный доступ.

Исходя из анализа рассмотренных точек зрения, представляется необходимым определить конфиденциальную информацию как сведения частного характера, содержащиеся в документах, в том числе документах, удостоверяющих личность, базах данных и иных источниках, разглашение которых в соответствии с законодательством запрещено третьим лицам без согласия их собственника или правообладателя, в случае, если в дальнейшем разглашение такой информации может причинить вред названным лицам.

Что касается конфиденциальности информации при осуществлении риэлтерской деятельности, целесообразно сформулировать рассматриваемый вид информации с точки зрения осуществления указанного вида деятельности. Так, под конфиденциальной информацией

---

1 О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь.
2 Словарь современных экономических и правовых терминов. С. 138.
3 Лукашов А. И., Мухин Г. Н. Конфиденциальная информация и коммерческая тайна: правовое регулирование и организация защиты. С. 14.
4 Щадная М. А., Крючков Н. Д. Конфиденциальная информация: понятие, виды и уровень. С. 156.

следует понимать сведения, содержащиеся в документах, удостоверяющих личность и иных документах, связанных с оказанием риэлтерских услуг, за разглашение и распространение которых работники риэлтерских организаций несут ответственность, предусмотренную законодательством. Полагаем, такая трактовка в полной мере дает представление о том, что конфиденциальная информация в рассматриваемом смысле включает в себя как защиту персональных данных, так и защиту информации в процессе оказания риэлтерских услуг субъектом хозяйствования, оказывающим их.

Следует подчеркнуть, что в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем риэлтерскую деятельность, закреплена обязанность риэлтерской организации заключать договор с потребителями ее услуг, т.е. оказывать услуги только на основании договорных отношений. Наличие заключенного договора между сторонами предоставляет возможность организации, оказывающей риэлтерские услуги, не только получать доступ к конфиденциальной информации в рамках договорных отношений, но и осуществлять обработку персональных данных потребителей. Защита персональных данных потребителя услуг риэлтерской организации не подлежит обсуждению. Вместе с тем возникают вопросы относительно механизма получения и обработки персональных данных субъектов, не являющихся потребителями услуг названных субъектов хозяйствования, а также их перечня. В этой связи полагаем, что исключить данный пробел целесообразно путем дополнения главы 5 Правил осуществления риэлтерской деятельности положениями о перечне субъектов, которым организация, оказывающая риэлтерские услуги, гарантирует неразглашение персональных данных, кроме потребителей названных услуг. Представляется, что к ним следует отнести:

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ ОПРЕДЕЛИТЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ КАК СВЕДЕНИЯ ЧАСТНОГО ХАРАКТЕРА, СОДЕРЖАЩИЕСЯ В ДОКУМЕНТАХ, В ТОМ ЧИСЛЕ ДОКУМЕНТАХ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ, БАЗАХ ДАННЫХ И ИНЫХ ИСТОЧНИКАХ, РАЗГЛАШЕНИЕ КОТОРЫХ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ЗАПРЕЩЕНО ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ БЕЗ СОГЛАСИЯ ИХ СОБСТВЕННИКА ИЛИ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ, В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ В ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗГЛАШЕНИЕ ТАКОЙ ИНФОРМАЦИИ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД НАЗВАННЫМ ЛИЦАМ

1) лиц, не имеющих договорных отношений с риэлтерской организацией, но приобретающих недвижимое имущество у собственника, имеющего договорные отношения с названным субъектом хозяйствования;
2) лиц, без непосредственного участия которых невозможна подготовка документов, связанных с оказанием риэлтерских услуг и в дальнейшем непосредственное осуществление сделки.

Заключение

В заключение представляется необходимым отметить, что анализ действующего законодательства, регулирующего деятельность по оказанию риэлтерских услуг, свидетельствует о наличии пробелов в направлении обеспечения конфиденциальности информации и защиты персональных данных, связанных с отсутствием нормативной регламентации категории «конфиденциальная информация». В связи с этим предлагается авторское определение рассматриваемого понятия: «Под конфиденциальной информацией следует понимать сведения, содержащиеся в документах, удостоверяющих личность, и иных документах, связанных с оказанием риэлтерских услуг, за разглашение и распространение которых работники риэлтерских организаций несут ответственность, предусмотренную законодательством». Предложенную дефиницию целесообразно закрепить в нормах пункта второго Правил осуществления риэлтерской деятельности. Полагаем, что именно такая формулировка в полной мере сможет отразить сущность конфиденциальной информации и ее взаимосвязь с обеспечением защиты персональных данных.

Кроме того, высказана точка зрения о необходимости дополнения главы 5 вышеназванных Правил положениями о перечне субъектов, которые не являются потребителями риэлтерских услуг, но оказывающая их организация гарантирует им неразглашение персональных данных наравне со своими потребителями.

Список использованных источников

1. *Защита персональных данных: краткий обзор нововведений с 15 ноября 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://erz.by/zhurnal/statia/zashchita-personalnyh-dannyh-kratkij-obzor novovvedenij-s-15-noyabrya-2021-goda/. – Дата доступа 06.12.2021.*
2. *Лукашов, А.И. Конфиденциальная информация и коммерческая тайна: правовое регулирование и организация защиты / А.И. Лукашов, Г.Н. Мухин. – Минск: Тесей, 1998. – 128 с.*
3. *О защите персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
4. *О мерах по совершенствованию защиты персональных данных [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 окт. 2021 г., № 422 // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
5. *О регистре населения [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-З // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
6. *О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 15 // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
7. *О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс]: решение Конституционного суда Республики Беларусь, 29 апр. 2021 г., № Р-1261/2021 // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
8. *Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
9. *Об обучении по вопросам защиты персональных данных [Электронный ресурс]: приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, 12 нояб. 2021 г., № 194 // Бизнес-Инфо / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2022.*
10. *Словарь современных экономических и правовых терминов / В.Н. Шимов, А.Н. Тур, Н.В. Страх и др.; под ред. В.Н. Шимова и В.С. Каменкова. – Минск: Тэхналогія, 1999. – 542 с.*
11. *Число киберпреступлений выросло в Беларуси за год в 2,4 раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minsknews.by/chislo-kiberprestuplenij-vyroslo-v-belarusi-za-god-v-24-raza/. – Дата доступа: 15.01.2022.*
12. *Щадная, М.А. Конфиденциальная информация: понятие, виды и уровень / М.А. Щадная, Н.Д. Крючков // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 3–4. – С. 156–158.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 14.06.2022.

УДК 347.1 (476)

П. А. Амбросова

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Амбросова Полина Александровна *– юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «БИП – С Плюс», магистр юридических наук, аспирант учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий». Сфера научных интересов: гражданское право, гражданский процесс.*

В статье проведен анализ природы гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя, позволивший выделить ее основные правовые характеристики. Исследованы условия наступления гражданско-правовой ответственности, проанализирована их взаимосвязь между собой с акцентом на виновность действий индивидуального предпринимателя. На основе проведенного научного анализа предложено авторское определение понятия «гражданско-правовая ответственность индивидуального предпринимателя».

Ключевые слова*: гражданско-правовая ответственность, индивидуальный предприниматель, риск, неблагоприятные имущественные последствия.*

P. A. Ambrosova

The concept of civil liability of an individual entrepreneur: theory and practice

The article analyzes the nature of the civil liability of an individual entrepreneur, which made it possible to highlight its main legal characteristics. The conditions for the onset of civil liability are investigated, their interrelation is analyzed with an emphasis on the guilt of the actions of an individual entrepreneur. On the basis of the conducted scientific analysis, the author's definition of the concept of civil liability of an individual entrepreneur is proposed.

Keywords*: civil liability, individual entrepreneur, risk, adverse property consequences.*

Введение

В условиях формирования рыночной экономики Республики Беларусь для успешной предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов особое значение приобретает гражданско-правовая ответственность. Современные реалии развития предпринимательства в стране очертили ряд проблем правового характера, связанных с правоприменением законодательства по вопросам взыскания убытков, неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами за неисполнение или ненадлежащее исполнение индивидуальными предпринимателями принятых на себя обязательств. Особая актуальность настоящего исследования обусловлена значительным количеством споров, рассматриваемых экономическими судами, с участием индивидуальных предпринимателей. В связи с этим создание необходимой правовой регламентации гражданско-правовой ответственности индивидуальных предпринимателей напрямую обеспечит стабильность гражданского оборота и защищенность участвующих в нем лиц.

Цель работы заключается в выработке на основе глубокого и всестороннего анализа соответствующего гражданского законодательства, сложившихся и новых научных представлений по проблеме, конкретных выводов и суждений, направленных на дальнейшее развитие теоретических воззрений о понятии и сущности гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя, выявление причин имеющих место недостатков и внесение рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства, связанных с применением форм гражданско-правовой ответственности.

В основу настоящего исследования был положен диалектический метод, в рамках которого применен анализ природы гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя, позволяющий выделить ее основные правовые характеристики, исследовать структурные элементы и обосновать их взаимосвязь с целью дальнейшего всестороннего познания и определения сущности анализируемого института. Наряду с диалектическим в работе был применен системный метод, позволивший исследовать такое сложное правовое явление, как условия наступления гражданско-правовой ответственности, проанализировать их взаимосвязь между собой с акцентом на виновность действий индивидуального предпринимателя.

СОЗДАНИЕ НЕОБХОДИМОЙ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НАПРЯМУЮ ОБЕСПЕЧИТ СТАБИЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И ЗАЩИЩЕННОСТЬ УЧАСТВУЮЩИХ В НЕМ ЛИЦ

Основная часть

Цивилистическая наука на протяжении всех этапов демонстрирует динамичное, поступательное развитие, в котором наблюдается не только прогресс законотворчества, унификация норм, но и связь самой науки с правоприменением, что отражается в практике судопроизводства. Несмотря на кажущуюся полноту правовой регламентации института гражданско-правовой ответственности, многие вопросы, связанные с практикой ее применения, остаются не разрешенными, требующими своего научного осмысления и дальнейшего анализа.

Теоретическую основу настоящей статьи составили труды белорусских ученых-цивилистов, предложивших авторские концепции правопонимания сущности и содержания гражданско-правовой ответственности: В. Ф. Чигира, В. А. Романенко, В. А. Витушко, В. С. Каменкова, Я. И. Функа, Т. В. Грунтовой и др. Из российских правоведов данной проблематике уделяли внимание С. Н. Братусь, М. И. Брагинский, В. А. Ойгензихт, И. С. Самощенко, В. А. Тархов и др. Вопросы гражданско-правовой ответственности предпринимателей не нашли широкого распространения в цивилистике, что послужило основой для более глубокого анализа данного института, определения тенденций его развития и выявления основных проблем в сфере привлечения предпринимателей к гражданско-правовой ответственности, а также формулировке путей их решения.

Признавая важный научно-практический вклад ученых в исследование гражданско-правовой ответственности, следует отметить, что значительная часть их работ осуществлена применительно к прошлым правовым периодам либо посвящена лишь частным вопросам гражданско-правовой ответственности, ее формам, без учета особенностей субъектного состава. Данные обстоятельства и послужили основанием для избрания темы настоящего исследования в целом и таких конкретных ее направлений, как вопросы понятия гражданско-правовой ответственности, условия ее наступления, а также основания ответственности предпринимателя.

Научная литература, посвященная анализу гражданско-правовой ответственности, довольно обширна, однако неоднородна по своему содержанию и обоснованию. Ряд авторов в разные периоды развития цивилистической науки предложили и обосновали собственные авторские как научные, так и практические пути решения данной проблемы. На сегодняшний момент современная белорусская цивилистика не разработала собственного актуализированного подхода к научному пониманию исследуемого понятия, а существующие единичные работы лишь фрагментарно затрагивают вопросы понятия гражданско-правовой ответственности, без учета ее применения к сфере предпринимательства. Стоит отметить, что работы современных ученых-цивилистов в своей основе зачастую построены на сформулированных еще советской наукой гражданского права положениях, в которых представлены «рабочие» определения, которые чаще всего раскрывали существовавшие в тот или иной момент модели государственного правового регулирования, будь то плановая экономика, всемерное укрепление хозрасчета и воспитание бережного отношения к народному добру. Задача

настоящего исследования показать не только эволюцию развития понятийного аппарата, но и то, как переход к рыночным отношениям нашел свое отражение в исследуемом нами понятии и квалифицирующих признаках гражданско-правовой ответственности применительно к индивидуальным предпринимателям.

Формулируя данное понятие, необходимо учитывать, что гражданско-правовая ответственность является одним из видов юридической ответственности, что можно обосновать следующими квалифицирующими чертами. Во-первых, для гражданско-правовой ответственности характерны все признаки юридической ответственности: «Это одна из форм государственного воздействия на нарушителя; она применяется к лицам, допустившим правонарушение; применяется только уполномоченными на то органами (государственными и иными); состоит в применении к нарушителю предусмотренных законом санкций»[1]. Во-вторых, необходимо принимать во внимание отраслевую специфику гражданско-правовой ответственности, что позволит отграничить гражданско-правовую ответственность от иных видов юридической ответственности, обозначив ее квалифицирующие признаки, на которых следует остановиться подробнее. В-третьих, стоит учитывать особенность присущих предпринимательской деятельности признаков, которые отражены в условиях ее наступления.

Одной из ключевых позиций, обоснованных учеными, следует обозначить теорию, согласно которой гражданско-правовая ответственность рассматривалась как форма государственного принуждения, связанная с характерными для нее неблагоприятными последствиями в виде мер принудительного имущественного воздействия на нарушителя, направленными, во-первых, на восстановление нарушенного имущественного права кредитора и, во-вторых, на стимулирование участников гражданского оборота к надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств в будущем. Одним из сторонников данной концепции следует считать В. П. Грибанова. Его позиция обоснована тем, что «гражданско-правовая ответственность есть лишь одна из форм государственно-правового воздействия на нарушителя»[2]. В качестве особенностей данной формы ответственности он выделяет ее имущественный характер: невыгодность имущественных последствий для лица, нарушившего гражданские права и обязанности; связь гражданско-правовой ответственности с применением санкций. Данным утверждением автор демонстрирует достаточно глубокий и всесторонний подход к исследуемому понятию. Внимание акцентируется не только на обеспеченности гражданско-правовой ответственности государственным принуждением, но и на ряде других, не менее существенных признаках, квалифицирующих данный вид юридической ответственности.

Следующей, не менее распространенной, выступила концепция, в силу которой гражданско-правовая ответственность рассматривалась как «отрицательное имущественное последствие для нарушителя в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»[3]. Последователи данной теории фактически отождествляли ответственность с ее мерами, что, на наш взгляд, недостаточно для раскрытия сущности гражданско-правовой ответственности, которая проявляется через содержание, форму, структуру, характеризующие данную ответственность.

Динамичный переход к рыночной экономике, внедрение в науку и практику предпринимательской и хозяйственной деятельности внесли новые авторские подходы к доктринальному пониманию гражданско-правовой ответственности, при этом ряд современных ученых по-прежнему сохранили частичную либо полную приверженность к понятийному аппарату советской науки. Так, проблему определения понятия и сущности гражданско-правовой ответственности профессор В. А. Витушко предлагает трактовать как «систему адекватных мер частного и публичного воздействия на правонарушителя, действиями (бездействием) которого нарушены права, законные интересы и иные блага, являющуюся обязанностью и долгом правонарушителя нести дополнительные имущественные и личные неимущественные обременения»[4]. Позиция ученого построена на принципе континуальности: «Континуальный, длящийся и системный характер гражданско-правовая ответственность может получить только при повсеместном применении ко всем нарушителям имущественных прав и благ граждан мер неимущественного характера. Имущественные компенсации могут и должны сопровождаться мерами неимущественного воздействия на правонарушителей имущественных и личных неимущественных благ и прав граждан». Применение лишь мер имущественного характера автор называет «неполноценными и дистрофичными».

---

1 Гражданское право. Т. 1. С. 586–587.
2 Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 310.
3 Антимонов Б. С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. С. 14–18.
4 Витушко В. А. Понятие гражданско-правовой ответственности и связь с понятием риска. С. 45.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) в ст. 1 предпринимательскую деятельность регламентирует как деятельность физических и юридических лиц, осуществляемую ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленную на систематическое получение прибыли[1]. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель акцентирует внимание на имущественной ответственности предпринимателя, которой присущ признак компенсационности, а также взаимосвязи с рисковым видом деятельности. В силу отсутствия прямой регламентации понятия гражданско-правовой ответственности предпринимателя считаем целесообразным закрепить искомое доктринальное понятие с учетом признаков, присущих гражданско-правовой ответственности в целом.

Во-первых, гражданско-правовая ответственность индивидуального предпринимателя наступает за нарушение договорных обязательств имущественного характера или за причинение имущественного внедоговорного вреда. Во-вторых, особенность гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательства наступает всякий раз, когда имеет место противоправное действие (бездействие), результатом которого выступает неисполнение либо ненадлежащее исполнение предпринимателем принятых на себя обязательств. В-третьих, учитывая самостоятельность предпринимательства как деятельности, она осуществляется на свой риск, что предполагает вероятность неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства. По утверждению С. С. Сеттаровой, «лицо, которое принимает на себя риск при вступлении в гражданско-правовое отношение, осознанно допускает возможность наступления определенных негативных последствий и готово нести бремя таких последствий, если риск настанет»[2].

Являясь одним из ключевых факторов, риск и его взаимосвязь с предпринимательской деятельностью выступает основой гражданско-правовой ответственности самого предпринимателя. Г. Н. Шевченко в трактовке предпринимательской деятельности видит «предоставление большей свободы, больших возможностей, которые не могут не иметь обратной стороны, выражающейся в установлении повышенной ответственности для предпринимателя»[3]. Думается, что повышенная ответственность напрямую зависит от категории вины предпринимателя, которая в правовой конструкции «предприниматель-контрагент» презюмируется. П. 2 ч. 1 ст. 372 ГК Республики Беларусь[4] понятие вины характеризует через принятие мер для надлежащего исполнения обязательства при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства. Таким образом, законодатель вину предпринимателя отождествляет с категориями «заботливость» и «осмотрительность», а также через принятие мер. Наука гражданского права, как и законодательство в целом, не предлагает доктринального определения искомых категорий, оставляя вопрос выявления виновности или невиновности индивидуального предпринимателя на усмотрение суда. Приведем пример судебной практики.

Истец ООО «Ю.» обратился с иском к ИП В. о взыскании убытков, причиненных несохранностью груза (фруктов) при его перевозке. В обоснование заявленных исковых требований истец ссылался на договор на оказание транспортно-экспедиционных услуг при перевозке грузов и акт о несохранности груза при автомобильной перевозке. Истец обосновывал, что ответчиком ненадлежаще исполнены обязательства по перевозке фруктов по маршруту Узбекистан (Фергана) – Беларусь (Минск), в результате чего значительная часть фруктов была повреждена и пришла в негодность. Вероятными причинами ущерба в акте экспертного осмотра указаны: нарушение режима работы рефрижераторной установки во время перевозки; недостаточное качество товара в момент погрузки в автотранспорт. Судом установлено, что перевозчик как профессиональный участник гражданского оборота по общему правилу несет ответственность независимо от наличия вины и основанием для освобождения перевозчика от обязанности по возмещению реального ущерба ввиду утраты, недостачи или повреждения (порчи) груза является наличие обстоятельств, которые являются объективно чрезвычайными и непредотвратимыми. Перевозчик несет предпринимательские риски, связанные с возможностью повреждения груза в процессе перевозки. Таким образом, вина перевозчика в потере или повреждении принятого к перевозке без замечаний груза презюмируется, на перевозчике лежит бремя доказывания наличия обстоятельств, освобождающих его от ответственности. Надлежащие доказательства,

---

1 Гражданский Кодекс Республики Беларусь.

2 Сеттарова С. С. Обязательства, ответственность и риски подрядчика по договору строительного подряда. Проблемы соблюдения баланса интересов сторон. С. 75.

3 Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве. С. 69–70.

4 Гражданский Кодекс Республики Беларусь.

обладающие критерием достоверности, соблюдения перевозчиком при осуществлении перевозки указанного в заявке и маркировке на ящиках с фруктами рекомендуемой температуры (не более +3 °С) ответчиком не представлены. Экономический суд Гродненской области вынес решение о взыскании суммы ущерба с ИП В., так как ответчиком не были представлены надлежащие доказательства, подтверждающие, что повреждение груза произошло вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, а также, что им были приняты все меры, которые он должен был принять с учетом обстоятельств, и что он действовал согласно полученным инструкциям[1].

Данное решение четко демонстрирует науке гражданского права и правоприменителю «усеченный» перечень условий наступления гражданско-правовой ответственности при отсутствии вины лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность.

В рамках настоящего исследования стоит предположить, что институт гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя требует к себе постоянного внимания ученых-цивилистов, законодателя и практических работников с учетом перспектив социально-экономического развития республики.

Заключение

Теоретический интерес к институту гражданско-правовой ответственности в целом и индивидуального предпринимателя, в частности его правовой регламентации, стремление цивилистической науки внести свой вклад в правоприменительную деятельность определили авторскую позицию в данной статье. Вина индивидуального предпринимателя, в отличие от иных условий наступления гражданско-правовой ответственности (противоправное действие, причинно-следственная связь и убытки), которые упоминаются в рамках судебной практики, требует наличия доказательной базы для признания лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, невиновным. Данное правило демонстрирует современной цивилистической науке постепенный отход от теории обязательной вины. Следовательно, можем утверждать, что гражданско-правовая ответственность индивидуального предпринимателя носит повышенный характер.

С учетом изложенного полагаем возможным сформулировать следующее авторское определение и закрепить его в п. 4 ст. 22 ГК: «Гражданско-правовая ответственность индивидуального предпринимателя – это неблагоприятные имущественные последствия для должника, выраженные в форме, предусмотренной законом, направленные на восстановление имущественного положения кредитора в полном объеме или в ином размере, определенном законом или договором, обеспеченные мерами государственного воздействия (принуждения) независимо от его вины».

Список использованных источников

1. *Антимонов, Б. С. Основания договорной ответственности социалистических организаций / Б. С. Антимонов. – М.: Госюриздат, 1962. – 175 с.*
2. *Витушко, В. А. Понятие гражданско-правовой ответственности и связь с понятием риска / В. А. Витушко // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО». – Минск, 2016. – Вып. 2. – С. 32–56.*
3. *Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
4. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1998. – Т. 1 / О. А. Дюжева [и др.]. – 816 с.*
5. *Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав: сборник / В. П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 410 с.*
6. *Дело № 154ЭИП21134 [Электронный ресурс]: решение экон. суда Гродн. обл., 24 мая 2021 г. // ilex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
7. *Сеттарова, С. С. Обязательства, ответственность и риски подрядчика по договору строительного подряда. Проблемы соблюдения баланса интересов сторон / С. С. Сеттарова // Вестник науки. – 2019. – № 10. – Т. 1. – С. 70–77.*
8. *Шевченко, Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве / Г. Н. Шевченко // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 67–74.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 12.09.2022.

[1] Дело № 154ЭИП21134.

УДК 349.2

А. Г. Апенок

ТРУДОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ УПРАВЛЕНИЙ (ОТДЕЛОВ) ОБРАЗОВАНИЯ, ДЕТСКИХ ДЕРЕВЕНЬ (ГОРОДКОВ) КАК НАНИМАТЕЛЯ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Апенок Анастасия Григорьевна *– аспирант отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Сфера научных интересов: трудовое право.*

Статья посвящена теоретико-прикладному определению трудовой правосубъектности нанимателя в трудовых отношениях по применению профессионального родительского труда. В работе рассмотрены основные доктринальные подходы относительно понимания исследуемого феномена; выявлены его основные признаки. Проведен анализ трудовой правосубъектности управлений (отделов) образования, детских деревень (городков). Сделан вывод относительно двойственности правового статуса управления (отдела) образования. По результатам исследования установлены некоторые особенности реализации трудовой правосубъектности таким нанимателем, предложено определение данного термина, а также обозначены направления развития правового регулирования отношений в рассматриваемой области.

Ключевые слова*: трудовая правосубъектность, наниматель, руководитель, профессиональный родительский труд, приемные родители, родители-воспитатели.*

A. G. Apenak

Labor legal personality of education departments, children's villages (towns) as the employer in labor relations on the application of professional parental labor

This article is devoted to the theoretical and applied definition of the employer's labor legal personality in labor relations for the implementation of professional parental labor. The paper considers the main doctrinal approaches regarding understanding of the phenomenon under consideration. Its main features are revealed. The analysis of the labor personality of departments of education, children's villages (towns) was carried out. A conclusion is made regarding the duality of the legal status of the department of education. Based on the results of the study, some features of the implementation of the labor legal personality of such an employer are established, a definition of this term is proposed, and directions for the development of legal regulation of relations in the area under consideration are indicated.

Keywords*: labor legal personality, employer, manager, professional parental work, foster parents, foster parents, parents-caregivers.*

Введение

Проблематика трудовой правосубъектности получила широкое исследование в научной доктрине. Вопросы правосубъектности работников и нанимателей были освещены

в работах советских и российских ученых-трудовиков Н. Г. Александрова, Б. К. Бегичева, С. Ю. Головиной, Л. Я. Гинцбурга, К. Н. Гусова, М. А. Жильцова, О. Б. Зайцевой, Т. Ю. Коршуновой, С. П. Маврина, Р. З. Лившица, А. М. Лушникова, М. В. Лушниковой, В. М. Лебедева, А. Ф. Нуртдиновой, Ю. П. Орловского, В. Н. Скобелкина, И. И. Снигиревой, Л. А. Сыроватской, А. С. Пашкова, В. Н. Толкуновой, Е. Б. Хохлова, Б. Ф. Хрусталева, Л. А. Чикановой и др. Среди белорусских ученых, которые рассматривали отдельные вопросы трудовой правосубъектности, можно отметить О. С. Курылеву, К. Л. Томашевского, Е. А. Волк, А. А. Греченкова, И. В. Гущина, А. П. Дубовца, Д. В. Скородулина и др.

Вместе с этим в условиях современных динамичных процессов, которые происходят в трудоправовой сфере (развитие гибких форм занятости, рост количества нестандартных нанимателей, внедрение идей достойного труда, цифровизация трудоправовой сферы и т.д.), требуются переосмысление некоторых устоявшихся подходов относительно понимания рассматриваемого правового явления и выработка концептуальных предложений в указанной сфере. В частности, на примере актуального для Республики Беларусь профессионального родительского труда, который имеет некоторые особенности правовой регламентации, в том числе в части субъектного состава, будут исследованы сущность и содержание трудовой правосубъектности управлений (отделов) образования, детских деревень (городков) как нанимателя в трудовых отношениях с приемными родителями и родителями-воспитателями.

Основная часть

Трудовые отношения, складывающиеся между нанимателем, приемными родителями и родителями-воспитателями, имеют свою специфику, в том числе обусловленную особенностями субъектного состава таких отношений.

Прежде всего обозначим, что в трудоправовой доктрине в качестве таких субъектов выступают наниматель и работник. Как было отмечено Н. Г. Александровым, «наличие правоспособных субъектов, обладающих соответствующим правовым статусом, составляет одну из необходимых юридических предпосылок возникновения трудового правоотношения»[1].

В Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) термин «субъекты трудового отношения» прямо не закреплен, вместе с этим широко используется термин «стороны трудового договора». Следует пояснить, что термин «субъект» используется применительно к правоотношению, так как является его элементом. Термин «сторона», напротив, используется в контексте трудового договора. Вместе с этим, так как трудовой договор является формой реализации права на труд, субъекты трудового отношения соответствуют термину «стороны трудового договора», которыми, согласно абз. 14 ст. 1 ТК, являются наниматель и работник.

Применительно к профессиональному родительскому труду в зависимости от формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дифференцируются требования к субъектному составу. Так, в части трудовых отношений, возникающих в рамках приемной семьи и детского дома семейного типа, нанимателем выступает управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе (далее – управление (отдел) образования) по месту нахождения органа опеки и попечительства, принявшего решение о создании приемной семьи или детского дома семейного типа. Что касается занятости в рамках детской деревни (городка), нанимателем является непосредственно данное юридическое лицо.

В контексте данного исследования особый интерес представляют особенности трудовой правосубъектности нанимателя в трудовых отношениях по применению профессионального родительского труда.

Прежде всего отметим, что понимание с содержательной точки зрения такого субъекта трудовых отношений, как наниматель, претерпело достаточно серьезную трансформацию. Произошел переход от традиционной модели государственного предприятия к более широкому толкованию, включающему различные виды нанимателей.

Как отмечает О. Б. Зайцева, «данный субъект (наниматель – выделено А. Г. Апенок) представляет собой сложную организационно-управленческую структуру, сформировавшуюся под влиянием исторических причин и базирующуюся на гражданской правосубъектности, который имеет реальную возможность для вступления в трудовые правоотношения с физическими лицами»[2].

---

1 Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. С. 242.

2 Зайцева О. Б. Субъекты трудового договора в свете изменений, внесенных в Трудовой кодекс РФ. С. 40.

Так, согласно абз. 7 ч. 1 ст. 1 ТК нанимателем может быть юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником.

С учетом неоднородности лиц, выступающих в качестве нанимателя как субъекта трудовых отношений по применению профессионального родительского труда, которая обусловлена формой устройства детей, вопрос о нанимательской правосубъектности таких лиц и предпосылках ее реализации требует соответствующего дифференцированного исследования.

Так, управление (отдел) образования входит в структуру исполнительных и распорядительных органов. Согласно ч. 1 ст. 38 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон «О местном управлении и самоуправлении») исполнительные и распорядительные органы являются государственными органами.

В доктрине обращается внимание на то, что органы государственной власти и местного самоуправления имеют многие признаки самостоятельной корпорации, и для целей регулирования трудовых отношений им придается достаточная самостоятельность в виде практически полного набора элементов юридического статуса работодателя и работодательской правосубъектности. По мнению М. А. Драчук, данная идея представляется «очень удачным решением проблемы доказательного включения в число субъектов трудового права организаций без статуса юридических лиц...»[1].

Вместе с этим в Законе «О местном управлении и самоуправлении» прямо определено, что исполнительные и распорядительные органы являются юридическими лицами. В части структурных подразделений установлена возможность наделения их правами юридического лица в соответствии с законодательством.

Согласно ч. 3 п. 3 ст. 45 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) правоспособность государственного органа, а также государственного юридического лица, положение о котором утверждено актом законодательства, возникает с момента вступления в силу акта законодательства, предусматривающего образование (создание) такого органа или юридического лица, если иное не предусмотрено этим актом.

Как справедливо было отмечено А. Л. Теном, «юридическая наука пока не дает однозначного ответа на вопрос о том, являются ли органы государственной власти юридическом лицом или нет. Однако, очевидно, что законодательство закрепляет данный статус за достаточно значительным кругом органов государственной власти»[2].

Действительно, как было обозначено выше, исполнительные и распорядительные органы власти определены законодателем в качестве юридических лиц. При этом данные юридические лица не относятся ни к одной из существующих организационно-правовых форм, которые закреплены в гл. 4 ГК. Формально исполнительные и распорядительные органы являются юридическими лицами. Наделение их данным статусом связано, помимо всего прочего, с необходимостью обеспечения соответствия правовым условиям для вступления в трудовые отношения в качестве нанимателя – регистрация в качестве юридического лица. Соответственно, такая двойственность: с одной стороны – реализация компетенции органов государственной власти, с другой – осуществление нормативных, директивных и дисциплинарных полномочий нанимателя,– налагает определенную специфику на трудоправовое положение рассматриваемого субъекта.

В связи с наличием на рынке труда подобных юридических лиц М. А. Жильцов предлагает классифицировать организации – юридические лица по особенностям правового регулирования. В частности, отнести «органы местного самоуправления и органы государственной власти ... к организациям с преобладанием публично-правового регулирования наемного труда»[3]. Данная классификация основана на идее французских ученых (Ж. Коллэна, Р. Локуа, П. Гутьера, А. Жаммо, Ж. Лион-Кана, А. Рудиля) о разделении сферы применения публичного и частного трудового права[4].

Следует обозначить, что белорусским законодателем прямо не определено, что управления (отделы) образования являются структурными подразделениями исполнительных и распорядительных органов с правами юридического лица. Так, в п. 8 ст. 38 Закона «О местном управлении и самоуправлении» лишь предусматривается, что типовая структура областного,

---

1 Драчук М. А. Субъекты трудового права. С. 211.

2 Тен А. Л. Теоретико-правовые проблемы государственной регистрации органов государственной власти в качестве юридических лиц. С. 31.

3 Жильцов М. А. Работодательская правосубъектность органов местного самоуправления. С. 83.

4 Трудовое право в капиталистическом государстве. С. 39.

Минского городского, городского (городов областного подчинения), районного исполкомов, местных администраций, а также численность работников исполнительных и распорядительных органов (без персонала по охране и обслуживанию зданий) по областям и городу Минску, в том числе численность работников структурных подразделений исполнительных и распорядительных органов, устанавливаются Президентом Республики Беларусь.

В ранее действовавшем Указе Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2013 г. № 168 «О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников» была закреплена такая типовая структура, которая включала в том числе управления (отделы) образования на всех уровнях местного управления. В этом же акте было установлено, что такие структурные подразделения могут наделяться правами юридических лиц. Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2018 г. № 91-дсп.

В настоящее время такая структура в национальном законодательстве не определяется. Несмотря на это, анализ действующих норм позволяет сделать вывод о том, что управления (отделы) образования являются структурными подразделениями районных, городских исполнительных комитетов, местной администрации района в городе.

Так как управления (отделы) образования реализуют государственно-властные права и обязанности в определенной отрасли (сфере деятельности), положения о таких структурных подразделениях утверждаются исполкомами, местными администрациями по согласованию с соответствующими республиканскими органами государственного управления, структурными подразделениями областных исполкомов, структурными подразделениями городских исполкомов (городов областного подчинения), Минского городского исполкома (п. 10 ст. 38 Закона «О местном управлении и самоуправлении»).

При этом следует учитывать, что управления (отделы) образования подчиняются вышестоящим исполнительным и распорядительным органам. В частности, по вопросам организационно-педагогической и методической работы – Министерству образования Республики Беларусь. По этой причине ряд правомочий, реализуемых ими в качестве нанимателя, имеет свои особенности (например, в части порядка приема и увольнения отдельных категорий работников требуется согласование кандидатуры с вышестоящими органами).

В специальных положениях, регламентирующих деятельность управлений (отделов) образования, определяется, что такие структурные подразделения являются юридическими лицами, имеющими печати с изображением Государственного герба Республики Беларусь, угловой штамп и бланки со своим наименованием, самостоятельный баланс, расчетный и иные счета в банке. Имущество такого юридического лица находится на праве оперативного управления.

Если обратиться к классификации сфер применения труда работников по найму, которая была предложена Е. Б. Хохловым, с учетом особенностей правосубъектности такого нанимателя, как управление (отдел) образования, можно сделать вывод о том, что трудовые отношения по осуществлению профессионального родительского труда относятся к группе «государственная и муниципальная служба, в которой государственные и муниципальные органы, с одной стороны, являются органами, действующими в пределах определенной компетенции, то есть представителями субъекта права, а с другой, являясь юридическими лицами, они могут выступать субъектами рынка труда, работодателями»[1].

Действительно, с одной стороны, управление (отдел) образования является структурным подразделением местного исполнительного и распорядительного органа, с другой, оно является самостоятельным юридическим лицом, которое в прямом толковании норм законодательства о труде может свободно являться нанимателем без каких-либо исключений. М. А. Жильцов определял такое свойство как «двойственный статус»[2].

Таким образом, управление (отдел) образования является структурным подразделением исполнительного и распорядительного органа. Для реализации своих полномочий такое структурное подразделение подлежит регистрации в качестве юридического лица. Являясь юридическим лицом, управление (отдел) образования может вступать в трудовые отношения в качестве нанимателя. Нормы законодательства о труде не содержат каких-либо исключений для данной категории нанимателей, а значит, они должны в полном объеме применяться к трудовым отношениям с участием управлений (отделов) образования

[1] Зайцева О. Б. Трудовая правосубъектность как юридическая категория и ее значение в правовом регулировании трудовых отношений. С. 10–11.

[2] Жильцов М. А. Правосубъектность организации как работодателя. С. 84–85.

и приемных родителей, родителей-воспитателей. Вместе с этим с учетом особого положения данного нанимателя, в первую очередь обусловленного его относимостью к местному органу управления, возникает вопрос относительно наличия особенностей его трудовой правосубъектности.

В отличие от указанной выше специфики правового определения статуса управлений (отделов) образования как нанимателя, в части трудовых отношений, возникающих между родителями–воспитателями и детской деревней (городком), в п. 6 Положения о детском доме, детской деревне (городке), утвержденного постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 25 июля 2011 г. № 124, прямо установлено, что такой наниматель является юридическим лицом, осуществляющим свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь об образовании, данным Положением, иными актами законодательства, уставом детской деревни (городка). Устав детской деревни (городка) утверждается учредителем в порядке, установленном законодательством. Следует отметить, что с позиции гражданского права такой субъект может быть основан как на государственной, так и на частной форме собственности.

Трудовые отношения с участием такого нанимателя регулируются общими нормами ТК, поскольку никаких специальных норм, формирующих особые подходы к правосубъектности и правовому статусу детской деревни (городка) как нанимателей, законодательство не содержит.

В целях полноты исследования кратко остановимся на концептуальных теоретико-правовых положениях относительно трудовой правосубъектности нанимателей.

В законодательстве о труде, за отдельным исключением некоторых положений, касающихся возрастного критерия правосубъектности работников, вопрос трудовой правоспособности и дееспособности до сих пор остается неурегулированным. Вместе с этим он имеет основообразующее значение в обеспечении полноты и единства понимания ключевых трудоправовых категорий.

НИКАКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ, ФОРМИРУЮЩИХ ОСОБЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ПРАВОВОМУ СТАТУСУ ДЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ (ГОРОДКА) КАК НАНИМАТЕЛЕЙ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НЕ СОДЕРЖИТ

В доктрине трудового права данному вопросу посвящено достаточно большое количество работ. Вместе с этим существует ряд дискуссионных аспектов, в том числе обусловленных появлением новых нанимателей и работников, не вписывающихся в классическую (стандартную) модель исследуемого феномена.

Широкое распространение получило понятие правосубъектности как свойства (качества) лица быть субъектом права. Данное определение основано главным образом на понимании субъекта права, сформулированного, в частности, Е. Н. Трубецким, который писал, что субъектом права признается «всякий, кто способен иметь права независимо от того, пользуется ли он ими в действительности или нет»[1].

В свою очередь Г. Ф. Шершеневич определял правосубъектность как особое свойство (юридическое качество) лица, созданное объективным правом быть субъектом права[2]. Соглашаясь с ним, А. В. Мицкевич также выделил одним из важнейших признаков субъекта его «особое юридическое свойство (качество)»[3], создающее определенные условия участвовать в различных правоотношениях. Аналогичной позиции придерживался и С. С. Алексеев, который определял правосубъектность как «общественно-юридическое свойство, которое правовые нормы придают лицам быть субъектами правоотношений»[4].

В последующем в доктрине при уточнении содержания понятия субъекта права рассматриваемый термин был дополнен рядом важных элементов. Во-первых, было предусмотрено, что субъект является не только носителем прав, но и юридических обязанностей. Во-вторых, были сделаны обоснованные выводы о том, что именно признание государством соответствующих способностей лица обладать правами и нести юридические обязанности позволяет отнести его к субъектам права. В-третьих, в понятии субъекта права выделили два вида «всякого», способного иметь права и нести юридические обязанности: физическое лицо и организация[5].

---

1 Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. С. 121.
2 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 577.
3 Пиголкин А. С., Головастикова А. Н. Теория государства и права. С. 368.
4 Алексеев С. С. Общая теория права. С. 380.
5 Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. С. 546; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. С. 510; Пиголкин А. С., Головастикова А. Н. Теория государства и права. С. 623.

В теории советского трудового права практически общепризнанными являлись положения о том, что трудовая правоспособность и трудовая дееспособность едины и нераздельны[1]. Отдельные попытки по обособлению трудовой правоспособности и дееспособности применялись[2], однако они были аргументированно опровергнуты с учетом нетрудоправового характера доводов[3], которые приводились для обоснования такого подхода.

Так, Н. Г. Александров особо подчеркивал, что трудовая правоспособность и дееспособность, в отличие от общегражданской правоспособности и дееспособности, составляет единое свойство, придаваемое советским правом физическому лицу[4].

А. М. Лушников и М. В. Лушникова пишут, что «единство трудовой правоспособности и дееспособности продиктовано личным (личностным) характером (критерием) трудового правоотношения. Нельзя обладать трудовой правосубъектностью и не иметь возможности лично реализовать принадлежащие лицу права и возложенные на него обязанности»[5].

По мнению Д. В. Скородулина «Трудовая право-дееспособность – это закрепленная в правовых нормах оценка свойств, в силу которой лицо готово самостоятельно принимать и осуществлять правовые решения и его поведение подлежит трудоправовому регулированию»[6].

Необходимо отметить, что субъект права и участник правоотношения не являются равнозначными. Если субъектом права является лицо, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений, то реальным субъектом выступает субъект правоотношения (правоотношений), которому принадлежат субъективные права и юридические обязанности[7].

В трудоправовой доктрине отмечалось, что, признавая ту или иную организацию в качестве субъекта трудового права, государство как минимум наделяет ее правами, необходимыми для того, чтобы она могла выступать в качестве субъекта трудового правоотношения[8].

Возникновение трудовой правосубъектности зависит от ряда факторов, с которыми законодатель связывает возникновение правомочий и обязанностей у определенного круга лиц.

Рассматривая проблематику трудовой правосубъектности в доктрине, неоднократно обращалось внимание на необходимость ее четкого отграничения от гражданско-правовой.

Так, М. В. Лушникова вполне обоснованно заметила, что государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей определяет их гражданскую правосубъектность, которая является условием возникновения трудовой правосубъектности работодателя[9].

По мнению А. С. Пашкова, признаки трудовой правосубъектности «характеризуют организацию как субъекта права, участвующего в общественных отношениях, складывающихся в первую очередь внутри этой организации (внутренние отношения)»[10].

Государственная регистрация юридического лица, индивидуального предпринимателя представляет собой лишь юридический факт, который является важным этапом в приобретении трудовой правосубъектности нанимателя. Вместе с этим только обладая гражданско-правовой правосубъектностью наступает возможность вступления в трудовые отношения и заключения с работником трудового договора.

О. Б. Зайцева, определяя трудовую правосубъектность юридического лица, указывала на ее производный от гражданской правосубъектности характер[11].

Соглашаясь с выводом О. В. Смирнова о том, что «сходство гражданской и трудовой правосубъектности во многом носит формальный характер, так как трудовая правосубъектность характеризует организацию с точки зрения субъекта права, участвующего в отношениях, складывающихся внутри кооперации труда, внутри коллектива работников, а признаки и критерии юридического лица характеризуют эту организацию с позиции субъекта права, выступающего в гражданском (хозяйственном) обороте вне данной кооперации труда»[12], обозначим, что данные виды правосубъектности существуют «параллельно» и пересекаются лишь

---

1 Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. С. 236–237; Пашерстник А. Е. Право на труд: очерки по совет. праву. С. 28.
2 Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан. С. 173.
3 Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. С. 185.
4 Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. С. 172–173.
5 Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. С. 555–556.
6 Курс трудового права. Общая часть. С. 312.
7 Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. С. 32–36.
8 Хрусталев Б. Ф. Государственное предприятие – субъект трудового права. С. 37–38.
9 Лушникова М. В. Работодатель как субъект трудового права. С. 174.
10 Трудовое право России. Учебник. С. 67.
11 Зайцева О. Б. Трудовая правосубъектность как юридическая категория и ее значение в правовом регулировании трудовых отношений. С. 299.
12 Трудовое право: учебник. С. 88.

в контексте обусловленности трудовой правосубъектности фактом наличия и прекращения гражданской правосубъектности.

Н. Г. Александров определял, что «работодательская правосубъектность (правоспособность) юридического лица заключается в признаваемой государством возможности предоставлять гражданам гарантированную работу, допуская их прилагать свою рабочую силу к средствам производства, входящим в обособленный имущественный комплекс данного юридического лица, за вознаграждение, уплачиваемое из указанного комплекса»[1].

Следует отметить, что большинство ученых при формулировке термина «трудовая правосубъектность» концентрируются на основных признаках рассматриваемого феномена – организационного и имущественного. А. А. Греченков определял их как оперативный и имущественный критерии[2], первый из которых в самом общем виде связан с возможностью вступления в трудовые правоотношения, второй – с обеспечением оплаты труда. Более детальный анализ обозначенных критериев указывает на необходимость для приобретения трудовой правосубъектности осуществить постановку на учет в органы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты, а также регистрацию в Белорусском республиканском унитарном страховом предприятии «Белгосстрах». На аналогичную особенность, в привязке к российскому законодательству, в своих работах обращали внимание О. Б. Зайцева, М. А. Жильцов, Н. В. Черных и др. При этом в контексте национального законодательства следует обозначить, что, согласно п. 25 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», такое действие осуществляется автоматически регистрирующим органом.

Таким образом, придерживаясь общего подхода, полагаем, что методологической базой для определения термина «трудовая правосубъектность нанимателя» должны стать основные признаки, характеризующие рассматриваемый феномен.

Рассматривая проблематику правосубъектности нанимателя, мы не можем обойти стороной имеющиеся параллели между управлением (отделом) образования как структурным подразделением местного исполнительного и распорядительного органа и филиалом (представительством), которые согласно ст. 51 ГК являются обособленными подразделениями юридического лица.

Филиалы и представительства действуют на основании утвержденных юридическим лицом положений, в которых, как правило, уполномоченные должностные лица наделяются правом приема и увольнения работников. Как указывается в юридической литературе, они обладают производной (представительской) работодательской правосубъектностью[3].

По мнению Л. А. Чикановой и А. Ф. Нуртдиновой, «в связи с тем, что российское трудовое законодательство признает работодателем только юридическое лицо, а в соответствии же с гражданским законодательством филиалы и представительства юридическими лицами не являются, то, как следствие, они не могут быть стороной трудового договора»[4].

Согласно национальному законодательству, филиал и представительство отнесены к обособленным подразделениям организации, они не являются юридическими лицами (абз. 8 ч. 1 ст. 1 ТК, ч. 3 ст. 51 ГК).

Е. Б. Хохлов разъясняет, что «структурные подразделения, даже будучи обособленными, все же остаются подразделениями юридического лица. Это означает, что они не обладают правосубъектностью, а их руководители обладают лишь компетенцией, объем которой определяет юридическое лицо. Руководитель, при необходимости действуя по доверенности, ведет дела от имени юридического лица, в том числе открывает счета и заключает трудовые договоры»[5].

В трудоправовой литературе высказывалась и иная позиция. Так, Т. Ю. Коршунова приводит доводы, свидетельствующие о том, что обособленное подразделение юридического лица должно обладать всеми правами и обязанностями работодателя[6]. Аналогичной позиции придерживается С. Ю. Головина, которая ссылается на мнения по данному вопросу

---

1 Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. С. 203.
2 Трудовое право: учебник для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право». С. 111.
3 Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. С. 580.
4 Нуртдинова А., Чиканова Л. Трудовое право в вопросах и ответах. С. 45.
5 Курс российского трудового права. – Т. 1: Часть общая. С. 394.
6 Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. С. 100.

А. С. Пашкова, С. А. Иванова, Р. З Лившица, Ю. П. Орловского, Е. Б. Хрусталева, А. М. Лушникова, М. В. Лушниковой[1].

По мнению К. Л. Томашевского, «обособленные структурные подразделения могут и должны быть отнесены законодателем к нанимателям. Тот факт, что данные подразделения не являются юридическими лицами по гражданскому праву, не исключает их возможность (способность) выступать нанимателями в трудовом праве, поскольку эти отрасли права являются самостоятельными»[2].

Д. В. Скородулин предлагал отождествлять в рамках трудового права понятия «департамент с правами юридического лица», «организационная структура с правами юридического лица» и «юридическое лицо» и последующее признание обособленных подразделений возможной стороной трудового правоотношения в качестве нанимателя[3]. Ученый считал, что имеются основания для признания нанимателем не только «организационных структур с правами юридического лица», но и других обособленных структурных подразделений, обладающих организационным единством, имущественной обособленностью и наделенных правом приема и увольнений работников.

По мнению О. С. Курылева, «изложенный подход к определению трудовой правосубъектности организаций, не являющихся юридическими лицами, обусловлен природой трудовых правоотношений как внутренних отношений в организации. Признание автономии юридических лиц в гражданском обороте (во внешних правоотношениях) должно иметь своим следствием признание их права определять трудовую правосубъектность их организационных структур во внутренних трудовых правоотношениях с сохранением субсидиарной ответственности юридического лица в таких правоотношениях»[4].

На практике руководителю филиала и представительства посредством доверенности передается практически полный набор прав и обязанностей, относящихся к правосубъектности нанимателя. При этом трудовые отношения возникают между юридическим лицом, учредившим филиал или представительство, и работником. Непосредственно юридическое лицо как наниматель несет ответственность по всем обязательствам, вытекающим из трудовых отношений.

В настоящее время филиал и представительство не могут выступать в качестве нанимателя в прямом смысле толкования термина «наниматель», которое содержится в абз. 7 ч. 1 ст. 1 ТК. Вместе с этим такой субъект может соответствовать имущественному и организационному признакам, которые характеризуют правосубъектность нанимателя, а также может быть наделен юридическим лицом, структурным подразделением которого является, отдельными трудоправовыми правомочиями.

Что касается управления (отдела) образования, которому предоставлено право осуществлять прием, увольнение и др. приемных родителей и родителей-воспитателей, ситуация обстоит иным образом. Да, такой субъект в значении административного законодательства является структурным подразделением местного исполнительного и распорядительного органа. Вместе с этим с позиции законодательства о труде в рамках трудовых отношений с профессиональными родителями управление (отдел) образования не выступает в качестве обособленного подразделения организации, как это происходит у филиала и представительства. Данный субъект сам является нанимателем, так как имеет статус юридического лица, а значит, ни о какой производной (представительской) работодательской правосубъектности не может идти речь.

Заключение

1. Трудовые отношения по осуществлению профессионального родительского труда в части субъектного состава не являются однородными. В зависимости от формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, меняется и субъект, выступающий в качестве нанимателя: управление (отдел) образования для приемных родителей и родителей-воспитателей, занятых в приемных семьях и детских домах семейного типа; детская деревня (городок) для родителей-воспитателей, осуществляющих свои трудовые функции в рамках детской деревни (городка).

---

1 Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права; Хрусталев Б. Ф. Государственное предприятие – субъект трудового права; Советское трудовое право: вопросы теории; Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права.

2 Томашевский К. Л. Изменение трудового договора и условий труда: сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы. С. 50.

3 Курс трудового права. Общая часть. С. 332.

4 Там же. С. 409.

Правовой статус детской деревни (городка) отвечает, за отдельными исключениями, классической модели нанимателя – юридического лица. Управление (отдел) образования, напротив, имеет двойственный статус: с одной стороны, является самостоятельным юридическим лицом, которое может свободно вступать в трудовые отношения; с другой, является структурным подразделением местного исполнительного и распорядительного органа, которое наделено государственно-властными правами и обязанностями.

2. В качестве основных признаков трудовой правосубъектности нанимателя в целом и в частности применительно к управлению (отделу) образования, детской деревне (городку) следует обозначить:

– предусмотренную законодательством способность предоставлять на основе заключенного трудового договора работу по определенным одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) соответствующей квалификации согласно штатному расписанию, прекращать трудовые отношения;

– способность выступать плательщиком страховых платежей (взносов);

– способность выплачивать заработную плату в сроки и размерах, установленных законодательством, коллективным договором, соглашением или трудовым договором, с соблюдением системы государственных гарантий по оплате труда работников.

На основании вышеуказанных признаков трудовую правосубъектность управлений (отделов) образования, детских деревень (городков) как нанимателя в трудовых отношениях по осуществлению профессионального родительского труда можно определить как способность субъекта участвовать во внутрихозяйственной деятельности через вступление в трудовые отношения, возникающее на основе заключенного трудового договора, при соответствии данного субъекта имущественному и организационному признакам. Моментом возникновения трудовой правосубъектности управлений (отделов) образования, детских деревень (городков) является государственная регистрация юридического лица или вступление в силу акта законодательства, предусматривающего образование (создание) такого органа или юридического лица.

3. Осуществление трудовой правосубъектности управлением (отделом) образования, детской деревней (городком) в рамках профессионального родительского труда имеет ряд особенностей, которые проявляются в контексте отдельных признаков рассматриваемого феномена: в части реализации права на заключение и прекращение трудового договора; а также некоторых аспектов организации и управления трудом работников.

4. Концептуальное значение трудовой правосубъектности как важнейшей составляющей трудового правоотношения обусловливает актуальность нормативного обеспечения рассматриваемой категории и ее основных элементов, что послужит основой для дальнейшего совершенствования правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. *Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М.: Госюридиздат, 1961. – 271 с.*

2. *Александров, Н.Г. Трудовое правоотношение: монография / Н.Г. Александров. – М.: Проспект, 2008. – 336 с.*

3. *Алексеев, С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. –2- е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 565 с.*

4. *Бегичев, Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан / Б.К. Бегичев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 243 с.*

5. *Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 160 с.*

6. *Гинцбург, Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение / Л.Я. Гинцбург. – М.: Наука, 1977. – 310 с.*

7. *Головина, С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: дис. ... д- ра юрид. наук: 12.00.05 / С.Ю. Головина; Уральская гос. юрид. академия. – Екатеринбург, 1998. – 363 л.*

8. *Драчук, М.А. Субъекты трудового права: монография / М.А. Драчук. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2009. – 336 с.*

9. *Жильцов, М.А. Правосубъектность организации как работодателя: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / М.А. Жильцов; Уральская гос. юрид. академия. – Екатеринбург, 2002. – 170 л.*

10. *Жильцов, М.А. Работодательская правосубъектность органов местного самоуправления / М.А. Жильцов // Российский юридический журнал. – 2003. – № 4. – С. 82–86.*

11. *Зайцева, О.Б. Субъекты трудового договора в свете изменений, внесенных в Трудовой кодекс РФ / О.Б. Зайцева. – Оренбург: Пресса, 2006. – 91 с.*

12. *Зайцева, О.Б. Трудовая правосубъектность как юридическая категория и ее значение в правовом регулировании трудовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / О.Б. Зайцева; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2008. – 474 л.*

13. Курс российского трудового права: часть общая: в 3 т. / А.В. Гребенщиков, С.П. Маврин, Е.Б. Хохлов [и др.]; под общ. ред.: С.П. Маврин, А.С. Пашков, Е.Б. Хохлов.– СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.– Т. 1: Часть общая.– 573 с.

14. Курс трудового права. Общая часть: учеб. пособие / А.А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О.С. Курылевой, К.Л. Томашевского.– Минск: Тесей, 2010.– 602 с.

15. Лушников, А.М. Курс трудового права: учеб. для вузов: в 2 т. / А.М. Лушников, М.В. Лушникова.– 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Статут, 2009.– Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть.– 879 с.

16. Лушникова, М.В. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников.– СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.– 940 с.

17. Лушникова, М.В. Работодатель как субъект трудового права / М.В. Лушникова // Очерки по торговому праву. Сборник научных трудов.– Ярославль, 1996.– Вып. 3.– С. 72–83.

18. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко.– М.: ТК Велби; Проспект, 2007.– 755 с.

19. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц.– М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2000.– 560 с.

20. Нуртдинова, А. Трудовое право в вопросах и ответах / А. Нуртдинова, Л. Чиканова // Хозяйство и право.– 2004.– № 5.– С. 41–48.

21. Пашерстник, А.Е. Право на труд: очерки по совет. праву / А.Е. Пашерстник.– М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.– 232 с.

22. Пиголкин, А.С. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головастикова, Ю.А. Дмитриева; под общ. ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева.– М.: Городец, 2003.– 743 с.

23. Советское трудовое право: вопросы теории / С.А. Иванов, Р.З. Лившиц, Ю.П. Орловский; отв. ред.: С.А. Иванов.– М.: Наука, 1978.– 368 с.

24. Тен, А.Л. Теоретико-правовые проблемы государственной регистрации органов государственной власти в качестве юридических лиц / А.Л. Тен // Административное право и процесс.– 2006.– № 4.– С. 34.

25. Томашевский, К.Л. Изменение трудового договора и условий труда: сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы / К.Л. Томашевский.– М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2005.– 208 с.

26. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой.– СПб.: Юридический институт, 1998.– 183 с.

27. Трудовое право в капиталистическом государстве / П.Г. Гутьер, Р. Докуа, А. Жаммо, Ф. Коллэн [и др.]; под ред. С.А. Иванова; перевод: Н.Л. Туманова.– М.: Прогресс, 1980.– 263 с.

28. Трудовое право России: учебник / Т.В. Иванкина, С.П. Маврин, Е.В. Магницкая, А.С. Пашков [и др.]; под ред. А.С. Пашкова.– СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993.– 289 с.

29. Трудовое право: учебник / О.В. Смирнов [и др.]; под ред.: О.В. Смирнова, И.О. Снигиревой.– М.: ТК Велби, Проспект, 2008.– 600 с.

30. Трудовое право: учебник для студентов учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право» / В.Н. Артемова [и др.]; под ред. В.И. Семенкова.– Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016.– 711 с.

31. Хрусталев, Б.Ф. Государственное предприятие – субъект трудового права / Б.Ф. Хрусталев.– М.: Юрид. лит., 1976.– 159 с.

32. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич.–М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912.– Вып. 3.– 833 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 25.04.2022.

УДК 338:004

В. А. Сакович
Е. Г. Моисеенко

МЕГАТРЕНДЫ, МЕНЯЮЩИЕ МИР: СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВА, ВЫЗОВЫ И ОПАСНОСТИ

Сакович Василий Андреевич *– доктор политических наук, профессор. Сфера научных интересов: международная, национальная и экономическая безопасность, глобальные процессы, геополитика.*

Моисеенко Евгений Григорьевич *– профессор кафедры мировой экономики учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», доктор экономических наук, доцент. Сфера научных интересов: мировая экономика, национальная и экономическая безопасность, цифровая экономика.*

В статье исследуются мегатренды системных трансформаций в экономике и обществе в условиях перехода от индустриальной модели к сверхпроизводительной постиндустриальной, смены технологического базиса, поиска источников роста, системы расширенного воспроизводства материальных факторов жизнеобеспечения.

Делается вывод, что четвертая промышленная революция, ее глобальные тренды и мегатренды привели мировую систему к дестабилизации одновременно в трех глобальных измерениях: геополитическом, геостратегическом и геоэкономическом. Фундаментальные изменения ставят каждую страну перед необходимостью комплексно и всесторонне оценить происходящие глобальные процессы и выработать адекватную стратегию и тактику национального инновационно-цифрового развития.

Ключевые слова*: четвертая промышленная революция, мегатренды, цифровизация, роботизация, искусственный интеллект, вызовы, опасности.*

V.A. Sakovich
Y.G. Moiseenko

Megatrends changing the world: modernity, perspective, challenges and dangers

The article examines the megatrends of systemic transformations in the economy and society in the context of the transition from an industrial model to a super-productive post-industrial one, a change of the technological basis, a search for sources of growth and a system of expanded reproduction of material life support factors. It is concluded that the fourth industrial revolution, its global trends and megatrends led the world system to destabilize simultaneously in three global dimensions: geopolitical, geostrategic and geoeconomic. Fundamental changes make each country face the need to comprehensively assess the ongoing global processes and develop an adequate strategy and tactics for national innovative and digital development.

Keywords*: fourth industrial revolution, megatrends, digitalization, robotization, artificial intelligence, challenges, dangers.*

Введение

Мир в настоящее время находится в глубочайшем геополитическом, геоэкономическом и глобальном социальном кризисе, в самой низшей цикличной точке эволюционного развития большого Кондратьевского цикла.

Многие ученые и аналитики сравнивают современный период мирового развития с началом XX века, который на понизительной стадии длинной волны сопровождался мировой войной, революцией, социальными потрясениями. Но, с другой стороны, этот период характеризовался и началом технологической модернизации: были изобретены и стали широко применяться двигатели внутреннего сгорания, самолетостроение, автомобилестроение, беспроводная связь и другие технологические новшества, что привело к началу новой повышательной волны большого цикла. Практически сто лет мир жил на этой технологической базе, которая была заложена в начале прошлого века. Но данный цикл в настоящее время заканчивается, ресурсно-затратная и экологически опасная модель технологического развития и либеральная модель управления этого цикла уже практически исчерпали себя и не работают. Мир в настоящее время при всем глобальном цивилизационном противостоянии, даже в жестких условиях формирования нового мирового порядка начал искать новые формы мирового экономического развития.

В большинстве стран мира инновационно-цифровая модернизация стала рассматриваться как возможность начать новый цикл стратегического развития. В настоящее время с расширением цифровизации начали вырисовываться основные тренды мирового развития – повсеместный переход от аналоговых технологий к цифровым, начавшийся в 80-х годах прошлого века, привел современный мир к революционным инновационно-цифровым и инновационно-технологическим переменам: развитию нейротехнологий и искусственного интеллекта, роботизации и сенсорики, блокчейну, трехмерной печати, виртуальной и дополненной реальности. Эти технологические достижения, а также квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, технологии беспроводной связи – фактически обусловили начало новой четвертой промышленной революции. Коренные изменения, связанные с широким распространением информационно-коммуникационных технологий, привели к информационной революции, предопределили процессы формирования постиндустриального общества, основой которого является инновационная экономика. По оценке экспертов, в мировой экономике начал развиваться шестой технологический уклад. Примерные его границы – 2010–2060-е гг. Локомотивом этого уклада выступают США, Япония, Китай, ЕС, Юго-Восточная Азия[1].

В БОЛЬШИНСТВЕ СТРАН МИРА ИННОВАЦИОННО-ЦИФРОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СТАЛА РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НАЧАТЬ НОВЫЙ ЦИКЛ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Следует отметить, что все крупные производственные, технологические и экономические преобразования всегда приводили к глубоким переменам в обществе. Во времена уже первой промышленной революции – в XVIII и XIX веках – новые промышленные процессы постепенно привели к значительному росту производительности труда, колоссальному росту благосостояния человечества, а вместе с ним новым, значительно более высоким, жизненным стандартам. Но в начале этого процесса промышленная механизация привела и к крупным негативным последствиям: безработице, детскому труду, ухудшению экологической обстановки и др. Аналогичная ситуация наблюдалась и в последующих промышленных революциях.

Таким образом, как свидетельствует история, технологические революции никогда не проходили гладко, без серьезных социальных издержек. Причем большая часть этих издержек приходилась на страны, отставшие от доминирующих приоритетов развития.

Основная часть

По нашему мнению, фундамент современных системных трансформаций в экономике и обществе составляет переход от индустриальной цивилизации к сверхпроизводительной постиндустриальной. Происходит смена технологического базиса, источников роста, системы расширенного воспроизводства материальных факторов жизнеобеспечения, идеологических принципов, основ миропонимания.

[1] Пятенко С. В., Сапрыкина Т. Ю. Россия: уроки кризиса. Как жить дальше? С. 213.

Сейчас, как считает известный швейцарский экономист Клаус Мартин Шваб, невозможно предвидеть, по какому сценарию будет развиваться четвертая промышленная революция[1]. Но уже в настоящее время становится очевидным, что социальный и политический эффект нынешней цифровой и технологической революции по сравнению с предыдущими промышленными революциями отличается своей радикальностью. Это обстоятельство, а также то, что развитые государства утратили стратегическую инициативу по формированию перспектив мирового развития, создало проблему глобальной нестабильности.

Самостоятельность четвертой промышленной революции Industrie 4.0 можно обосновать тремя факторами.

Темпы развития. В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Это является порождением многогранного, глубоко взаимозависимого мира, в котором мы живем, а также того факта, что новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии.

Широта и глубина. Она основана на информационно-цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обусловливающие возникновение беспрецедентных изменений в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся.

Системное воздействие. Предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем регионам, странам, компаниям, отраслям и обществу в целом.

Глобальными трендами четвертой промышленной революции являются искусственный интеллект, квантовые вычисления, роботизация, цифровизация экономики и общества, безлюдные технологии, нанотехнологии, принципиально новые неисчерпаемые источники энергии, генная инженерия, конструирование биологических систем, «зеленые технологии», инструментальное воздействие на индивидуальное и групповое сознание, метавселенные, в которых люди взаимодействуют друг с другом и цифровыми объектами через свои аватары, технология блокчейн; государственные цифровые платформы и тематические маркетплейсы; интернет вещей (IoT) и другое.

Синтез технологий и их взаимодействие в физических, биологических, психологических, цифровых, виртуальных доменах составляет фундаментальное отличие современной промышленной революции от всех предыдущих революций.

Из этих глобальных трендов четвертой промышленной революции современную миросистему характеризуют глобальные функциональные мегатренды мирового развития, к которым можно отнести: *инновационно-цифровую модернизацию экономики и общества (инверсия фундаментальных ценностей под влиянием информационно-психологического воздействия на личность и общество), автоматизацию и роботизацию и внедрение искусственного интеллекта*.

Цифровизация экономики и общества выступают основой четвертой промышленной революции, и это один из главных мегатрендов мирового развития на длительную перспективу. Большинство цифровых технологий опираются на подключенность пользователей к сети Интернет. Интернет преобразил торговлю, коммуникации, систему образования и профессиональной подготовки, производственные цепочки и саму экономику, перевернул взгляды на старые бизнес-модели, общественные и государственные институты, открыл новую эру в экономической, социальной и политической истории, заставил по-новому взглянуть на всю систему международной и национальной безопасности, в первую очередь на систему информационной и инновационной безопасности[2].

С использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. Современные средства коммуникации объединяют людей, создавая тем самым глобальное цифровое общество, где люди могут пользоваться в максимальной мере своими социальными свободами. Джон Полфри и Урс Гассер[3] – авторы исследования Беркманского центра по изучению интернета и общества (Berkman Internet and Society center) – определяют характерные черты «цифрового общества», а именно: «тотальная» креативность, инновационность (подразумевающая разрушение и отказ от традиционных устоявшихся форм в бизнесе и построении деловых отношений), демократичность, информированность, благодаря

[1] 4-я промышленная революция в Давосе.
[2] Сакович В. А. Вызовы и угрозы процессу формирования инновационно-цифровой экономики. С. 99–113.
[3] Palfrey J., Gasser U. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives. P. 7.

постоянной включенности в поисковую деятельность, многозадачность (способность решать несколько когнитивных задач).

Цифровая экономика представляет собой новую форму организации социума, государства, деловой среды. Взаимодействие субъектов рыночных отношений происходит в виртуальной среде с использованием информационных и цифровых технологий, интеллектуального капитала. Стремительная цифровизация оказывает влияние на все аспекты жизни общества, включая не только то, каким образом создается и обменивается стоимость, но и то, каким образом мы взаимодействуем, работаем, делаем покупки и получаем услуги. Директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева в выступлении от 14 апреля 2022 г. сообщила, что более 100 государств – членов МВФ активно работают в сфере цифровизации[1].

Глобальный рынок цифровых технологий в 2019 г. составил 1,18 трлн. долл. США. Как ожидается, в 2023 г. он увеличится до 2,3 трлн. долл. США, то есть за пять лет удвоится. 68 % бизнес-лидеров планеты цифровую трансформацию называют главным приоритетом для своих компаний[2].

В ходе исследования, проведенного российским Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, было проанализировано более 180 тыс. зарубежных источников (научных журналов и СМИ) на предмет частоты упоминаний различных цифровых технологий, что дало следующий результат (см. Таблица 1)[3].

В результате самыми цитируемыми и обсуждаемыми темами являются роботизация, искусственный интеллект и машинное обучение, то есть те направления, которые в современных условиях имеют наибольшее развитие и большую перспективу на будущее.

В настоящее время внутри маркетплейсов таких мегабизнесов, как американская FAMGA (Facebook, Amazon, Microsoft, Google, Apple) и китайский BAT (Baidu, Alibaba, Tencent), формируется новая система организации процессов коммуникаций между участниками цифровой платформы в формате открытого цифрового ландшафта, именуемого экосистемой. В отличие от ранее описанных стадий развития цифровой экономики, цифровая экосистема является цифровым двойником реального мира и способна тождественно перенести все процедуры делового поведения в цифровую версию. Следует отметить, что в настоящее время только три страны – США, Китай и Россия – имеют свои экосистемы.

Широкое развитие получили виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) и аддитивные технологии (Additive Manufacturing). Виртуальная реальность (VR) – это симуляции, созданные с помощью шлемов виртуальной реальности. Отличием от дополненной

Таблица 1.

Топ-15 цифровых технологий в промышленности в 2020 г.

Ранг	Технологии	Индекс значимости
1	Промышленные роботы	1,0
2	Искусственный интеллект	0,86
3	Машинное обучение	0,68
4	Цифровое прототипирование	0,56
5	Сенсорика	0,42
6	Беспроводная связь	0,30
7	Блокчейн	0,21
8	Большие данные	0,20
9	Виртуальная и дополненная реальность	0,12
10	Товар как услуга	0,09
11	Компьютерное зрение	0,03
12	Смарт-контракты	0,03
13	Промышленный интернет вещей	0,03
14	Цифровой двойник	0,02
15	Умные фабрики	0.01

Примечание. Источник: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

[1] Кристалина Георгиева, директор-распорядитель МВФ. Сталкиваясь с кризисом за кризисом: как мир может реагировать.
[2] 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы. Аналитический обзор РБК Компании.
[3] Цифровизация промышленности. Обзор TAdviser 2021.

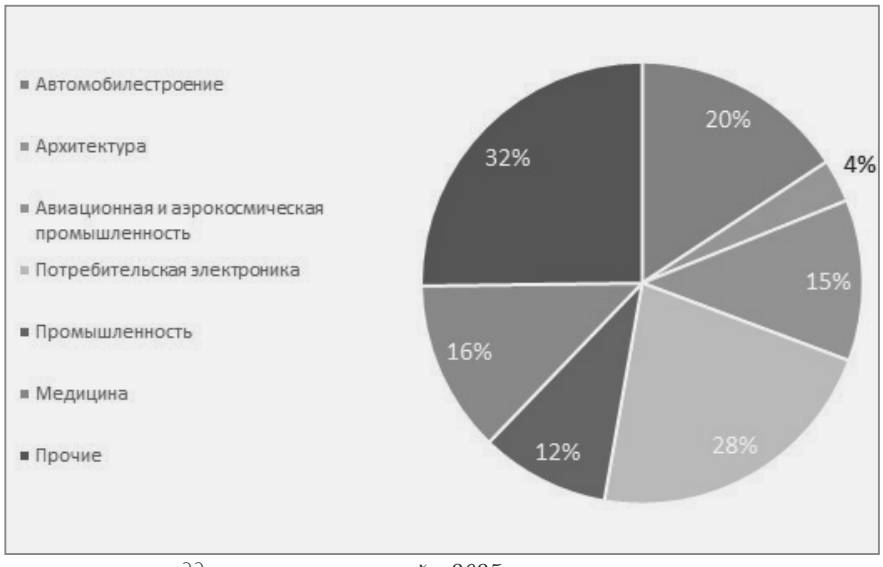


Рисунок 1. *Структура рынка аддитивных технологий к 2025 г.*
Примечание. Источник: американская консалтинговая компания Frost & Sullivan.

реальности (AR) является то, что настоящие предметы полностью исчезают из поля зрения и вы видите только виртуальную среду. С развитием технологий VR и AR перестают быть лишь игровым инструментом, их все больше внедряют в профессиональные сферы: VR и AR применяются при обучении солдат, пилотов, продавцов, инженеров, энергетиков и др. Аддитивные технологии (Additive Manufacturing) – метод создания трехмерных объектов, деталей или вещей путем послойного добавления материала: пластика, металла, бетона и, возможно, в будущем – человеческой ткани. Аддитивное производство – класс перспективных технологий. Ежегодные темпы роста мирового рынка аддитивных технологий составляют 15%. При сохранении CAGR на таком уровне Frost & Sullivan прогнозирует увеличение объема рынка с 5,31 млрд. долл. США в 2018 г. до 21,5 млрд. долл. США в 2025 г. По мнению аналитиков, к тому времени до 51% рынка аддитивных технологий будет приходиться на авиационную промышленность, сферу здравоохранения и автомобилестроение (см. рисунок 1). Сегмент «Прочие» включает энергетическую и пищевую промышленность, строительную отрасль и др.

В период 2015–2025 гг. ежегодные темпы роста аддитивных технологий в мире составят 18,6%, а их объем за этот период увеличится более чем в 5 раз – с 1,01 млрд. долл. США в 2015 г. до 5,56 млрд. долл. США в 2025 г., около 70% приходится на долю Китая. Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из самых быстро растущих по развитию аддитивных технологий[1] (см. рисунок 2).

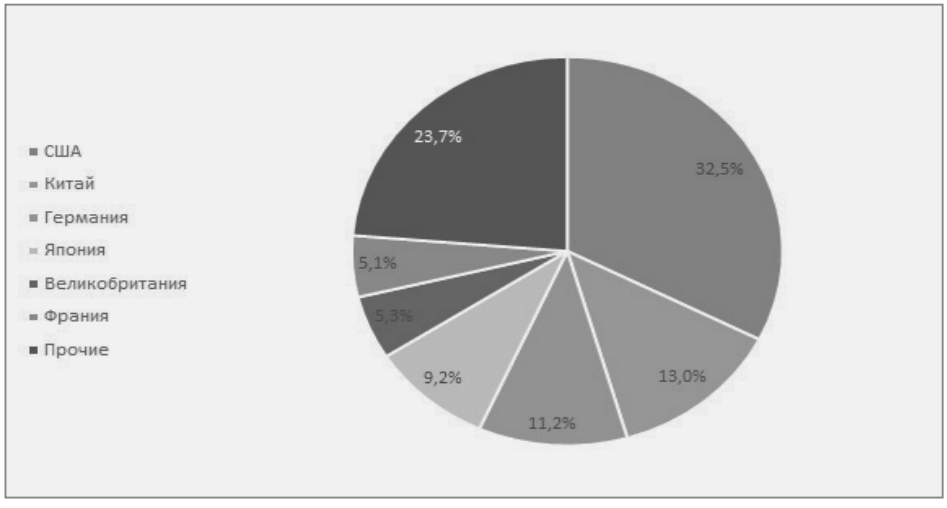


Рисунок 2. *Структура рынка аддитивных технологий к 2025 г. (по странам)*
Примечание. Сегмент «Прочие» включает Индию, страны Латинской Америки, Россию, Австралию, Швецию, Италию, Бельгию, Испанию, Нидерланды.

[1] Аддитивное производство. Аналитический обзор TAdviser 2022.

Вместе с тем цифровизация, несмотря на огромные преимущества для экономики и общества, несет серьезные вызовы и угрозы современному и будущему развитию мира.

Одним из вызовов являются цифровые технологии властного контроля, дающие возможность власти установить тотальный контроль над поведением граждан. Так, система социального рейтинга, внедренная в Китае с применением цифровых технологий, позволяет отслеживать граждан с «ненадежным» поведением и автоматически применять к ним дисциплинирующие меры «ограничительного» характера. Обращает на себя внимание тотальность контроля и оценки поведения. Оно сложилось благодаря технологическим достижениям:

1) в области цифровизации: обеспечиваемый интернетом и смартфонами доступ к платежным системам; оплата с помощью терминалов; технологии контроля персонала, транспорта и безопасности на дорогах, учета сырья и товаров, в том числе и посредством автоматической радиочастотной идентификации различных объектов с помощью встроенных чипов (Radio Frequency Identification, сокращенно RFID)[1], сканирования сетчатки глаза, использования отпечатков пальцев, оптического распознавания лиц и символов, идентификации голоса (технологии Auto ID)[2];
2) внедрение концепций «умного дома», «умного транспорта», «умного города», предполагающих широкое использование цифровых технологий управления[3];
3) воплощение идей «цифрового правительства» в масштабах всего общества.

К этому следует добавить, что применяемая технология анализа больших данных (big data analysis technology) позволяет оценивать каждого гражданина по его фиксируемым в электронном виде поступкам, выявлять отклонения от желаемой нормы и применять к нарушителям чувствительные меры воздействия, то есть цифровые средства дают возможность не только сбора информации, но и влияния на поведение граждан страны. Некоторые возможности цифровых технологий были продемонстрированы во время пандемии Covid-19. Тогда власти КНР использовали мобильные приложения, сотовую связь и видеонаблюдение с распознаванием лиц для отслеживания контактов здоровых людей с инфицированными, выявляли таким путем потенциально зараженных, присваивали им «опасный» статус и изолировали их, в итоге маркировав все население по степени ограничений красным, желтым и зеленым цветом[4]. В целом во всех странах в «ковидные» годы произошел процесс форсированной цифровизации всех сторон жизни человека и развития общества.

Таким образом, власти не только Китая, но и всех стран мира получили новые возможности через тотальный информационный контроль над населением, мощные системы информационной слежки, возможность контролировать цифровую инфраструктуру, управлять населением, его политическими взглядами, идеологическими предпочтениями. Многие государства, в первую очередь ведущие страны мира, стали использовать возможности социальных сетей в геополитической и внутриполитической борьбе.

Информационно-цифровые технологии дали беспрецедентную возможность информационного манипулятивного воздействия на личность, общество и государство.

Появились целые направления и технологии информационного воздействия путем проведения *информационных и гибридных войн, информационно-психологического воздействия на личность*.

Появилась реальная возможность через информационно-коммуникационные сети «организации психологических операций, направленных на осуществление манипулятивного целенаправленного воздействия на сознательные и подсознательные психические процессы населения определенной страны, на его эмоции, чувства, волевые импульсы, ценностные ориентации и жизненные стратегии, с целью изменить их в желаемом для инициаторов информационных атак направлении»[5], влияния на политические предпочтения, социальную сплоченность, манипулирования осведомленностью и процессами общественной жизни граждан.

«Гибридная война» совмещают военную мощь, экономику, технологии, религию, культуру, дипломатию, пропаганду, контроль средств массовой информации и информационную войну, манипулятивные действия над населением, проведение кибератак. Стратегия современной гибридной и информационной войны – затрагивает национальные обычаи, углубляет

---

1 Бегалиев Е. Н. К вопросу о внедрении технологии радиочастотной идентификации (RFID) как средства противодействия совершению отдельных видов (групп) преступлений. С. 191–195.
2 Hompel M., Masoudinejad M., Bousbiba O., Roid M. Automatic Identification Technology. P. 687–718.
3 Bifulco F., Tregua M., Amitrano, C., D'Auria A. ICT and Sustainability in Smartcities Management.
4 China rolls out software surveillance for the COVID-19 pandemic, alarming human rights advocates.
5 Бабосов Е. М. Наука и человекомерность окружающей реальности. С. 164.

эрозию национальной идентичности и приверженности к национальным началам, стремится в корне изменить восприятие внутреннего мира человека и его социально-общественное поведение, установить контроль над важными национально-государственными процессами – политическими, экономическими, социальными, духовно-культурными и т.д. Цель подобных действий одна – манипулирование людьми, чтобы заставить их действовать в нужном для противника или соперника направлении, даже вопреки собственным национальным интересам.

Следующими главными мегатрендами современности, которые по глубине воздействия на общество превосходят все текущие геоэкономические процессы, являются два тесно взаимосвязанных процесса – автоматизация и роботизация. Причем наиболее быстрыми темпами развивается робототехника. На скорость ее развития указывают темпы умножения количества роботов – они примерно втрое выше темпов экономического роста[1].

Анализ внедрения промышленных роботов (World Robotics 2021) показывает рекордное количество – три миллиона промышленных роботов, работающих на заводах по всему миру, число которых продолжает расти. При этом парк роботов меняется не только количественно, но и качественно, робототехника развивается не только быстро, но и повсеместно – как в отраслях, так и во всех странах мира. Это уже привело к структурным сдвигам в мировой системе производительных сил. Например, в машиностроении производство электронных гаджетов и автомобилей уже невозможно без робототехники.

В настоящее время сформировались три главных региона масштабного применения робототехники: Восточная Азия, Европа и США. По количеству и отношению роботов к числу занятых лидирует Восточная Азия, в особенности три ее страны: Япония, Республика Корея и Китай. В Азии в 2020 г. был установлен 71 % от всех роботов (2019 г. – 67 %), из них большая часть приходится на Китай – 168 400 единиц, что на 20 % больше, чем в 2019 г. При этом всего в Китае работает уже 943 223 робота, и их число приближается к отметке в 1 миллион, которая, по прогнозам, будет преодолена в 2022 году. Такой высокий темп роста указывает на высокую динамику роботизации в Китае[2]. При этом в Китае самый большой парк промышленной робототехники, Япония выступает в роли технологического лидера, в Корее – самая высокая насыщенность промышленности роботами (соотношение людей и роботов)[3].

Ожидается, что в 2030 г. общий объем мирового рынка робототехники достигнет от 160 до 260 млрд. дол. США[4].

По заключениям экспертов уже в недалеком будущем тотальная роботизация и автоматизация качественно изменят не только экономику, политику, но и само общество.

С процессом роботизации в настоящее время связано много позитивных ожиданий. Роботизация решает принципиальную проблему снижения нагрузки на биосферу и восстановления

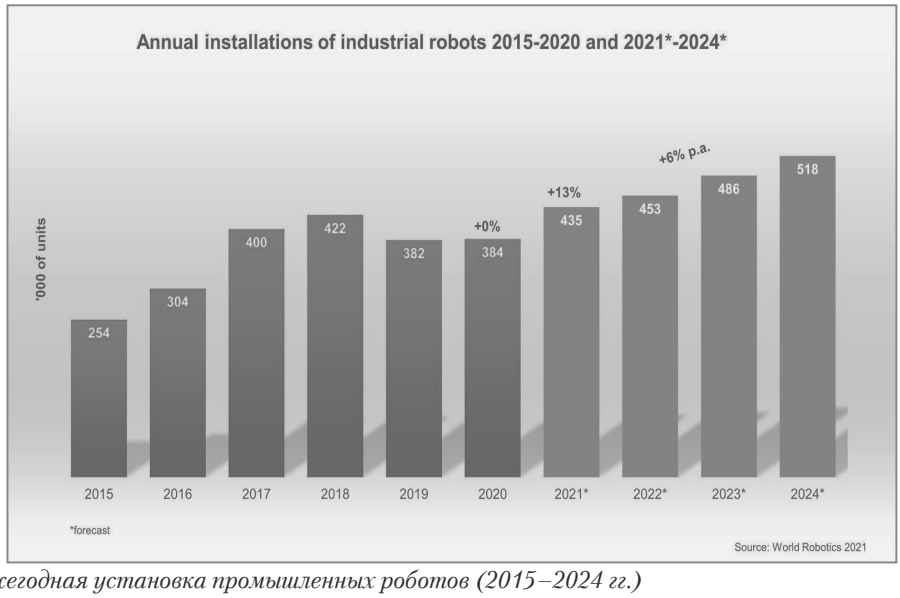


Рисунок 3. *Ежегодная установка промышленных роботов (2015–2024 гг.)*
Примечание. Источник: Отчет World Robotics 2021.

1 Акимов А. В. Промышленная робототехника: мировые экономические тенденции развития. С. 74–80.
2 Петрова А. Каждый третий промышленный робот мира работает теперь в Китае.
3 Новая система производительных сил и страны Востока. С. 77–92.
4 Доклад консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG).

экологического баланса планеты, а также создания устойчивой системы жизнеобеспечения, обеспечивает устойчивое развитие экономики.

В то же время есть основания утверждать, что в современных условиях складывается ситуация, при которой роботизация и автоматизация и инновационно-цифровая революция создают ряд опасностей мировому развитию.

Во-первых, мировое хозяйство по-прежнему остается своеобразным симбиозом различных по уровню зрелости и особенностям общественной организации производительных сил. Так, на высокоразвитые страны Запада приходится 76% прямых иностранных инвестиций, 73% объемов международной торговли, 88% всех регистрируемых в мире патентов, свыше 90% пользователей глобальной сети Интернет[1]. Все это ведет к растущей научной, инновационно-технологической и социально-экономической поляризации между инновационно развитыми и отстающими странами. С началом XXI в. четко углубляющиеся разрывы в инновационном и социально-экономическом развитии государств обозначили тенденцию к обособлению, замыканию в себе стран постиндустриального мира – формированию «клуба» избранных[2], при растущей социально-экономической деградации большинства менее развитых стран, которые могут на долгие годы остаться в доиндустриальной эпохе. Этот вывод подтверждается необходимостью больших усилий и больших финансовых средств на лидерство в технологическом новом укладе. Так, например, Южная Корея стала одним из лидеров пятого технологического уклада, но ей пришлось до 40% своего ВВП тратить на инвестиции/инновации, умеряя потребление[3]. Обобщая международный опыт, выдающийся польский экономист Игнацы Сакс в свое время сформулировал алгоритм вывода экономики страны на траекторию развития: для экономического роста в 10% в год необходимо инвестировать не менее 20% ВВП.

Во-вторых, непропорциональное технологическое развитие с использованием роботов и автоматизированных систем развитых стран мира дало им возможность подавлять большинство глобальных конкурентов. Высокотехнологичные фирмы, расширяя производство с помощью роботизации и автоматизации, тем самым блокируют участие в промышленном производстве не обладающих необходимыми капиталами и технологиями фирм. В последние годы блокировка технического и технологического развития наблюдается уже не только на уровне фирм, но и на уровне стран и регионов. Если производители равные по силе, то формируются олигополистические рынки, и тогда не выдерживают конкуренции производства вне стратегического взаимодействия крупных фирм на основе старых технологий, включающих больший трудовой вклад. Кроме того, глобальные монополии в силу своего положения не заинтересованы в появлении новых сверхпроизводительных технологий у конкурентов и противодействуют этому. В результате промышленность многих стран не имеет возможности развивать целый ряд современных технологий в производстве и формировать эффективные национальные инновационные системы. Так, например, доля России в мировом производстве высокотехнологичной продукции ничтожно мала и не превышает 0,3% (США – 36%, Япония – 30%)[4].

Нельзя не согласиться с выводами ученых, что в этих условиях стала формироваться новая форма колониализма – технологического.

В-третьих, большая опасность повсеместного внедрения робототехники – это появление глобальной безработицы, уровень которой в настоящее время и так высок, особенно среди молодежи.

Кроме промышленности, робототехника активно проникает и в разные секторы сферы услуг. В США разработан и производится робот, готовящий гамбургеры без участия человека. Расходы на его приобретение окупаются менее чем за год[5]. Автоматизированные системы вытесняют брокеров и аналитиков фирм, торгующих на бирже ценными бумагами: за четыре года при значительном росте объемов и интенсивности биржевой торговли на Уолл-стрит число работающих там финансистов сократилось со 150 тыс. чел. примерно до 50 тыс.[6] По оценкам Д. Ачемоглу и Д. Рестрепо, в США внедрение одного дополнительного робота на 1000 занятых приводит к сокращению соотношения занятых и численности населения на 0,2, а зарплат – на 0,37

---

1 Сакович В. А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация. С. 317.

2 Там же. С. 317.

3 Пятенко С. В., Сапрыкина Т. Ю. Россия: уроки кризиса. Как жить дальше? С. 231.

4 Сакович В. А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация. С. 317.

5 Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. С. 31–32.

6 Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке.

процентных пункта[1]. О том, что автоматизация, роботизация, компьютеризация все-таки ведут к вытеснению рабочей силы, говорится и в известном прогнозе К. Фрея и М. Осборна[2], выводы которого используются сегодня многими специалистами и в докладах Мирового банка и МОТ.

В целом доклад 2019 г. о мировом развитии дает неоднозначный ответ: роботизация и автоматизация оборачиваются сокращением занятости, зато инновации обеспечивают ее рост. Приводимые в докладе примеры как будто говорят в пользу сторонников, а не противников автоматизации и роботизации: в Германии, Южной Корее, Сингапуре, несмотря на большую плотность использования роботов, сохраняется высокий уровень занятости; в Европе в целом технологии, заменяющие рутинную работу, способствовали за период с 1999 по 2016 гг. созданию 23 млн. рабочих мест[3]. С другой стороны, признается, что использование роботов, хотя и не приводит в настоящее время к массовым увольнениям, но влечет за собой сокращение найма новых работников. Здесь следует отметить, что данные экспертные оценки по занятости даются на современный период внедрения робототехники и автоматизации, когда их уровень внедрения составляет всего лишь 10 %. Но анализ на более длительную перспективу показывает, что надвигается самая масштабная гуманитарная катастрофа в истории человечества – глобальная безработица. Так, согласно прогнозу McKinsey, к 2030 г. около 400 миллионов человек на планете, или 14 % рабочей силы, потеряют работу из-за того, что их функции станут выполнять программы и роботы. По отдельным прогнозам, мир недалекого будущего это – 50–70 % «лишнего населения». На вопрос, что делать с массой людей, которым не будет места ни в производстве, ни в потреблении, ответа не существует[4].

Сверхзадача новой промышленной революции – это создание искусственного интеллекта, который постепенно становится главным мегатрендом современного развития.

Искусственный интеллект (ИИ) – свойство интеллектуальных систем выполнять творческие, интеллектуальные, когнитивные функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ.

В настоящее время он объединяет нейронные сети, машинное обучение, когнитивные вычисления, обработку естественного языка, компьютерное зрение. Однако четкого исчерпывающего представления, что входит в понятие искусственного интеллекта, нет, так как отсутствуют критерии разумности и соответствия человеческому интеллекту.

Объем мирового рынка искусственного интеллекта в 2021 г. оценивался в 36 млрд. долл. США. По прогнозам, мировая экономика к 2030 г. только за счет развития ИИ привлечет 15,7 трлн. долл. США[5]. Искусственный интеллект к 2030 г. обеспечит 14 % роста мирового ВВП[6].

В 2020 г. объем инвестиций в разработки на основе технологий искусственного интеллекта вырос на 40 % по сравнению с предыдущим годом, достигнув 67,9 млрд. долл. США. Объем мирового рынка программного обеспечения, использующего алгоритмы искусственного интеллекта, в 2021 году достиг 51,5 млрд. долл. США, увеличившись на 21,3 % в сравнении с 2020 г.[7] В 2022 г. рост продолжился (Таблица 2).

Таблица 2. *Прогноз объема мирового рынка программного обеспечения (2021–2022 гг.) (млн. долл. США).*

Segment	2021 Revenue	2021 Growth (%)	2022 Revenue	2022 Growth (%)
Knowledge Management	5,466	17,6	7,189	31,5
Virtual Assistants	6,210	12,0	7,123	14,7
Autonomous Vehicles	5,703	13,7	6,849	20,1
Digital Workplace	3,593	13,7	4,309	20,0
Crowdsourced Data	3,483	13,6	4,171	19,8
Others	27,049	14,1	32,827	21,4
Total	51,503	14,3	62,468	21,3

Примечание. Источник: Отчет компании Gartner, 2021.

1 Global Employment Trends for Youth 2020. Technology and the Future of Jobs. P. 61.
2 Frey C. B., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization.
3 WIR2019 – World Investment Report 2018. Investment and Industrial Policies. Annex Table 20: The Top 100 Non-Financial MNEs from Developing and Transition Economies, Ranked by Foreign Assets, 2019.
4 Что такое индустрия 4.0 и что нужно знать о ней. Аналитический обзор РБК Компании.
5 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы. Аналитический обзор РБК Компании.
6 Индустрия 4.0 в цифрах и фактах. Аналитический обзор РБК Компании.
7 Отчет AI Index 2021 (Стэнфорд ХАИ).

Крупнейшим сегментом рынка аналитики называют виртуальных помощников – расходы на них в глобальном масштабе по итогам 2021 г. составили 6,21 млрд. долл. США (12%), в сегментах для беспилотных автомобилей и цифровых рабочих мест продажи софта составили 5,7 млрд. долл. США и 3,59 млрд. долл. США соответственно (13,7%), в сфере управления – 5,47 млрд. долл. США (17,6%). В ходе проведенного в 2021 г. опроса 48% руководителей предприятий заявили, что уже внедряют технологии искусственного интеллекта и машинного обучения либо планируют сделать это в течение года[1]. К 2025 г. половине организаций в мире удастся достичь той стадии внедрения ИИ, которую в Gartner называют «этапом стабилизации», свидетельствующим о достижении зрелости в данной области. Ведущими государствами по разработке и реализации стратегии развития искусственного интеллекта являются США, Китай, Великобритания, ЕС и Россия.

Искусственный интеллект проникает в жизнь человека так же быстро, как и развивается. Сейчас он практически везде: в обороне (вооруженные роботы, беспилотные аппараты), в бизнесе (автопилоты, автотранспорт, оптимизации маршрута, нейросистемы по доставке продукции), в образовании (изучение языка, переводчик), в культуре (написание картин), возникло понятие «Игровой искусственный интеллект» и др.

Единого ответа на вопрос, чем будет заниматься искусственный интеллект в будущем, не существует. Почти каждый автор, пишущий об ИИ, отталкивается от какого-либо определения, рассматривая его достижения в свете той науки, которую он представляет. Есть вообще радикальные мнения. По мнению американского предпринимателя Илона Маска, человечество уже приближается к ситуации, когда искусственный интеллект будет существенно умнее, чем люди[2]. Стивен Хокинг, один из известных ученых, отмечал, что «появление полноценного искусственного интеллекта может стать концом человеческой расы. Это самое опасное время для нашей планеты»[3]. Некоторые даже прогнозируют, что искусственный интеллект превзойдет интеллект человеческий уже в 2040–2045 гг. В этом случае возникает вопрос антропоцентрического мировоззрения. Человеческий вид, по мнению некоторых ученых, уже не может рассматриваться как самый разумный на земле.

По этому вопросу следует особо подчеркнуть, что в настоящий момент в области искусственного интеллекта наблюдается вовлечение многих предметных областей, имеющих скорее практическое отношение к ИИ, а не фундаментальное. Многие подходы были опробованы, но к возникновению искусственного разума ни одна исследовательская группа пока так и не подошла даже близко. Так что эти предположения пока из области фантастики.

Но искусственный интеллект – это нечто большее, чем мы сегодня можем представить. Несмотря на то, что человечество каждый день пользуется новейшими разработками в этой сфере, никто не может предугадать, как дальше пойдет развитие технологий и на что будет похоже наше будущее в контексте развития технологий искусственного интеллекта.

Безусловно, бурное развитие искусственного интеллекта требует особого философского осмысления с позиции развития будущего всего человечества и того, до какой степени искусственный интеллект может дойти в своем развитии, какие вызовы с его развитием ожидают человечество в будущем.

Таким образом, четвертая промышленная революция, ее мегатренды ведут в настоящее время социально-технологический уклад мира к серьезным изменениям. Массовый переход к производству, основанному на использовании роботов, искусственном интеллекте, генной инженерии, аддитивных технологиях, вызывает свертывание нынешних глобальных производственных цепочек и перемещение производства в страны-потребители. В выигрыше останутся те государства, которые вовремя успеют привлечь необходимые «мозги» и финансы, и вложиться в проекты, обеспечивающие лидерство в инновационно-цифровых технологиях (автоматизации, робототехнике, искусственном интеллекте).

В геоэкономическом и геополитическом плане четвертая промышленная революция показала исчерпание источников роста и отсутствие эффективности капиталистической либеральной модели развития и ярко обнажила необходимость перехода к новой системе общественных отношений. Об этом свидетельствуют формирующиеся в экономической, политической, военной, социальной сферах транснациональные вызовы и угрозы, в том числе:

– мировой экономический кризис, падение эффективности капитала, пандемия COVID-19, трансформировавшаяся в коронавирусную рецессию, снижение экономического роста,

[1] Искусственный интеллект. Обзор TAdviser 2021.
[2] Ринат Таиров. Маск назвал самый опасный для человечества искусственный интеллект (Forbes Staff).
[3] Рори Кехлан-Джонс. Хокинг: Искусственный интеллект – угроза человечеству.

инфляция, разрушение цепей снабжения, производственных сетей, рост цен на энергоносители и продовольствие, снижение доходов домашних хозяйств;

– кризис Бреттон-Вудских финансовых институтов, которые все более удаляются от уставных задач, прописанных при их учреждении, и сегодня своими рекомендациями исправно вгоняют суверенные государства в еще большую зависимость от так называемого «Вашингтонского консенсуса»;

– крушение идеологии однополярного мира, прямо или косвенно «пристегнувшего» к политике продвижения своих интересов страны НАТО, ЕС и ряд других и основных международных организаций. Происходит формирование новых «центров силы»: Китая, Индии, Юго-Восточной Азии, России;

– формирование новых цивилизационных моделей развития на базе существующих военно-политических и технико-экономических блоков НАТО, ЕЭС, AUKUS, ЕАЭС, ШОС, БРИКС;

– происходит разделение мировой экономики на геополитические блоки со своими платежными системами, резервными валютами, стандартами торговли, технологиями, ресурсами;

– Организация Объединенных Наций утратила роль универсальной переговорной площадки, помогающей странам решать мировые проблемы. Эта задача переместилась в многочисленные «форматы», проводимые в различных столицах, которые, впрочем, также не могут выступить примером эффективного решения какой-либо из значимых мировых или региональных проблем;

– активно используются для реализации национальных политических, экономических приоритетов технологии гибридных, информационных, экономических, финансовых, технологических и торговых войн, а также санкционная политика и другие механизмы, дестабилизирующие государства, регионы и континенты;

– международный терроризм бросил вызов всей системе общечеловеческих ценностей, впервые стал вести борьбу за власть;

– все более явной становится неэффективность политической, финансово-экономической и даже политической элиты ведущих стран мира в противодействии глобальной нестабильности, вызовам и угрозам.

Таким образом, мир вступил в глобальный трансформационный период, идет формирование нового мирового порядка, впервые в пятисотлетней истории мировое лидерство перемещается от Запада к странам Юго-Восточной Азии. История показывает, что глобальные трансформации обычно сопровождаются глобальными конфликтами за глобальное лидерство, и, судя по всему, это будет «война» военно-политическая, экономическая, финансовая и информационная, то есть по всем канонам – гибридная война. И начало такого конфликта мы наблюдаем уже в настоящее время.

Заключение

Четвертая промышленная революция, ее глобальные тренды и мегатренды привели мировую систему к дестабилизации одновременно в трех глобальных измерениях: геополитическом, геостратегическом и геоэкономическом. В то же время мировое сообщество при низкой эффективности существующих систем международной безопасности и отсутствия системы регулирования глобальных процессов демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения. Формируемые тенденции затрагивают интересы всех стран и народов мира, создают реальную угрозу мировому развитию и международной безопасности, остаются источниками глобальных угроз. Причем надо понимать – спрятаться от этих перемен никому не удастся. Поэтому фундаментальные изменения в мире ставят каждую страну перед необходимостью комплексно и всесторонне оценить международную обстановку, происходящие глобальные и региональные процессы, выработать адекватную внешнюю и внутреннюю политику, стратегию и тактику национального инновационно-цифрового развития, определить национальные интересы, упредить появление возможных вызовов и угроз, построить эффективную систему обеспечения национальной безопасности.

Список использованных источников

1. Аддитивное производство. Аналитический обзор TAdviser 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/. – Дата доступа: 08.05.2022.

2. Акимов, А. В. Промышленная робототехника: мировые экономические тенденции развития / А. В. Акимов // Станкоинструмент. – 2020. – № 1. – С. 74–80.

3. Бабосов, Е.М. Наука и человекомерность окружающей реальности / Е.М. Бабосов. – Минск: Беларуская навука, 2021. – 301 с.

4. Бегалиев, Е.Н. К вопросу о внедрении технологии радиочастотной идентификации (RFID) как средства противодействия совершению отдельных видов (групп) преступлений / Е.Н. Бегалиев // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2020. – № 2. – С. 191–195.

5. Доклад консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plusworld.ru/daily/tehnologii/rynok-robototehniki-dostignet-160–260-milliardov-dollarov/. – Дата доступа: 05.11.2021.

6. Индустрия 4.0 в цифрах и фактах. Аналитический обзор РБК Компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5daef6429a7947c1bfe43006. – Дата доступа: 10.05.2022 г.

7. Искусственный интеллект. Обзор TAdviser 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php. – Дата доступа: 08.05.2022.

8. Кехлан-Джонс, Р. Хокинг: Искусственный интеллект – угроза человечеству / Р. Кехлан-Джонс. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger. – Дата доступа: 08.05.2022 г.

9. Кристалина Георгиева, директор-распорядитель МВФ. Сталкиваясь с кризисом за кризисом: как мир может реагировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/04/14/sp041422-curtain-raiser-sm2022. – Дата доступа: 08.05.2022.

10. Новая система производительных сил и страны Востока: колл. мон. / Отв. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин, науч. ред. И.В. Дерюгина, Н.Н. Цветкова. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 77–92.

11. Отчет AI Index 2021 (Стэнфорд ХАИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hai.stanford.edu/ai-index-2021. – Дата доступа: 12.05.2022.

12. Петрова, А. Каждый третий промышленный робот мира работает теперь в Китае [Электронный ресурс] / А. Петрова. – Режим доступа: https://hightech.plus/2021/10/29/kazhdii-tretii-promishlennii-robot-mira-rabotaet-teper-v-kitae. – Дата доступа: 08.05.2022 г.

13. Полфри, Дж. «Цифровое поколение» и новые медиа [Электронный ресурс] / Дж. Полфри, У. Гассер. – Режим доступа: http://mediascope.ru/node/838. – Дата доступа: 16.04.2018.

14. Пятенко, С.В. Россия: уроки кризиса. Как жить дальше? / С.В. Пятенко, Т.Ю. Сапрыкина. – СПб.: Питер, 2011. – 320 с.

15. Ринат Таиров. Маск назвал самый опасный для человечества искусственный интеллект (Forbes Staff) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samyy-opasnyy-dlya-chelovechestva-iskusstvennyy-intellekt. – Дата доступа: 08.05.2022.

16. Сакович, В.А. Вызовы и угрозы процессу формирования инновационно-цифровой экономики / В.А. Сакович // Цифровая экономика: современные тенденции и перспективы: сборник статей Межд. заочной научно-практ. конференции. – Минск: МИТСО, 2018. – С. 99–113.

17. Сакович, В.А. Инновационная безопасность как основа национальной безопасности: формирование, эволюция, трансформация / В.А. Сакович. – Кишинев: Институт международных отношений Молдовы, 2017. – 506 с.

18. Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке: коллективная монография / сост., науч. и литератур. ред. С.А. Панарин; Институт востоковедения РАН. – СПб.: Нестор-История, 2021. 452 с.

19. Форд, М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы / М. Форд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – С. 31–32.

20. Цифровизация промышленности. Обзор TAdviser 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/– Дата доступа: 08.05.2022.

21. Что такое индустрия 4.0 и что нужно знать о ней. Аналитический обзор РБК Компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e740c5b9a79470c22dd13e7. – Дата доступа: 08.05.2022 г.

22. 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы. Аналитический обзор РБК Компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ece23569a79479c90f3377b. – Дата доступа: 08.05.2022 г.

23. 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolyutsiya/. – Дата доступа: 19.04.2018 г.

24. Bifulco, F. ICT and Sustainability in Smartcities Management / F. Bifulco, M. Tregua, C. Amitrano, A. D'Auria // International Journal of Public Sector Management. – 2016. – Vol. 29, № 2. – P. 132–147.

25. China rolls out software surveillance for the COVID-19 pandemic, alarming human rights advocates [Electronic resource] // ABCnews. – Mode of access: https://abcnews. go.com/International/china-rolls-software-surveillance-covid-19-pandemic alarming/story?id=70131355. – Date of access: 4.09.2022.

26. Frey, C.B. The Future of Employment: How Susceptible are Jobsto Computerization / C.B. Frey, M. Osborne // Oxford Martin Programme on Technology and Employment Working Paper, September 2013. – 77 p.

27. Global Employment Trends for Youth 2020. Technology and the Future of Jobs. – Geneva: ILO. 2020. – 184 p.

28. Hompel, M. Automatic Identification Technology / M. Hompel, M. Masoudinejad, O. Bousbiba, M. Roid; H. Zijm, M. Klumpp, F. Regattieri, H. Sunderesh (eds.) // Operations, Logistics and Supply Chain Management. – Cham (Switzerland): Springer, 2019. – P. 687–718.

29. Palfrey, J. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives / J. Palfrey, U. Gasser. – N. Y.: Basic Books, 2008. – 288 p.

30. WIR2019 – World Investment Report 2018. Investment and Industrial Policies. Annex Table 20: The Top 100 Non-Financial MNEs from Developing and Transition Economies, Ranked by Foreign Assets, 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables. – Date of access: 7.09.2022.

Дата паступлення ў рэдакцыю 27.09.2022.

УДК 339.924

А. И. Тарасенок
Фэн Минтао

СОПРЯЖЕНИЕ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, МЕХАНИЗМ

Тарасенок Александр Иванович *– профессор кафедры экономики и управления туристической индустрией учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», доктор экономических наук. Сфера научных интересов: геоэкономика, экономика и управление народным хозяйством.*

Фэн Минтао *– магистр экономики, магистр права, аспирант кафедры маркетинга Белорусского национального технического университета. Сфера научных интересов: международная экономическая интеграция, белорусско-китайские отношения.*

В статье рассматриваются сущность, содержание и механизм сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» в новом ракурсе. Сопряжение рассматривается в контексте развития теорий МЭИ и определяется как новый формат МЭИ. Описывается существующая формализация сопряжения в соглашениях между ЕАЭС и Китаем. Обосновывается механизм сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь», в котором акцент сделан на создание институтов, способствующих повышению конкурентоспособности ЕАЭС и Китая в мировой экономике. Предложено создание четырех отраслевых подкомитетов Совместной комиссии ЕАЭС и Китая по сотрудничеству.

Ключевые слова*: международная экономическая интеграция, ЕАЭС, «Пояс и путь», сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь».*

A. I. Tarasionak
Feng Mingtao

Conjunction as a new format of international economic integration in Eurasia: essence, content, mechanism.

The article reveals the essence, content and mechanism of conjunction in the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Chinese "Belt and Road" initiative. Conjunction is considered in the context of the development of International Economic Integration Theories and is defined as a new International Economic Integration format. The existing formalization of conjunction in agreements between the EAEU and China is described. The mechanism of conjunction of the EAEU and the Chinese "Belt and Road" initiative is substantiated, in which the emphasis is placed on the creation of institutions that contribute to increasing the competitiveness of the EAEU and China in the world economy. The creation of four sectoral subcommittees of the Joint Commission of the EAEU and China on cooperation was proposed.

Keywords*: international economic integration, the EAEU, "Belt and Road", the conjunction of the EAEU and the Chinese "Belt and Road" initiative.*

Введение

Международная экономическая интеграция (МЭИ) является одной из основных тенденций современной мировой экономики, проявляющейся в двух взаимодополняющих пространственно-экономических процессах – глобализации и регионализации, формирующих современный рисунок глобальной экономической среды, в которой существуют и функционируют государства и национальные экономики. Теоретические основы МЭИ развивались учеными-экономистами на протяжении нескольких последних десятилетий. Как отмечал Фриц Махлуп[1], впервые понятие «международная экономическая интеграция» на английском языке (International Economic Integration) было использовано Вильгельмом Репке в его монографии «Международная экономическая дезинтеграция» в 1942 г.[2] Однако основной смысл этого понятия как «интеграция мировой экономики» впервые был передан В. Репке в его статье на шведском языке «Упадок мировой экономики и связанные с ним проблемы»[3]. В монографии «Международная экономическая дезинтеграция» В. Репке объясняет мировой экономический кризис 1930-х годов политикой национальных правительств, которые широко использовали сочетание протекционизма и мягкой монетарной политики. По его мнению, МЭИ, включающая рыночный и политический уровни, способна выступить в качестве ведущего фактора развития мировой экономики.

Сущностное содержание МЭИ было детально проанализировано В. В. Обуховским[4]. Раскрывая содержательную сторону дефиниции и анализируя предшествовавшие ему определения, он определил, что МЭИ – это «объективно обусловленный процесс формирования (при активном содействии со стороны государств-участников) глубоких, устойчивых, всесторонних связей между национальными хозяйствами двух или нескольких стран с однотипным социально-экономическим строем, в ходе которого происходит взаимопроникновение и сращивание в той или иной мере национальных процессов воспроизводства, сближение политических, социальных и институциональных структур этих стран»[5].

В результате развития теории МЭИ появились классификации форм интеграции, среди которых наиболее структурированной стала классификация Б. Балассы. В своей работе он выделил 5 стадиальных форм МЭИ[6]:

- зона свободной торговли,
- таможенный союз,
- общий рынок,
- экономический союз,
- стадия тотальной экономической интеграции.

Выделенные формы МЭИ выступают в качестве последовательных стадий углубления интеграции. Более глубокая форма МЭИ отличается от предыдущей повышенной степенью либерализации экономического обмена товарами, ресурсами, информацией в рамках интеграционного объединения.

Одним из таких объединений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Членами ЕАЭС являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Создание ЕАЭС одновременно является результатом современной тенденции регионализации и современным примером классической формы МЭИ в Евразии.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН ЕАЭС ИМЕЕТ ВАЖНЕЙШЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОВЛЕЧЕННЫХ СТОРОН И ТРЕБУЕТ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ИНТЕГРАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА

Важную роль в МЭИ играют инициативы ведущих государств мира, самой крупной из которых является китайская инициатива «Один пояс – один путь» («Пояс и путь»). Эта инициатива открывает новые возможности для евразийской интеграции на основе прагматического подхода со стороны стран ЕАЭС и Китая. Экономическое сотрудничество Китая и стран ЕАЭС имеет важнейшее стратегическое значение для вовлеченных сторон и требует соответствующего интеграционного механизма. Одним из наиболее актуальных и в то же время малоизученных форматов его построения выступает формат

1 Machlup F. A. History of Thought on Economic Integration. P. 109.
2 Röpke W. International Economic Disintegration.
3 Röpke W. Världshushållningens förfall. Och därmed sammanhängande grundfrågor.
4 Обуховский В. В. Теории международной экономической интеграции.
5 Там же.
6 Balassa B. A. Theory of economic integration.

сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Все это определяет научный интерес к его сущности и содержанию.

Сопряжение китайской инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС является предметом исследования многих ученых-экономистов, занимающихся исследованиями МЭИ на Евразийском пространстве. Основными аспектами исследования данной проблемы являются общие вопросы экономического сотрудничества[1], геополитический контекст[2], цепочки добавленной стоимости и совместные проекты[3], проблемы и перспективы кооперации в приоритетных секторах[4], риски интеграции[5] и др. Однако, несмотря на всю палитру исследований сопряжения «Пояса и пути» и ЕАЭС, учеными до настоящего времени не сформулировано научное определение понятия «сопряжение» или «экономическое сопряжение». Четкое понимание и содержательные рамки данного понятия являются основой для научного обоснования механизма конструктивного взаимодействия инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС. Поэтому первой задачей настоящей статьи является научно-теоретическое обоснование понятия и формулировка определения термина «сопряжение» в сфере международной экономической интеграции.

Сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути» происходит независимо от разработанности терминологии, что проявилось в подписании между ЕАЭС и Китаем Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве[6], которое вступило в силу в 2019 г. и обозначило некоторые элементы механизма их взаимодействия. Соглашение официально признает важность сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» как «инструмента создания крепких и стабильных торговых связей в регионе»[7], эффективное использование которого в регулировании торгово-экономических отношений ЕАЭС и Китая подразумевает построение целого механизма, включающего подходы, методы и институты управления. Построению механизма сопряжения посвящены некоторые исследования ученых, которые охватывают отдельные аспекты – политико-правовой[8], геоэкономический[9]. Но ни в одном из них нет четкого определения, описания или методологической схемы механизма сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Структурирование и определение рамок этого механизма также является задачей настоящей статьи.

Основная часть

Сопряжение как понятие МЭИ. Слово «сопряжение» в русском языке можно считать неологизмом, так как в толковом словаре С. И. Ожегова[10] данное слово не рассматривается, а есть прилагательное «сопряженный», которое обозначает «взаимно связанный, непременно сопровождаемый чем-нибудь» и соответствует существительному «сопряженность». В Новом словаре русского языка[11] «сопряжение» толкуется как процесс действия по значению глагола «сопрячь (сопрягать)», который в свою очередь обозначает «соединять вместе, связывать, совмещать». Таким образом, сопряжение – это процесс соединения, связывания и совмещения. Очевидно, что в контексте сосуществования инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС сопряжение представляет собой процесс соединения, связывания и совмещения их элементов в рамках МЭИ.

Инициатива «Пояс и путь» не является одной из классических форм МЭИ, а представляет собой геоэкономическую стратегию Китая, которая направлена на поддержание любых международных проектов (в том числе и интеграционных), предполагающих взаимный выигрыш Китая и партнеров.

---

1 Яковлев А. А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества.
2 Мешкова Т. А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества.
3 Макаров И. А. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России.
4 Conjugation of the Belt and Road Initiative and Eurasian Economic Union: Problems and Development Prospects.
5 Гарбузарова Е. Г. Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: преимущества, риски, достижения.
6 Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны.
7 Там же.
8 Глиттова Я., Торопыгин А. В. Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия.
9 Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка.
10 Ожегов С. И. Словарь русского языка: толковый словарь.
11 Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.

Учитывая то, что понятие «сопряжение» в МЭИ широко стало применяться учеными-экономистами в контексте взаимодействия ЕАЭС и «Пояса и пути» и практически не используется при описании других интеграционных процессов в экономике, его семантический смысл сформировался как концепт, описывающий точки взаимовыгодного соприкосновения двух интеграционных процессов, кардинально различающихся по целям, масштабам, источникам развития и организационным принципам. Исходя из этих семантических ограничений и учитывая лексическое значение слова, можно определить, что сопряжение в международных экономических отношениях – *это сотрудничество неоднородных субъектов и форм международной экономической интеграции, преследующее поиск и реализацию комплекса совместных взаимовыгодных экономических проектов.*

Формализованные стратегические направления сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». В общих положениях Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года[1] инициатива «Пояс и путь» упоминается в контексте развития транспорта и инфраструктуры в пространстве ЕАЭС. Указано, что будет осуществляться «создание и развитие транспортной инфраструктуры на территориях государств-членов в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг», в том числе в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь»[2]. Сопряжение с инициативой «Пояс и путь», в соответствии со Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции, ставится на один уровень с такими процессами, как формирование Большого евразийского партнерства, сотрудничество в рамках СНГ, укрепление взаимодействия в ШОС.

ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ФОРМ МЭИ, А ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ КИТАЯ, КОТОРАЯ НАПРАВЛЕНА НА ПОДДЕРЖАНИЕ ЛЮБЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ (В ТОМ ЧИСЛЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ), ПРЕДПОЛАГАЮЩИХ ВЗАИМНЫЙ ВЫИГРЫШ КИТАЯ И ПАРТНЕРОВ

Сопряжение с инициативой «Пояс и путь» в целях создания и развития транспортной инфраструктуры ЕАЭС обозначено в качестве подцели 7.4.1 Стратегического направления 7 «Выстраивание эффективной системы управления совместными кооперационными проектами и их финансирования, создание и развитие высокопроизводительных, в том числе экспортоориентированных секторов экономики»[3].

Стратегическое направление 11 нацелено на продвижение ЕАЭС в качестве одного из наиболее значимых мировых центров развития. Направлением предусматривается скоординированная работа стран ЕАЭС по вопросам сопряжения экономических интеграционных процессов в рамках идеи Большого Евразийского партнерства. При этом построение Большого Евразийского партнерства видится, в первую очередь, путем сопряжения с инициативой «Пояс и путь», а также укрепления взаимодействия с ШОС, АСЕАН и установления диалога с ЕС. В качестве шагов и механизмов, которые должны быть реализованы до 2025 г., обозначены:

— разработка, согласование всеми членами ЕАЭС и Китаем «дорожной карты» по сопряжению с инициативой «Пояс и путь» и утверждение ее в качестве рабочего плана;

— функционирование Совместной комиссии по сотрудничеству между ЕАЭС и Китаем, предусмотренной Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между ними, создание подкомитетов по отраслевому сотрудничеству и в сфере взаимной торговли;

— реализация повестки отраслевого сотрудничества в рамках Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем;

— создание механизма координации подходов ЕАЭС к сопряжению с инициативой «Пояс и путь», которое воспринято в качестве ключевого элемента Большого Евразийского партнерства;

— ведение банка данных интеграционных проектов отраслевого сотрудничества в рамках сопряжения ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь».

Таким образом, в рамках Стратегических направлений[4] ЕАЭС видит сопряжение с инициативой «Пояс и путь» в области развития транспортно-логистической инфраструктуры путем реализации совместных с Китаем инфраструктурных проектов. Видение других

[1] О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

направлений сопряжения пока еще только формируется и отражено в виде повестки отраслевого сотрудничества с Китаем.

Когнитивная проблема сопряжения: взгляд из Китая. В Китае ЕАЭС в основном воспринимается как экономико-политический проект России. Проблема ограниченного восприятия инициативы «Пояс и путь» со стороны ЕАЭС, по мнению китайских исследователей, является когнитивной и имеет ключевое значение для эффективного построения механизма сопряжения, который в Китае получил условное название «Пояс и Союз»[1]. Причиной проблемы, по мнению китайских ученых, является асимметрия инициатив Китая («Пояс и путь») и России (ЕАЭС), для которых ключевым регионом является Центральная Азия. Поэтому в Китае осознают, что Россия воспринимает китайскую инициативу как угрозу своему проекту (ЕАЭС) как в плане углубления интеграции с Казахстаном и Кыргызстаном, так и в плане расширения за счет новых членов (Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана), для которых «Пояс и путь» может стать если не альтернативой, то фактором, отодвигающим необходимость интеграции в ЕАЭС на неопределенный срок в будущем. Цзяо Ицян объясняет эту проблему на основе теории неолиберального институционализма Роберта Кеохейна и Джозефа Найя, указывая на то, что в асимметричных отношениях сильные и слабые стороны воспринимают их по-разному[2]. Разница в силе ведет к различиям в чувствительности, акцентах и перспективах, что может привести к асимметричным ошибочным представлениям и ухудшить отношения. В частности, настороженное восприятие Россией «Пояса и пути» проистекает из-за ее большей чувствительности, чем чувствительность Китая к ЕАЭС. Формирование консенсуса сопряжения между Китаем и Россией по принципу «Пояс и Союз» является результатом взаимной зависимости, стратегического взаимодействия и координации политики между двумя сторонами.

Когнитивные расхождения проявляются на нескольких уровнях:

— академический. Сопряжение понимается с китайской стороны как интеграция, а с российской – нахождение точек сотрудничества. Основой такого понимания является перевод соответствующих терминов с китайского на русский и наоборот;

— исторический. Причины происхождения ЕАЭС и «Пояса и пути» совершенно разные. ЕАЭС – это международная организация, «Пояс и путь» – стратегическая инициатива. ЕАЭС создает механизмы, «Пояс и путь» концентрируется на проектах;

— политический. «Пояс и путь» воспринимается значительной частью общества Центральной Азии как геополитический проект Китая. Китай видит политический аспект только в виде консультаций на правительственном уровне и принятии совместных решений с обоюдным выигрышем.

Самая большая практическая проблема, которая мешает «Поясу и Союзу», состоит в том, чтобы сформулировать подробные планы реализации сопряжения двух крупных проектов, а также провести конструктивные переговоры и решить ряд конкретных вопросов, таких как технические стандарты, транспортное обеспечение, механизмы взаимной защиты инвестиций.

Построение механизма сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь» может происходить эффективно, если обе стороны будут заинтересованы в выстраивании взаимовыгодных направлений сотрудничества. Определение взаимовыгодных точек сопряжения опирается на сравнительную оценку конкурентоспособности ЕАЭС и Китая, которая позволяет выявить их преимущества относительно друг друга. Идея взаимовыгодного сотрудничества заключатся в том, что та сторона, которая обладает конкурентным преимуществом, может выступить в качестве донора для другой стороны, у которой это преимущество не развито.

Сравнительная оценка ЕАЭС и Китая на основе анализа Глобального индекса конкурентоспособности (GCI) позволила выявить, что разрыв между ними по ряду конкурентных преимуществ весьма существенен, что создает соответствующие потенциалы для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества по целому ряду направлений[3]. Цель этого сотрудничества – обоюдное повышение конкурентоспособности ЕАЭС и Китая в структуре мировой экономики через развитие МЭИ. Анализ показал, что сферы сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» охватывают следующий перечень подиндексов GCI[4]:

---

1 焦一强. 由认知分歧到合作共识 // 当代亚太.

2 Там же.

3 Фэн Минтао. Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь» для повышения конкурентоспособности ЕАЭС и Китая.

4 Там же.

— социальный (человеческий) капитал;
— эффективность хозяйственного права и судов;
— стабильность стандартов учета и аудита;
— предотвращение конфликта интересов;
— стратегии правительства;
— плотность железных дорог;
— эффективность портов;
— интенсивность подготовки персонала;
— качество профессионального обучения;
— навыки выпускников учебных заведений;
— доступ работодателей к квалифицированным кадрам;
— критическое мышление в обучении;
— влияние налоговой политики и субсидий на развитие конкуренции;
— количество и сила нетарифных барьеров;
— сложность процедур найма и увольнений;
— справедливость трудовых отношений;
— простота найма иностранных работников;
— профессиональное управление предприятиями;
— механизмы зависимости зарплаты и производительности;
— устойчивость финансовой системы и банков;
— процедуры и их применение в области определения неплатежеспособности;
— склонность субъектов к предпринимательскому риску;
— распространенность практики делегирования полномочий;
— стимулирование инновационных компаний;
— международные совместные изобретения;
— многосторонняя кооперация предприятий.

Таким образом, механизм сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» может развиваться и повышать свою эффективность, если со стороны Китая и ЕАЭС будет стимулироваться выравнивание институциональных условий в областях формирования трудовых ресурсов, регулирования хозяйственных отношений, инвестиционной и инновационной деятельности.

Проведенный нами анализ существующих каналов сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», которые выстроены институционально, позволил раскрыть содержательную часть имеющихся и требуемых институтов[1]. Анализ каналов сопряжения, которые выстраиваются при помощи их институционализации посредством торгово-экономического соглашения между ЕАЭС и Китаем, показывает, что наибольший прогресс достигнут в области международной торговли товарами. В меньшей степени прогресс достигнут по таким каналам сопряжения, как защита интеллектуальной собственности, честная конкуренция, государственные закупки, свобода торговли услугами, доступ к международным финансам. Вызовом для развития сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» является то, что сотрудничество стран ЕАЭС и Китая в рамках инициативы все больше интенсифицируется на двухсторонней основе. Соответственно, для построения эффективного механизма сопряжения необходима более скоординированная деятельность управляющих органов ЕАЭС, которая позволила бы параллельно углублять экономическую интеграцию между странами ЕАЭС, увязывая ее с выгодой от сотрудничества с Китаем в рамках отдельных проектов «Пояса и пути». Для этого необходимо более активное участие ЕАЭС как субъекта правовых отношений в ключевых проектах, инициированных Китаем как на территории единого экономического пространства ЕАЭС, так и на территории Китая.

Таким образом, опираясь на понимание трех основных положений построения механизма сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», можно построить его модель. Три основных положения этого механизма включают понимание:
— процесса сопряжения как определенного нами нового формата МЭИ;
— когнитивной проблемы сопряжения, которая является причиной сдерживания развития институтов из-за опасений китайского доминирования в интеграционных процессах;
— рациональных путей выстраивания сопряжения по пути взаимного сотрудничества ЕАЭС и Китая с целью повышения конкурентоспособности обеих сторон в мировой экономике.

[1] Фэн Минтао. Построение механизма сопряжения китайской инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза.

Модель механизма сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь» представлена на рисунке 1 и включает следующие взаимосвязанные элементы:
1. Цель механизма – выстроить такие каналы сотрудничества ЕАЭС и Китая в рамках инициативы «Пояс и путь», которые будут повышать конкурентоспособность экономик обеих сторон.
2. Субъект построения механизма – Совместная комиссия по сотрудничеству между ЕАЭС и Китаем в рамках Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве.
3. Объект реализации механизма – институты совершенствования инновационного развития, инвестиционной деятельности, рынка труда, хозяйственного права и судопроизводства.
4. Главный подход к созданию институтов построения механизма – усиление сотрудничества сторон по взаимно приоритетным компонентам конкурентоспособности.
5. Новые органы реализации механизма – подкомитеты Совместной комиссии в четырех основных сферах (инновации, инвестиции, финансы, логистика), требующих создания соответствующих институтов.

Построение данного механизма возможно в рамках развития уже существующих соглашений между ЕАЭС и Китаем. Реализация главного подхода по усилению сотрудничества сторон по взаимно приоритетным компонентам конкурентоспособности должно опираться на повестку отраслевого сотрудничества в рамках Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем[1]. Данная повестка предусматривает взаимодействие для его взаимовыгодного развития, содействие устойчивому развитию, инновационной деятельности и инвестиционной привлекательности, повышение конкурентоспособности экономик.

Сферами отраслевого сотрудничества Соглашением обозначены сельское хозяйство, промышленность, энергетика, транспорт, финансы, информационно-коммуникационная инфраструктура, технологии и инновации, окружающая среда. В качестве ведущих принципов сотрудничества выступают равноправие, взаимовыгодность, недискриминация, добросовестная конкуренция, транспарентность и учет взаимных национальных интересов[2], которые автоматически ложатся в основу механизма сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Важными институтами механизма сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» станут подкомитеты Совместной комиссии по сотрудничеству между ЕАЭС и Китаем и, при необходимости, так называемые ad hoc (специальные) рабочие группы, создание которых соответствует нормам Соглашения.

В первую очередь целесообразно создать подкомитет по развитию совместных производств инновационной, высокотехнологичной, экспортоориентированной продукции, на который ляжет решение комплекса проблем:
— транспарентности и справедливости правовых отношений субъектов хозяйствования (эффективность права в решении споров, единообразное применение стандартов аудита и учета, предупреждение конфликта интересов, твердость долгосрочных намерений правительств);
— распространенности нетарифных барьеров;
— укрепления потенциала и гибкости трудового рынка (улучшение практики найма и увольнения, регулирования трудовых отношений, доступ к иностранной рабочей силе, распространение рыночных механизмов формирования зарплаты, улучшение корпоративного управления);
— регулирования предпринимательских рисков и делегирования полномочий;
— упрощения производственной кооперации больших и малых предприятий разных отраслей.

Вторым целесообразно создать подкомитет по взаимодействию в НИОКР и промышленных инновациях. В первую очередь подкомитету предстоит решить задачи, связанные с формированием необходимого интеллектуального потенциала. В комплексе они касаются улучшения социального капитала, компетенций выпускников и персонала. Без них сложно добиться широкого появления компаний с инновационными идеями и высокого уровня изобретений. Сопряжение ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» способно сформировать условия, или синергетический ландшафт, для повышения конкурентоспособности ЕАЭС и Китая в этом направлении. Создание данного подкомитета позволит тесно сотрудничать ЕАЭС с Китаем в области актуальнейшей проблемы финансирования НИОКР, которую Китай успешно решает.

Третий перспективный подкомитет, который целесообразно создать,– это подкомитет по сотрудничеству в финансовой сфере. Деятельность подкомитета по сотрудничеству

[1] Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны.
[2] Там же.

в финансовой сфере с точки зрения повышения конкурентоспособности ЕАЭС и Китая должна быть направлена на решение проблем искажающего влияния налогов и субсидий на конкуренцию, устойчивости банков и методологии определения неплатежеспособности. Конечно же, в рамках сопряжения данный подкомитет станет площадкой для обмена опытом Китая в сферах внутреннего кредитования частного сектора и капитализации рынка, а также опытом ЕАЭС в вопросах транспарентности государственного бюджета.

Остальные направления отраслевого сотрудничества (развитие транспортных коридоров, развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, продвижение охраны окружающей среды и стратегии «зеленого роста») охватывают первичные (базовые) стратегические посылы инициативы «Пояс и путь» – развитие транспортных коридоров, коммуникации, зеленый рост. Целесообразно, чтобы все эти отраслевые направления были сконцентрированы в отдельном подкомитете по развитию транспортно-коммуникационных коридоров. Именно здесь будут сконцентрированы инфраструктурные проекты, которые на территории ЕАЭС должны быть увязаны с национальными требованиями охраны окружающей среды, которые жестче, чем в Китае. Конечно же, здесь нужно полное взаимопонимание между ЕАЭС и Китаем, поэтому данный подкомитет не только сможет согласовывать планы и курировать реализацию инфраструктурных проектов, но и на начальных стадиях учитывать экологический фактор, который может вносить серьезные коррективы как в стоимость проектов, так и в сроки их реализации. Что еще важнее, инфраструктурные проекты должны способствовать устойчивому развитию регионов в Евразии, поэтому роль подкомитета с объединенными направлениями переоценить трудно.

Заключение

МЭИ является объектом специального исследования на протяжении около 80 лет. Развитие теорий МЭИ привело к выстраиванию системы, в которой экономическая интеграция стран рассматривается как неотъемлемая часть успешного развития национальных экономик. Признано, что развитие МЭИ происходит, как правило, поэтапно от зоны свободной торговли к созданию наднациональных органов экономической интеграции. В XXI веке традиционные формы интеграции стали дополняться новыми, иногда альтернативными форматами, одним из которых является экономическое сопряжение. Именно о сопряжении говорят экономисты, когда анализируют интеграционные процессы между ЕАЭС и китайской инициативой «Пояс и путь». Анализ содержания этого понятия позволил определить, что сопряжение – это сотрудничество неоднородных субъектов и форм международной экономической интеграции, преследующее поиск и реализацию комплекса совместных взаимовыгодных экономических

Рисунок 1. *Модель механизма сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь»*
Примечание. Источник: собственная разработка авторов.

проектов. Сопряжение ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» в некоторой степени предусматривается соглашениями между ЕАЭС и Китаем. Однако развитие глубоких процессов сопряжения сдерживается когнитивной проблемой осторожной интеграции из-за асимметрии участников этого процесса. Преодоление данной проблемы видится в поиске взаимовыгодных точек сопряжения, которые просматриваются, если анализировать конкурентоспособность ЕАЭС и Китая и искать те преимущества обеих сторон, обмен которыми приведет к повышению их конкурентоспособности. Поэтому построение механизма сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь» как нового формата МЭИ должно быть направлено на создание эффективных институтов в областях взаимного интереса – инвестиций, инноваций, финансов, транспортно-логистических коммуникаций. На практике это означает создание соответствующих специализированных подкомитетов Совместной комиссии ЕАЭС и Китая по сотрудничеству.

Список использованных источников

1. *Гарбузарова, Е.Г. Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: преимущества, риски, достижения / Е.Г. Гарбузарова // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – № 6. – С. 8–15.*
2. *Глиттова, Я. Политико-правовые основы сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: процесс формирования и перспективы взаимодействия / Я. Глиттова, А.В. Торопыгин // Управленческое консультирование. – 2018. – № 12. – С. 33–47.*
3. *Ефременко, Д.В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка / Д.В. Ефременко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – Т. 23. – С. 29–41.*
4. *Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 912 с.*
5. *Макаров, И.А. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России / И.А. Макаров, А.К. Соколова // Вестник международных организаций. – 2016. – № 4. – С. 40–57.*
6. *Мешкова, Т.А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина, Ю.К. Кофнер // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – № 4. – С. 7–33.*
7. *О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 / Евразийская экономическая комиссия. – ЕЭК, 2020. – 61 с.*
8. *Обуховский, В.В. Теории международной экономической интеграции / В.В. Обуховский // Экономика XXI века. – 2007. – № 1. – С. 27–46.*
9. *Ожегов, С.И. Словарь русского языка: толковый словарь / С.И. Ожегов; ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Русский язык, 1977. – 846 с.*
10. *Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – 2018. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/*
11. *Фэн, Минтао. Сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь» для повышения конкурентоспособности ЕАЭС и Китая / Минтао Фэн // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2021. – Том. 11, № 3. – С. 6–15.*
12. *Фэн, Минтао. Построение механизма сопряжения китайской инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза / Минтао Фэн // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков: материалы Международной научно-практической конференции; Ижевск, 27 мая 2021 г. / Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ижевск: Ижевский институт (филиал) ВГУЮ, 2021. – С. 862–868.*
13. *Яковлев, А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества / А.А. Яковлев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 1. – С. 204–211.*
14. *Balassa, B.A. Theory of economic integration / Bela Balassa. – Homewood, Ill., R.D. Irwin, 1961. – 304 p.*
15. *Conjugation of the Belt and Road Initiative and Eurasian Economic Union: Problems and Development Prospects / E. Mekhdiev, I. Pashkovskaya, E. Takmakova, O. Smirnova, Kh. Sadykova and S. Poltorykhina // Economies. – 2019. – № 7. – P. 1–15.*
16. *Machlup, F.A. History of Thought on Economic Integration / F.A. Machlup. – NY: Columbia University Press, 1977. – 323 p.*
17. *17. Röpke, W. International Economic Disintegration / W. Röpke. – London, Edinburgh, Glasgow: William Hodge and Company, 1942. – 283 p.*
18. *18. Röpke, W. Världshushållningens förfall. Och därmed sammanhängande grundfrågor / W. Röpke // Ekonomisk Tidskrift. – 1939. – Vol. 41, no. 1. – P. 11–29.*
19. 焦一强. 由认知分歧到合作共识 // 当代亚太.– *2018.– 4 .– 51–85 . Jiao Yiqiang, 'You Ren Zhi Fenqi Dao Hezuo Gongshi' [From Cognitive Differences to Cooperation Consensus: Research on "One Belt – One Union" Cooperation, and Asymmetric Mutual Interdependence] // Dangdai Yatai [Contemporary Asia Pacific]. – 2018. – Vol. 4. – P. 51–85. – Цзяо Ицян. От когнитивного расхождения к совместному консенсусу: исследование сопряжения и сотрудничества Китая и России «Один пояс, один союз» на основе перспективы асимметричной взаимозависимости // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2018. – № 4. – С. 51–85.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 27.09.2022.

УДК 338. 242

З. Н. Тарасенок

ОБОСНОВАНИЕ ГОРИЗОНТОВ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тарасенок Зоя Николаевна *– магистр экономики, аспирант кафедры маркетинга учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет». Сфера научных интересов: устойчивое развитие, инновации в экономике и маркетинге.*

В статье рассматриваются вопросы обоснования горизонтов инновационного развития Республики Беларусь исходя из глобального инновационного рейтинга. Кратко описано сущностное содержание целей Государственной инновационной программы Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Проанализирован рейтинг Республики Беларусь по Глобальному инновационному индексу (ГИИ) и его субиндексам и подиндексам. В соответствии с целью государственной программы предложены измеримые горизонты инновационной стратегии Республики Беларусь. Определены величины субиндексов и подиндексов ГИИ, характеризующие приемлемый для Республики Беларусь уровень инновационного развития не ниже стран-соседей.

Ключевые слова*: инновационное развитие, Глобальный инновационный индекс, индикаторы инновационной политики, Республика Беларусь.*

Z.N. Tarasionak

Substantiation of horizons of the innovation strategy of the republic of belarus

The article reveals the issues of substantiating the horizons of the innovative development of the Republic of Belarus based on the Global innovation rating. The essential content of the goals of the State Innovation Program of the Republic of Belarus for 2021–2025 is briefly described. The ranking of the Republic of Belarus on the Global Innovation Index (GII) and its sub-indices of levels 1 and 2 have been analyzed. In accordance with the goal of the state program, measurable horizons of the innovation strategy of the Republic of Belarus are proposed. The level of sub-indices characterizing an acceptable level of innovative development for the Republic of Belarus, which is not lower than the neighboring countries of the GII are determined.

Keywords*: innovative development, Global Innovation Index, innovation policy indicators, Republic of Belarus.*

Введение

Социально-экономическая политика любого развитого государства отводит инновационной деятельности ключевую роль. Экономика постиндустриального типа предполагает эффективное функционирование любой экономической системы (организации, отрасли, региона, государства и т.п.), а также ее способность к развитию, восприимчивость к инновациям, умение адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды. Правительства подавляющего большинства государств мира уделяют инновационному развитию первостепенное внимание, так как внедрение инноваций позволяет повысить не только конкурентоспособность отечественных продуктов, но и имидж государства в целом. Эконометрический анализ массива показателей стран мира показал взаимосвязь инновационного

развития и ВВП на душу населения и выявил тесную статистическую зависимость благосостояния государств от инновационной среды[1]: чем выше уровень инновационного развития, тем больше ВВП на душу населения.

В Республике Беларусь инновационное развитие осуществляется на основе соответствующей Государственной программы.

Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы[2] была утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы»[3]. Она была разработана в соответствии со статьей 16 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»[4] и с учетом положений:

– Указа Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы»[5];

– Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-XII «Об основах государственной научно-технической политики»[6];

– Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь»[7].

– Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы (Государственная программа) направлена на достижение приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы в области эффективных инвестиций и ускоренного развития инновационных секторов экономики и является основным документом, обеспечивающим реализацию важнейших направлений государственной инновационной политики.

Стратегия инновационной политики на 2021–2025 годы, предусмотренная Государственной программой, заключается в выполнении инновационных проектов, сочетающих развитие собственного научно-технологического потенциала, продвижение отечественных технологий на мировой рынок и трансфер новых зарубежных технологий. Реализация стратегии предусматривает стимулирование разработок технологий, товаров и услуг, соответствующих V и VI технологическим укладам[8].

Целью Государственной программы является достижение Республикой Беларусь уровня инновационного развития стран – лидеров в регионе Восточной Европы на основе реализации интеллектуального потенциала белорусской нации.

Для ее достижения предполагается решение следующих задач:

– формирование лучших в регионе Восточной Европы условий осуществления и стимулирования научно-технической и инновационной деятельности на основе имплементации передовых мировых практик;

– обеспечение инновационного развития традиционных отраслей национальной экономики на уровне Европейского союза на основе повышения наукоемкости производства;

– создание новых и ускорение развития существующих наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики;

– расширение присутствия и закрепление позиций Республики Беларусь на мировых рынках наукоемкой и высокотехнологичной продукции[9].

– В соответствии с Государственной программой необходимо сконцентрировать усилия на следующих направлениях:

– цифровые информационно-коммуникационные и междисциплинарные технологии, основанные на них производства;

– биологические, медицинские, фармацевтические и химические технологии и производства;

– энергетика, строительство, экология и рациональное природопользование;

– машиностроение, машиностроительные технологии, приборостроение и инновационные материалы;

– агропромышленные и продовольственные технологии;

---

1 Акулич И. Л., Тарасенок З. Н. Инновационное развитие Республики Беларусь.
2 Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы.
3 О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы.
4 О государственной инновационной политике и инновационной деятельности.
5 О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы.
6 Об основах государственной научно-технической политики.
7 О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь.
8 Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы.
9 Там же.

– обеспечение безопасности человека, общества и государства[1].

По каждому из направлений предусмотрен широкий перечень мероприятий, более детально раскрывающих суть данных направлений.

В Государственной программе отмечено значение инновационной системы как механизма взаимодействия между наукой и реальным сектором экономики. Стратегическая цель развития национальной инновационной системы заключается в создании фундамента общества знаний и интеллектуальной экономики посредством осуществления ее научно-технологической трансформации с поэтапным переходом к высшим технологическим укладам.

Основная часть

По рейтингу Глобального инновационного индекса (ГИИ) в 2021 году Республика Беларусь заняла 62-е место среди 132 стран и территорий мира со значением индекса 32,6 балла. По сравнению с 2020 годом Республика Беларусь улучшила свою позицию, поднявшись выше в рейтинге на 2 места. Страны-соседи Беларуси продемонстрировали более высокие результаты: Латвия занимает 38-е место (ГИИ равен 40,0), Литва – 39-е место (39,9), Польша – 40-е место (39,9), Россия – 45-е место (36,6), Украина – 49-е место (35,6). Среди стран ЕАЭС Беларусь уступает только России и превосходит Армению, Казахстан и Кыргызстан. Позитивный тренд по улучшению позиции Республики Беларусь в рейтинге ГИИ наблюдается на протяжении нескольких последних лет: в 2018 году страна была на 86-м месте, в 2019 году – на 72-м, в 2020 году – на 64-м, в 2021 – на 62-м месте. Беларусь имеет более высокие значения ГИИ по сравнению со средним значением индекса стран с доходом выше среднего, однако значительно отстает от стран с высоким доходом.

В 2021 году Республика Беларусь вошла в двадцатку стран-лидеров по 10 индикаторам ГИИ: «Создание мобильных приложений» (1-е место); «Доля женщин со степенью магистра и выше в общей численности трудоустроенного населения» (1-е место); «Сертификаты качества ISO 9001» (3-е место); «Государственные расходы на 1 учащегося в рамках среднего образования» (5-е место); «Выпускники по точным и инженерным наукам» (11-е место); «Экспорт услуг информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)» (11-е место); «Охват населения высшим образованием» (12-е место); «Доступ к ИКТ» (16-е место); «Заявки на патенты полезных моделей по происхождению» (16-е место); «Соотношение учеников и учителей в сфере среднего образования» (17-е место).

При сравнении результатов 2020 и 2021 годов для Республики Беларусь успешными стали такие компоненты ГИИ, как «Человеческие капитал и исследования», «Инфраструктура», «Результаты в области знаний и технологий», по которым страна превышает средние значения стран с доходом выше среднего и стран ЕАЭС. Также по подиндексу «Уровень развития бизнеса» Беларусь превышает среднее значение для стран ЕАЭС.

Вместе с тем Республика Беларусь ухудшила свой рейтинг на 5 и более ступеней по сравнению с результатами прошлых лет по следующим индикаторам: «Рост производительности труда» (38-е место); «Правительственное онлайн-обслуживание» (65-е место); «Венчурные инвесторы» (86-е место); «Ежегодные правки в Wikipedia» (49-е место); «Сделки по созданию совместных предпринимательских и стратегических партнерств» (111-е место); «Электронное участие общества» (57-е место); «Научно-технические публикации» (102-е место); «Средневзвешенная применяемая тарифная ставка» (60-е место); «Политическая и операционная стабильность» (106-е место).

Проведенный нами ранее сравнительный анализ компонентов инновационного развития Республики Беларусь со странами-соседями[2] позволил выделить сектора инновационного развития, в которых наблюдается отставание, и те, по которым отмечается превосходство.

В целях определения стратегических направлений дальнейшего инновационного развития Республики Беларусь целесообразным видится выделение в качестве приоритетных тех, которые позволят снивелировать отставание нашей страны от стран-соседей и выровнять наши позиции в регионе ближайшего окружения.

С учетом того, что Республика Беларусь в целом отстает от всех стран-соседей по интегральному индексу инноваций, в качестве критериев определения стратегических горизонтов инновационного развития предлагаются:

— достижение уровня не ниже среднего стран-соседей по всем 21 позициям;

---

[1] Там же.

[2] Акулич И. Л., Тарасенок З. Н. Инновационное развитие Республики Беларусь.

Таблица 2. *Инновационное развитие национальных экономик по Глобальному инновационному индексу 2021 года.*

	Структурные блоки показателей Глобального инновационного индекса	Беларусь	Россия	Украина	Польша	Литва	Латвия
1	Политическая среда	50,1	57,4	46,0	68,3	77,2	77,5
2	Нормативно-правовая база	50,2	55,7	61,3	71,5	81,9	82,1
3	Бизнес-среда	73,2	76,1	61,2	79,7	70,0	77,0
4	Образование	63,2	57,6	61,3	57,0	52,4	57,6
5	Высшее образование	54,0	50,8	42,8	35,1	43,4	43,5
6	Исследования и разработки (НИОКР)	9,1	35,2	10,4	34,7	20,2	12,0
7	Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ)	77,1	78,5	64,9	82,7	77,8	66,5
8	Общая инфраструктура	26,6	29,0	12,8	31,0	20,0	25,8
9	Экологическая устойчивость	26,5	19,9	19,2	36,5	51,9	42,9
10	Кредитование	24,1	40,1	34,3	38,3	42,2	48,8
11	Инвестирование	20,6	19,8	17,9	20,8	44,6	32,5
12	Торговля, конкуренция и масштаб рынка	74,7	83,9	74,8	85,7	74,4	69,0
13	Работники умственного труда	47,7	38,2	38,9	45,1	44,2	44,7
14	Инновационные связующие каналы	5,3	17,7	18,0	20,0	26,3	27,4
15	Поглощение знаний	20,2	39,5	29,7	37,4	24,1	30,1
16	Создание знаний	16,9	35,8	35,7	27,2	19,4	16,4
17	Влияние знаний	43,6	28,6	31,4	35,3	33,3	33,7
18	Распространение знаний	30,3	15,6	29,8	29,3	24,9	33,4
19	Нематериальные активы	9,8	35,6	45,0	29,5	31,3	29,9
20	Креативные товары и услуги	6,0	9,7	7,0	29,4	19,2	42,7
21	Онлайн-креативность	42,6	24,8	26,4	30,1	52,6	32,8

Примечание. Источник: Global Innovation Index 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis.

— стремление к максимальным показателям региона (Республика Беларусь и страны-соседи);
— сохранение уже существующего регионального лидерства по отдельным позициям.

Расчет средних показателей инновационного развития, а также выделение максимальных значений по 21 структурной позиции индекса для стран-соседей в сочетании с закреплением имеющегося лидерства Республики Беларусь по отдельным из них (таблица 2) являются основой для построения сценариев инновационного развития.

Горизонты для трех моделируемых сценариев на основе средних и максимальных показателей, а также их сочетания показаны на рисунке 1.

Первый (I) сценарий предполагает достижение Республикой Беларусь среднего уровня стран-соседей по всем без исключения позициям. Отставание наблюдалось в таких областях, как нормативно-правовая база, исследования и разработки (НИОКР), экологическая устойчивость, кредитование, инвестирование, инновационные связующие каналы, поглощение знаний, создание знаний, нематериальные активы, креативные товары и услуги. Данный сценарий подразумевает не только улучшение позиций страны по большинству направлений, но и не исключает снижения рейтинга по имеющимся лидирующим позициям (образование, высшее образование, работники умственного труда, влияние знаний, распространение знаний).

Второй (II) сценарий ориентирован на достижение имеющихся максимальных позиций, которые занимают страны региона в глобальном рейтинге инновационного развития. В соответствии с данным сценарием необходимо достигнуть уровня стран-соседей по их лидирующим в регионе позициям, при этом сохраняя собственные максимальные позиции:
– Россия: исследования и разработки (НИОКР); создание знаний; поглощение знаний;

Таблица 2. *Расчетные горизонты стратегических сценариев инновационного развития Республики Беларусь с ориентацией на страны-соседи.*

		I сценарий	II сценарий	III сценарий
	Структурные блоки показателей Глобального инновационного индекса	Среднее (страны-соседи)	Максимальное (Беларусь и страны-соседи)	Среднее стран-соседей (если выше показателя Беларуси) и фактическое Беларуси (если выше среднего стран-соседей)
1	Политическая среда	65,28	77,5	65,28
2	Нормативно-правовая база	70,5	82,1	70,5
3	Бизнес-среда	72,8	79,7	73,2
4	Образование	57,18	63,2	63,2
5	Высшее образование	43,12	54	54
6	НИОКР	22,5	35,2	22,5
7	ИКТ	74,08	82,7	77,1
8	Общая инфраструктура	23,72	31	26,6
9	Экологическая устойчивость	34,08	51,9	34,08
10	Кредитование	40,74	48,8	40,74
11	Инвестирование	27,12	44,6	27,12
12	Торговля, конкуренция и масштаб рынка	77,56	85,7	77,56
13	Работники умственного труда	42,22	47,7	47,7
14	Инновационные связующие каналы	21,88	27,4	21,88
15	Поглощение знаний	32,16	39,5	32,16
16	Создание знаний	26,9	35,8	26,9
17	Влияние знаний	32,46	43,6	43,6
18	Распространение знаний	26,6	33,4	30,3
19	Нематериальные активы	34,26	45	34,26
20	Креативные товары и услуги	21,6	42,7	21,6
21	Онлайн-креативность	33,34	52,6	42,6

Примечание. Источник: собственная разработка на основе: Global Innovation Index 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis.

– Польша: бизнес-среда; информационные и коммуникационные технологии (ИКТ); общая инфраструктура; торговля, конкуренция и масштаб рынка;
– Латвия: нормативно-правовая база, кредитование, инновационные связующие каналы, распространение знаний, креативные товары и услуги;
– Литва: экологическая устойчивость, инвестирование, онлайн-креативность;
– Украина: нематериальные активы.

Республике Беларусь, согласно данному сценарию, необходимо принимать меры по сохранению собственных лидирующих позиций в таких блоках ГИИ, как: образование, высшее образование, работники умственного труда, влияние знаний.

Сценарий II показывает гипотетически максимальный инновационный профиль, как если бы одна страна из региона достигла максимально возможного результата по всем 21 позициям. Очевидно, что данный профиль отражает идеальную для региона модель инновационного развития страны.

Третий (III) сценарий предусматривает ориентацию на средний уровень инновационного развития стран-соседей по позициям, где отмечается отставание Республики Беларусь, с одновременным удержанием существующих лидерских позиций по отдельным направлениям (образование, высшее образование, влияние знаний, работники умственного труда). В Беларуси проблемными выглядят индикаторы, имеющие значение ниже среднерегиональных: нормативно-правовая база, исследования и разработки (НИОКР), экологическая устойчивость, кредитование, инвестирование, инновационные связующие каналы, поглощение знаний, создание знаний, нематериальные активы, креативные товары и услуги. Согласно

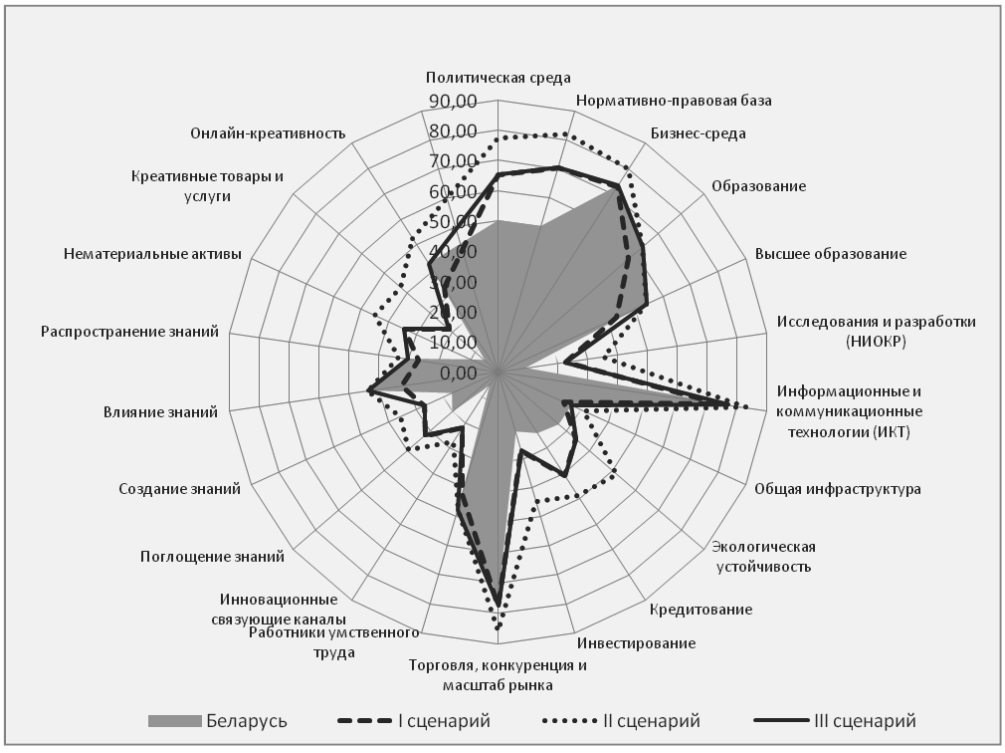


Рисунок 1. *Профили горизонтов инновационного развития Республики Беларусь для трех сценариев (в сравнении с существующим положением Беларуси в соответствии с ГИИ)*

Примечание. Источник: собственная разработка автора.

этому сценарию, стратегия инновационного развития должна предусматривать в первую очередь активизацию деятельности по проблемным индикаторам.

Расчеты на основе данных трех представленных сценариев (таблица 2) с использованием методологии определения субиндексов ГИИ третьего уровня и итогового интегрального ГИИ[1] позволяют сравнить текущую позицию Республики Беларусь со значениями ГИИ при каждом сценарии в случае их реализации (таблица 3).

Горизонты желаемых сценариев инновационного развития на уровне субиндексов ГИИ показывают, что стратегии инновационного развития Республики Беларусь следует сконцентрироваться на таких направлениях совершенствования инновационной среды, как институты, построение рынка и стимулирование бизнеса. В качестве индикатора эффективности этих направлений выступает субиндекс ГИИ «креативные результаты» (output), что также целесообразно учитывать в стратегическом планировании инновационного развития Республики Беларусь. Параллельно стратегические усилия должны быть направлены на поддержание существующих высоких позиций нашей страны по направлениям субиндексов

Таблица 3. *Показатели ГИИ и инновационных субиндексов третьего уровня Республики Беларусь в сравнении с расчетными горизонтами трех сценариев.*

Субиндексы	Беларусь	I сценарий	II сценарий	III сценарий
Институты	57,80	69,53	79,77	69,66
Человеческий капитал и исследования	42,10	40,93	50,80	46,57
Инфраструктура	43,40	43,96	55,20	45,93
Развитость рынка	39,80	48,47	59,70	48,47
Развитость бизнеса	24,40	32,09	38,20	33,91
Знания и технологии	30,30	28,65	37,60	33,60
Креативные результаты	17,00	29,73	46,77	32,82
ГИИ	32,58	38,09	49,46	41,06

Примечание. Источник: собственная разработка автора.

[1] Global Innovation Index 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis.

«Человеческий капитал и исследования» и «Инфраструктура» (input), которые обеспечивают относительно высокий субиндекс «Знания и технологии» (output).

Стратегия инновационного развития Республики Беларусь должна также учитывать то, что среди оцениваемых индикаторов ГИИ подавляющее большинство относится к характеристикам условий и результатов непроизводственной сферы – наука, образование, госуправление, информационные услуги и др. Из этого вытекает, что в государственных программах инновационного развития стоит больше внимания уделять непроизводственной сфере, в которой создается наибольшая часть ВВП страны и которая является более гибкой для внедрения инноваций и быстрее трансформируется под их влиянием, что и позволит достичь реалистичного сценария.

Заключение

В Республике Беларусь инновационное развитие определяется соответствующей Государственной программой на 2021–2025 годы, в рамках которой осуществляется инновационная политика белорусского государства. Целью Государственной программы установлено достижение Республикой Беларусь уровня инновационного развития стран – лидеров Восточной Европы. В этой связи в фокус внимания аналитиков попадает рейтинг Республики Беларусь и стран-соседей по ГИИ. Республика Беларусь из года в год улучшает свою позицию в глобальном инновационном рейтинге, однако по-прежнему уступает всем странам-соседям. Для определения направлений и горизонтов инновационной стратегии нашей страны целесообразным видится ориентирование на горизонты, которых достигли эти страны. Моделирование горизонтов инновационного развития с ориентацией на максимальные и средние показатели субиндексов и подиндексов ГИИ позволило определить, что для достижения среднего уровня инновационного развития ближайших стран Восточной Европы Республика Беларусь должна достигнуть уровня ГИИ в 38,09 балла. Если же при этом Республике Беларусь удастся сохранить уже существующие лидирующие позиции в регионе по отдельным подиндексам, то страна сможет достигнуть ГИИ в 41,06 балла. Данный сценарий требует существенных усилий со стороны государства в таких областях, как развитие необходимых институтов, построение соответствующего рынка и стимулирование инновационного бизнеса. В качестве горизонтов инновационной стратегии Республики Беларусь целесообразно принять следующие уровни субиндексов ГИИ: «Институты» – 69,66; «Человеческий капитал и исследования» – 46,57; «Инфраструктура» – 45,93; «Развитость рынка» – 48,47; «Развитость бизнеса» – 33,91; «Знания и технологии» – 33,6; «Креативные результаты» – 32,82. Более детальная разработка стратегических направлений может опираться на рассчитанные соответствующим образом горизонты 21 подиндекса ГИИ (см. таблицу 2, сценарий 3). Данный подход позволяет не только определить горизонты стратегии инновационного развития Республики Беларусь, но и установить индикаторы эффективности ее реализации в будущем.

Список использованных источников

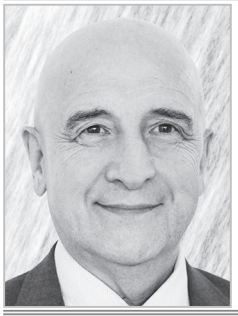
1. *Акулич, И. Л. Инновационное развитие Республики Беларусь / И. Л. Акулич, З. Н. Тарасенок // Вести Института предпринимательской деятельности. – 2020. – № 1. – С. 66–74.*
2. *Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы / под ред. С. В. Шлычкова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2022. – 190 с.*
3. *О государственной инновационной политике и инновационной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200425. – Дата доступа: 01.09.2022.*
4. *О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., № 348 // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-348-ot-15-sentyabrya-2021-g. – Дата доступа: 01.09.2022.*
5. *О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З // Информационно-поисковая система Эталон-online. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h19800157. – Дата доступа: 01.09.2022.*
6. *О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P32000156_1588885200.pdf. – Дата доступа: 01.09.2022.*
7. *Об основах государственной научно-технической политики [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 янв. 1993 г., № 2105-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302105. – Дата доступа: 01.09.2022.*
8. *Global Innovation Index 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO. – 2022. – 226 p.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 26.09.2022.

УДК 167/168.340

V. P. Shienok

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF A PERSON AS AN OBJECT OF MODERN SOCIETY (ON EXAMPLE OF NATIONAL JURISPRUDENCE). PART 1 [1]



Shienok Vladimir Petrovich *– Editor-in-chief of the scientific and practical, informational and methodical journal "Socio-economic and Legal Studies", Doctor of Law, Professor. Research interests: methodology of science, theory of state and law, criminology, criminal law, criminalistics.*

The author's point of view is substantiated about a person as the main object (subject) of modern and future science. The essential elements of a person as an energy-information system (soul, information field of the soul, consciousness, mind, ego, intellect, will, need, desire, and intention) are distinguished, their complex characteristics are given.

Keywords*: person, society, object, science, cognition, methodology, energy- information system, soul, energy body, information field of the soul, jurisprudence, causes of behavior.*

В. П. Шиенок

Сущностные характеристики человека как объекта современной науки (на примере отечественной юриспруденции). Часть 1

Обосновывается точка зрения автора о человеке как главном объекте (предмете) современной науки. Выделяются сущностные элементы человека как энергоинформационной системы (душа, информационное поле души, сознание, ум, эго, интеллект, воля, потребность, желание, намерение), дается их комплексная характеристика.

Ключевые слова*: человек, общество, объект, наука, познание, методология, энергоинформационная система, душа, энергетическое тело, информационное поле души, юриспруденция, причины поведения.*

Introduction

In the previous author's article (and in a number of earlier works), focus on such an important methodological issue as the object of science, it has clearly concluded that such for criminology, as, indeed, for all jurisprudence, and not only jurisprudence, but also science as a whole, is a person. Therefore, it is natural, that the subject of this work is the general characteristic of main elements of a person as an energy-information system, i.e. concretization of the post-regulated object of science. These elements are of universal essential importance both for understanding the nature of man and for studying for causes and conditions, the determinants of his behavior (law-abiding and deviant), understanding their deep nature, developing ways, methods and means of managing processes, states, phenomena of man and society. Thus, this article is intended for researches in any field of science, including a person and knowledge of a person as the object or subject of their scientific research.

[1] На русском языке статья вышла в № 1 за 2022 год, стр. 120–127.

Main part

The first and the most important element that scientists in various branches of science are paying attention to is, firstly, the question underlying deep causes of certain states of a person, social group, society or any other objects (illness or health, development or degradation, lawlessness or transgression, etc.), selected behaviors in various situations (conflict or cooperation, activity or inaction, creativity or lack of initiative etc.), emotional reaction on various stimuli, decisions made and many other manifestations of human life. Secondly, the strategic task facing by scientists and practitioners of various industries is to find ways, methods and technologies for managing a person, society as a main subject of life. Let us illustrate what has been said on the example of national criminology – science, studying the causes and conditions of crime and developing measures to counter it. In modern criminology on the post-Soviet territory, the question of the causes and conditions of crime in general and individual cases in particular is chronically debatable, despite the fact that it's it main, fundamental scientific task. In recent decades the terminological and essential problem of understanding the causes and conditions of crime has only became more complicated. The concept of "determinant of crime" has been introduced into scientific circulation, which not only did not resolve the old discussion, but even more complicated the situation in its theory. From the point of view of the subject of this article, this discussion is of no fundamental importance, it could have been avoided in principle, and here is why. If we move away from the complex conceptual abstractions and near-scientific arguments about causes of crime, it is obvious that the main cause (condition and determinant) of any social phenomena, processes, states etc. is a person. Let us simulate the situation that there is not a single person in some space-limited territory. Will be there crime, epidemics, wars, crop failures, the economy, its growth and decline, other similar phenomena? The answer is obvious. The conclusion that a person is included in the object of study of almost all sciences is so simple and obvious that this simplicity turns into its opposite, i.e. the extreme difficulty is accepting this idea and introducing it at the methodological level to the theory of existing sciences.

With the regard to the study of the fundamental mechanism of human behavior in various situations (on the example of criminology) the reasons for committing offenses, however, and all types of law-abiding acts, are understood as internal motives that form the intention of individuals to commit this or that action or refrain from it. Accordingly, the conditions conducive to the chosen variant of human behavior are understood as external to him circumstances, incentives, situations that actualize the external causes. This approach is, in principle, relevant for all sciences that include a person in their object or subject. In the epistemological context, it is of no fundamental importance whether the person violates the norm of the law by his actions or not. It's quite possible that he simple does not know about this or that legal prohibition and therefore does not consider his action illegal, or the norm of the laws is not fair from the position of the majority of members of society and therefor is massively ignored by him. At the basis of any type, law-abiding and deviant human behavior is based on unified energy-information system and its laws, elements of which in their dynamics determine the direction and content of both individual human life and the life of social groups, as well as the society as a whole.

IN MODERN CRIMINOLOGY ON THE POST-SOVIET TERRITORY, THE QUESTION OF THE CAUSES AND CONDITIONS OF CRIME IN GENERAL AND INDIVIDUAL CASES IN PARTICULAR IS CHRONICALLY DEBATABLE, DESPITE THE FACT THAT IT'S IT MAIN, FUNDAMENTAL SCIENTIFIC TASK. IN RECENT DECADES THE TERMINOLOGICAL AND ESSENTIAL PROBLEM OF UNDERSTANDING THE CAUSES AND CONDITIONS OF CRIME HAS ONLY BECAME MORE COMPLICATED

The data, that we have, allow us to identify a number of basic elements of a person as energy-information system that have universal scientific significance for studying its nature, the mechanism of individuals behavior in various situations, regulating his behavior, predicting the state of a person and the society and managing them, solving other, most various tasks in the sphere of life of individuals and the society. In the framework of this, article such elements of the "man" system, as: soul, information field of the soul, consciousness, mind, ego, intellect, need, desire and intention will be considered. These elements and their characteristics are at some extent had been reflected on at the previous publications of the author. However, in their totality, interconnection and interdependence within the framework of a single work, their characteristics are given for the first time.

Man as a system of energy bodies. From the point of view of the concept of the humanistic methodology, a person as a system includes two main parts (subsystems) – spiritual (soul and its substructures) and material (physical body and its substructures). This is fundamental, basic idea, which is of great importance within the framework not only for named concept, but also in epistemology as a whole. The unity of spiritual and material equally characterizes both the object and the subject of cognition of the vast majority of branches of science. The researcher and his object are sides of the same coin. For example, philosophy and medicine, biology and jurisprudence, quantum physics and anatomy,– in these, seemingly dissimilar sciences, there is everywhere a person, who appears, varying degrees of obviousness either in the object or in the subject of research. Spiritual and physical are inextricably linked with each other, are in a state of dialectical unity, interdependence and subordination. Being at the current moment of the time one whole, i.e. a specific person with a full set of individualizing qualities, the soul and body will perform their specific functions, obey their own specific laws, and play different roles in the life and evolution of the individual.

FROM THE POINT OF VIEW OF THE CONCEPT OF THE HUMANISTIC METHODOLOGY, A PERSON AS A SYSTEM INCLUDES TWO MAIN PARTS (SUBSYSTEMS) – SPIRITUAL (SOUL AND ITS SUBSTRUCTURES) AND MATERIAL (PHYSICAL BODY AND ITS SUBSTRUCTURES)

Physical body is the roughest layer, the low frequency of energy oscillations, its manifested state. Due to the obviousness of the perception of this object of each person, the physical body is usually called material. The existence of the human physical body is limited to a very short period. It is an axiom. Therefore, in evolutionary terms, it is inert. After the completion of human life, the physical body disintegrates into various chemical elements, which are automatically included in the eternal universe movement of energy. The study of physical body is carried out by different natural and human sciences. It is on the study of this object that Belarusian science is entirely focused in the current historical period.

In contrast to the physical body, a fundamentally important characteristics of the soul it is organically inherent quality of continuous evolutionary development (evolutionary potential) by human standards, which causes the birth of the specific physical body and the subsequent formation of the personality of the corresponding person. In other words, evolutionary potential of the soul is the cause and driving force of the birth and life of a particular person. That is why in many Vedic, philosophical and spiritual traditions, the existence of which is calculated for thousands of years, the soul is called the casual body (Karana sarira). In fact, we find a similar methodological approach to the study of the soul as a complex reason for the existence of the physical body in the ancient Greek philosophical tradition. For example, the outstanding philosopher of antiquity, a student of Plato, Aristotle in the fourth chapter of the second part of his treatise "On the Soul" directly writes, that the soul is the cause and the beginning of living body. Aristotle considers causality of the soul to the relation to the body in three main meanings. First, in the sense of essence, i.e. the cause and beginning of life is the soul, as well as the foundation (logos) pf being in possibility – entelechy. Secondly, in the sense of goal-setting (the meaning of life), that the soul is the goal, such a goal for living beings by their very nature is the soul, which should be understood in two ways as that for the sake of which, and as that for which. Thirdly, as a potential capacity for spatial movement, which is also the soul, transformation and growth occur due to the soul. In the context of the above, life, or rather, the journey of the soul can be represented as an infinitely long cycle of its materializations, incarnation in various physical forms. Unlike the physical body, which is mortal, the soul does not arise and does not cease to exist with it; it only manifests itself in the physical body, being the cause of its existence. You can disagree, ignore, deny this statement, and attribute it to some mystical or religious postulates. However, such a reaction in no way affects the fact of the existence of the soul and its laws.

In the national scientific literature is not customary to write about the soul. In fairness, we note that for more than two centuries this phenomenon has practically fallen out of sight of secular scientists in general on the European continent. Historically, secular science once ceded this object of study to religion. It is paradoxical, that even now, several centuries later, ignoring the existing of the soul as a scientific object persists even in such sciences as psychology and psychiatry, although the word "soul" directly presents in their names. First of all, for ideological reasons instead of including this in the object and subject of science, scientists talk and write about some "mysterious" mental processes, states, etc., meaning by them strictly undefined internal factors that affect the state and behavior of the person. Here, for example, is a widely spread definition of the object of modern

psychology: the object of psychology is a combination of various carries of mental phenomena, the main of which are behavior, activity, relationships of people in small and large social groups. Once again, attention should be paid to the fact that, starting from the ancient times (Socrates, Plato, Aristotle, etc.) until the beginning of the 18th century, Soviet sciences considered the soul as an object, a subject of the science, but subsequently excluded it from the scope of scientific research presenting a complete monopoly in this matter to a religion.

A classic example of methodological confusion and muddle caused by a vulgarly materialistic approach to understanding a person is the so-called physiological concept of guilt, adopted many years ago in Russian jurisprudence, in which not a word is said about the soul and the phenomena associated with it. According to this concept, the guilt is the mental attitude of a sane person to his act and ensuing the consequence, and expression the form of intent or negligence. Here is the definition of this category given in modern national literature on criminal law: "...guilt can be defined as the intellectual and volitional attitude of the subject to the act committed by him and the ensuing consequences, expressing negative (characteristics of intent) or neglectful or insufficient attentive (peculiar to negligence) attitude towards to social values protected by the Criminal Code".

The inconsistency and contradictory of such an understanding of guilt is especially clear manifested in law enforcement practice. So, in accordance with Art. 64 of the Criminal Code if the Republic of Belarus, committing a crime while intoxicating or in another state cause by drug consumption, etc. substances is a circumstance aggravating criminal liability of the person. The question arises: what to do the integral element of the subjective side of the crime, with guilt, in case, where based on objective data (for example, in expert opinion) a person could not control, could not realize, could not direct his actions. In other words, it is well known that large doses of alcohol, drugs etc. substances turn off the conscious volitional control of a person over his body and its manifestations, as well as the human intellect. Strictly speaking, in these cases, he cannot be found guilty due to the absence of guilt. A paradox, but this is not so, in such cases, criminal liability, on the contrary, increases. Unfortunately, modern national criminal law, criminology, other legal and non-legal sciences diligently bypass this and similar issues. Instead of studying the real internal mechanism that determine behavior, the state of a person, their causes, the scientists continue to simply state a set of some formal provisions about his mental inner world, in the list of which there is no place of studying the soul and its substructures. The paradoxical nature of this situation is even more emphasized by the fact that majority of fellow scientists position themselves as religious, believing people, thereby a priory recognizing the existing of the soul. In this case, the question arises: why does a believing scientist avoid including the phenomenon of the soul in the object or subject of his research activity?

Analysis of various kinds of literary sources, purposeful communications with adherents of various religious, spiritual, esoteric practices, included observation in the relevant processes, expert assessments, as well as personal practical internal experience allow us to formulate the following concept of this category, basic for the methodology of science. The human soul is intangible substance (essence), necessarily inherent in every person, determining the birth, existence and death of the physical body, the emergence of which is associated with the first push (big bang) that led to the formation of the Universe. In other words, the soul is a particle of the original cosmic energy that underlies all objective reality. In its original nature, it is pure and natural, and in this respect, it is unchanging[1].

Following the acceptance of the idea of the overall energy-information nature of the Universe, the researcher inevitable comes to understand that all this boundless outer space is nothing but a single field of energy. In other words, all manifested and unmanifested worlds are fields of energy, consisting of fluctuations, vibrations of different purity. As a particle of the original cosmic energy, the soul, as well as all other, whatever manifested and unmanifested forms, are nothing more than elements of this immense energy field. Accordingly, a person, representing the unity of soul and body, as a form, occupies his own, albeit microscopic but part in this universal energy space. If the soul is a particle of the finest, reference energy of the Universe, and the physical body is its coarser type, it suggests the existence of some third intermediate energy body. Such a space, relatively speaking, lying between the physical body and the soul, in a sense uniting them, we find in the sources of Vedic philosophy, it is called the subtle, energy body of the person. This is the third and the most significant element of a man as a system from the standpoint of the modern science. At its core, the subtle bode is an energy-information field that makes it possible for the soul to manifest itself a specific physical body in accordance with the law of karma. Assuming a certain convention,

[1] Аристотель. О душе. Книга вторая.

the location of the soul in two-dimensional space can be represented as the center of the certain circle. Then the line along the perimeter of the circle will represent the physical body, and the space between the center and the line of the circle will represent the subtle body of a person.

Thus, we are talking about three bodies (fields of energy), which in their unity form the fundamental structure of any human being as a system.

Here is how the world-famous Master of Raja Yoga, a recognized expert in the field of Vedic philosophy Kamlesh D. Patel characterizes the dialectics of the physical, energy (subtle) and casual body from the point of view of permanent evolutionary process: "Evolutionary changes should not be expected from the physical and casual body. When we change our way behavior through any king of personal development, whether it be physical or spiritual development, it is the middle layer that evolves and transforms – the subtle body". The question arises: why are the physical and casual bodies so evolutionary passive? The answer to it must be sought in the essence of the phenomena of soul and body. The first is a particle of the energy of creation of the Universe. Therefore, the soul is a kind of standard, fundamental principle, basic energy; it is initially self-sufficient, perfect, not subject to the influence of time. The dominant property of the soul is passivity. The nature of the physical body is different. The cycle and parameters of the existence of the particular physical body are initially predetermined by nature. The lifetime of physical body is extremely insignificant for essential, noticeable evolutionary changes. Therefore, on an evolutionary level, its matter is inert. Thus, the average human life expectancy on the planet is only 71, 0 years (68, 5 years for men and 73, 5 years for women). It is obvious that even if the life of an average person doubles, it is unlikely that this will be enough for the development of a fundamentally new physical body endowed with some superpowers. The duration of human life is nothing compared to the temporal scale and revolutionary tasks of the Universe. Thus, it becomes clear why the evolutionary changes that occur to each of us in the current life are reflected primarily at the level of the subtle body of a person, in the field of energy surrounding the soul and the physical body. This circumstance is of fundamental importance for understanding the nature of man, foreseeing events, processes and phenomena on which a person is already included, but which have not yet manifested themselves at the physical level, predicting the state of man and society and solving other scientific and applied problems in various branches of science and science technology. For example, in medicine, technologies for earlier diagnosis and treatment of diseases based on energy signals (waves, vibrations) of various organs and systems of the human body have already been created and are being used. As another example of the use of energy-information technologies with a diametrically opposite purpose, one can name various types of so-called psychotronic weapons, which have been used for the decades by the police and the army of many states. Promising scientific research, which is based on the energy-informational nature of man, is actively conducted not only within the framework of government programs, but also by university science in the developed countries of the world. For example, German scientists from the University of Kassel obtained very interesting data on the effect of meditation on the energy state of the human heart, the nature of its radiation depending on the emotional state. So, if an ordinary individual's heart emits an average of 20 photons of light per second, then for someone who meditates and sends other people light and love from his heart, this figure reaches an amazing 100 000 photons per second.

Thus, the greatest opportunities and interest from the standpoint of the prospective development of the methodology of science, the theory of knowledge, the study of man, the solution of a wide variety of general theoretical and applied problems of a modern science, is the "medium", subtle, energy body of a person. The foregoing should not be taken as a call to ignore the phenomena of the soul and the physical body as objects of scientific research. All three bodies are dialectically one. We are only talking about emphasizing the special significance for determining the strategy of science at a given historical moment in time precisely on the study of the subtle (energy) body of a person.

Information field of the soul. In scientific terms, there is no doubt that each person is a carrier of a gigantic amount of information. Everything that he voluntary or involuntary, consciously or not perceived during his life, with all inevitability, strictly, in detail, is fixed in his brain, consciousness, and psyche. Consciously or unconsciously, the recollection and reaction of the individual to this information occurs in his psyche every second. Evidence of this permanent process is the stream of thoughts that does not stop for a moment in the minds of the vast majority of the people. This is a fact that each of us can easily verify by simply closing our eyes and observing the chaotic flow of thoughts that does not stop for a second.

Automatic fixation and accumulation by each person of impressions about the most diverse details, circumstances, situations, even in some very limited period of the current life, create a gigantic information array, which layer by layer is located in the subtle body of a person around his soul. It is extremely important in terms of science that this information array includes not only

"plain" facts, dispassionate "photographs", pictures of life, but also full range of feelings, emotions, worries that a person experienced at a given moment in time. In other words, the information stored in each of us is emotionally and energetically charged, relatively speaking, it is alive. That is why memories have such a powerful effect on us, and their re-experiencing, emotional discharge has such a powerful healing effect. This pattern underlines many psychological, psychotherapeutic and other methods of working with the consciousness and subconscious of a person.

More than one generation of scientists (philosophers, phycologists, sociologists, physicians etc.) have been discussing fundamental problem associated with understanding the categories of consciousness, subconsciousness, superconsciousness, their differentiation, mechanism of mutual influence and other things. Without going into the details of these discussions, I will note that, in fact, we are talking about attempts to comprehend and manage the gigantic amount of information that each individual person and humanity as a whole has. I would like to emphasize that from the standpoint of humanistic methodology, we are talking about information received in the course of not one current life, but in the process of the "journey" of the soul, which can number thousands of human lives. This mega volume of information stored in the information field of the soul of each of us cannot be imagined and modeled even with the use of ultra-modern computers.

In view of the foregoing, the information field of the soul can be defined as a dynamic substructure (derivative) of the soul located in the subtle body, consisting of a cumulative volume of various kinds of facts, circumstances, fragments of the situation, emotional reactions and connections between them obtained during the entire time of materialization of the casual body (soul) in the physical world.

The informational body of the soul is not identical to the soul itself, but derived from it. Their connection has a complex dialectical character. They correlate as general (soul) and special (information field). Accordingly, the information field is the result of interaction of the soul as a particle of universal energy (universal), which creates the Universe, and its experience of materializations, reflecting the lives of specific human beings (individual).

The location of the information field is a part of the space of the subtle (energy) body of a person around the soul. As mentioned above, the subtle body of a person is nothing but a microscopic particle of the energy field of the Universe, relatively isolated by the function of the consciousness of a particular individual. That is why the great thinkers of the past and present have repeatedly compared a man with the cosmos in miniature (microcosm). Souls and their energy bodies are particles of the universal space of the Universe, like the cells that make up the physical body a person. Each cell contains complete information about the body; the general condition of the body affects the state and functioning of its cells. It is the presence of an informational field around the soul that explains existence of many phenomena of the human psyche, such as creative insight, intuition, clairvoyance, dreaming, déjà vu, telepathy and much, much more.

The information field of the soul is dynamic in nature, which is due to the constant accumulation, change in quantitative and qualitative state of the information recorded in it, as well as movement as such, as an essential characteristic of energy.

An important property of the information filed is its direct influence on the formation of the present and future of both a particular person and social groups, peoples, humanity as a whole. We are talking about the phenomenon of human destiny, to a greater or lesser extent, a predetermined chain of events, circumstances, situations that determines the internal and external content of the life of a particular person or society. This issue gas been discussed by the author in a number of previous publications. At the heart of the interaction of the content of the information field of the soul with the present or future of the person and society is the universal law of cause-and-effect relationships, the law of action, karma.

Conclusions

– From the position of the concept of humanistic methodology, a person as a system includes two main parts (subsystems) – spiritual (soul and its substructures) and material (physical body and its substructures). This is a fundamental, basic idea, which is of great importance not only within the framework of the named concept, but also in epistemology as a whole. The unity of the spiritual and the material equally characterizes both the object and the subject of cognition in the overwhelming majority of branches of science; everywhere there is a person who earlier appears or manifests himself with varying degrees of obviousness either in the object or in the subject of research;
– The human soul (casual body) is intangible substance (essence), necessarily inherent in every person, determining the birth, existence and death of the physical body, the emergence of which is

associated with the first push (big bang) that led to the formation of the Universe. In other words, the soul is a particle of the original cosmic energy that underlies all objective reality. In its original nature, it is pure and natural, and in this respect it is unchanging;

– The subtle body is an energy-informational field that makes it possible for the soul to manifest itself in a specific physical body in accordance with the law of karma. Assuming a certain conventionality, the location of the soul in two-dimensional space can be represented as the center of a certain circle. Then the line along the perimeter of the circle with represent the physical body, and the space between the center and the line of the circle will represent the subtle body of the person. Thus, we are talking about three bodies (fields of energy), which in their unity form the fundamental structure of any human being as an energy-information system;

– the greatest opportunities and interest from the standpoint of the prospective development of methodology of science, the theory of knowledge, the study of man, the solution of a wide variety of theoretical and applied problems for modern science is a subtle (energy) body of a person;

– the information field of the soul can be defined as a dynamic substructure (derivative) of the soul located in the subtle body, consisting of a cumulative volume of various kinds of facts, circumstances, fragments of the situation, emotional reactions and connections between them, obtained for all times of materializations of the casual body (soul) in the physical world;

– the causes of any actions, decisions, states of a person are understood as internal motives, forces, processes that predetermine his reaction to particular stimulus, form the individual's intention to make a specific decision, choose this particular line of behavior, to perform this or that action or refrain from it. Accordingly, the conditions conducive to the chosen variant of behavior are understood as circumstances external to the person, incentives, situations that actualize the corresponding causes.

Список использованных источников

1. *Aristotle. On the soul. Book two [Electronic version] / Aristotle. – Access mode: https://librebook.me/on_the_soul/vol1/2. – Access date: 16.02.2022.*
2. *Aristotle. On the soul. Book one [Electronic version] / Aristotle. – Access mode: https://librebook.me/on_the_soul/vol1/1. – Access date: 16.02.2022.*
3. *Kamlesh D. Patel. The evolution of consciousness / Kamlesh D. Patel // Heartfulness. Special edition. Spirituality as a science. – Ed. 14. – P. 8–9.*
4. *Criminal law course. General part. – Minsk: BSU, 2018. – V. 1: The doctrine of crime. – 862 p.*
5. *Casual body [Electronic version]. – Access mode: https://ru.teopedia.org/hpb/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BE. – Access date: 19.01.2022.*
6. *Psychology [Electronic version]. – Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F. – Access date: 24.01.2022.*
7. *Psychotronic weapons [Electronic version]. – Access mode: https://www.rgo-sib.ru/horison/57.htm. – Access date: 24.01.2022.*
8. *Average life expectancy by countries of the world 2020 (rev. 2021): men, women and both sexes list, table [Electronic version]. – Access mode: https://www.statdata.ru/prodolzhitelnost-zhizni-v-stranah-mira. – Access date: 22.01.2022.*
9. *Uspenskiij, V. M. Informational function of the heart: monograph [Electronic version] / V.M. Uspenskiij. – Access mode: https://femurhead.ru/scientific/monography-uspenski/informacionnaya-funkciya-serdca1/. – Access date: 31.01.22.*
10. *Shienok, V. P. Guilt from the standpoint of humanistic methodology (within the frame of scientific discussion) / V.P. Shienok // Labor. Trade unions. Society. – 2017. – № 2. – P. 76–80.*
11. *Shienok, V.P. Forensic science and its object / V.P. Shienok // Socio-economic and legal research. – 2021. – № 4. – P. 91–96.*
12. *Shienok, V. P. Methodological analysis of the category of "guilt" in modern jurisprudence/ V. P. Shienok //Essays on the Humanistic Methodology of National Jurisprudence: monograph. / V.P. Shienok. – 2nd edition, corr. and exp. – Minsk, 2017. – P. 138–151.*
13. *Shienok, V. P. Essential approaches to understanding a person on the example of modern criminology: the individual soul and its information field / V.P. Shienok // Essays on the Humanistic Methodology of National Jurisprudence: monograph. / V.P. Shienok. – 2nd edition, corr. and exp. – Minsk, 2017. – P. 51–60.*
14. *Shienok, V.P. Essential approaches to human understanding on the example of modern criminology: Fate / V.P. Shienok // Essays on the Humanistic Methodology of National Jurisprudence: monograph. / V.P. Shienok. – 2nd edition, corr. and exp. – Minsk, 2017. – P. 61–68.*
15. *Steiner, R. Christianity as a mystical fact and mysteries of antiquity / R. Steiner. – Yerevan: Noy, 1991. – 156 p.*
16. *A scientific study by the University of Kassel has shown that an average person emits only 20 photons of light per second... [Electronic version]. – Access mode: https://www.reddit.com/r/Spiritual Awakening / comments/mjv54a/a scientific study by the_university_of_Kassel/. – Access date: 02.02.2022.*
17. *Effect of meditation an ultra-weak photon emission from hands and foreheads [Electronic version]. – Access mode: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16086532/. – Access date: 02.02.2022.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 30.09.2022

УДК 340.15

Гринчук М. П.
Пастухов М. И.

С. Ф. СОКОЛ КАК ЮРИСТ И УЧЕНЫЙ. ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ БЕЛАРУСИ

Памяти учредителя и первого ректора БИП профессора С.Ф.Сокола

Гринчук Маргарита Павловна *– преподаватель-стажер кафедры теории и истории права учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», магистр. Сфера научных интересов: конституционное право, общая теория права.*

Пастухов Михаил Иванович *– заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь. Сфера научных интересов: конституционное право, судоустройства, судопроизводство, права человека.*

В статье исследуется научное наследие Степана Федоровича Сокола. В частности, выделяются основные направления творчества ученого: изучение трудов мыслителей Беларуси XV–XVII вв.; изучение правовых актов Великого княжества Литовского; изучение трудов белорусских ученых-юристов; изучение правовой действительности в Беларуси. По результатам исследования сделаны выводы.

Ключевые слова*: правовой акт, статут, закон, наука, творчество, юриспруденция, права человека, законность, правопорядок.*

M. Grinchuk, M. Pastuchov

S.F. Sokol as a lawyer and scientist. His contribution to the development of legal science in belarus

The article studies the scientific heritage of Doctor of Law, Professor Sokol Stepan Fiodorovich. The main spheres of his scientific work are marked out: the study of Belarusian thinkers' works of the 15th – 17th centuries; the study of legal acts of the Grand Duchy of Lithuania; the study of Belarusian scientists-jurists' works; the study of the legal reality in Belarus.

Keywords*: legal act, statute, law, science, creativity, jurisprudence, human rights, legality, law and order.*

Введение

Степан Федорович Сокол родился в военное лихолетье (в январе 1943 г.) в дер. Шевели Ляховичского района. Его детство было трудным, но у юноши проявился интерес к музыке, что предопределило дальнейший путь. После школы он поступил в музыкальное училище в Гродно, затем перевелся в Брест.

Однако увлечение музыкой не помешало Степану Соколу стать юристом. После окончания юридического факультета БГУ молодой специалист был направлен в прокуратуру Чериковского района, где три года отработал помощником прокурора.

С. Ф. Сокол обучался в аспирантуре Института философии и права Академии наук БССР. В 1972 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. Работал ученым секретарем того же академического института.

В сентябре 1973 г. С. Ф. Сокол начал преподавательскую деятельность в Минском радиотехническом институте. Далее работал инспектором в Министерстве высшего и среднего образования БССР. С 1985 г. он – декан факультета правоведения и заведующий кафедрой теории и истории права Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Одновременно продолжает работать над докторской диссертацией по истории политических и правовых учений. В 1987 г. защитил докторскую диссертацию в Институте государства и права Академии наук Украинской ССР.

1990 год стал годом карьерного и творческого роста С. Ф. Сокола. Он получает диплом профессора права. Его избирают председателем Белорусского союза юристов. При этой организации он создает первое негосударственное учреждение образования «Минская высшая юридическая школа». В скором времени это учреждение было переименовано в Белорусский институт правоведения, затем – в БИП-Институт правоведения, а в 2020 г. – в БИП – Университет права и социально-информационных технологий. Со дня основания вуза и до 2004 г. С. Ф. Сокол являлся его ректором, потом – председателем Совета вуза, далее – советником ректора.

С. Ф. Сокол – автор более 160 научных трудов, в том числе 18 монографий. Под его руководством были защищены более 10 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Много внимания С. Ф. Сокол уделял подготовке учебных и учебно-методических материалов для студентов своего вуза. Продолжал читать лекции по истории политических и правовых учений, был членом ГЭК.

С. Ф. Сокол ушел из жизни 5 декабря 2020 г. Он успел увидеть БИП-Институт правоведения в качестве университета права и социально-информационных технологий.

Ученики и коллеги С. Ф. Сокола решили продолжить его дело – строить в Беларуси демократическое правовое государство и повышать правовую культуру общества. С этой целью в вузе была основана научно-педагогическая школа имени С. Ф. Сокола (далее – НПШ). Основными направлениями ее деятельности стали: история государства и права, теория государства и права, конституционное право. В состав НПШ вошли большинство преподавателей кафедры теории и истории права, аспиранты, магистранты.

Первым шагом деятельности НПШ стала международная научно-практическая конференция «Соколовские научные чтения – 2021 г.», состоявшаяся 17 декабря 2021 г. В ней приняли участие более тридцати ученых и преподавателей от разных юридических вузов Беларуси. По итогам конференции было принято решение о ежегодном проведении «Соколовских научных чтений».

Такое неформальное название конференция получила по той причине, что «...выступленні ўдзельнікаў часткова набывалі фармат успамінаў і прысвячэнняў». В то же время участники «... не пакідалі межаў навукі і акрэсленага праблемна-тэматычнага поля, якое лагічна паўтарыла сабой сферу яго навуковага інтарэсу – гісторыі дзяржавы, права і палітычных вучэнняў, што ўзнікалі на нашай зямлі на працягу апошніх пяці стагоддзяў»[1].

Основная часть

В научном творчестве С. Ф. Сокола условно можно выделить несколько направлений, в том числе: изучение трудов мыслителей Беларуси XV–XVI вв.; изучение правовых актов ВКЛ; изучение трудов белорусских ученых-юристов; изучение правовой действительности в современной Беларуси.

Изучение трудов мыслителей Беларуси XV–XVI вв.

В энциклопедическом справочнике «Францыск Скарына і яго час», изданном в связи с 500-летием со дня рождения мыслителя, имелся ряд публикаций С. Ф. Сокола, посвященных наследию Ф. Скорины[2].

Для иллюстрации приведем несколько фрагментов из публикации «Закон прироженый».

[1] Воцінава С. Д. Пра час, пра век і пра эпоху. Сокалаўскія навуковыя чытанні. С. 135.
[2] Францыск Скарына і яго час.

«...Францыск Скарына быў пачынальнікам гуманістычнай інтэрпрэтацыі натуральнага права на Беларусі. Прызнаючы божую крыніцу натуральнага права, ён імкнуўся звязаць яго сутнасць з раннехрысціянскімі маральнымі ідэаламі, а перш за ўсё з прынцыпам: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех и того не чінити іным, чего сам не хощеши от иных имети» (гл. с. 136).

Адзначаны закон, на яго думку, напісаны ў сэрцы кожнага чалавека, нават язычніка. Скарына выступаў як прыхільнік характэрнай для рэнесансавых гуманістаў пантэістычнай канцэпцыі адзінства прыроды і бога, так як божую крыніцу права шукаў у самім чалавеку.

У адрозненне ад сярэдневяковых тэолагаў, якія з дапамогай натуральнага права імкнуліся абгрунтаваць справядлівасць і непахіснасць існуючых феадальных парадкаў, а падпарадкаванне, насілле і эксплуатацыю аб'яўлялі адпавядаючымі «прыродзе чалавека», Скарына лічыў, што прыродзе чалавека адпавядаюць узаемная любоў і згода. Жаданне Скарыны пабудаваць натуральна-прававую тэорыю на маральных прынцыпах ранняга хрысціянства, паказвае блізкасць яго да ідэй і каштоўнасцей Рэфармацыі, якая пачыналася ў Еўропе.

На аснове норм, ствараючых ідэал «прыроджанага права», па яго меркаванню, павінна распрацоўвацца «пісанае права». Гэта думка ў той час была актуальнай, так як 16 ст. – перыяд бурнай заканадаўчай дзейнасці ў жыцці Вялікага княства Літоўскага".

А вот несколько фрагментов из публикации под названием «Закон пісаны»:

"...Пытанні «пісанага» права, яго мэты, ідэалы, крыніцы, структура і накіраванасць Скарына разглядае ў сваёй прадмове да кнігі «Другі закон». Тэрмін «пісанае» права ён ужывае ў шырокім і вузкім сэнсах. У шырокім сэнсе да яго Скарына адносіць нормы, якія «ідуць ад бога», уваходзячыя ў «книги Моисеевы и святое Евангелие», і нормы, створаныя заканатворчай дзейнасцю людзей: «правіла светых атець, на соборех пописаные» – кананічнае права; «права земская, еже единый кажный народ с своими старейшими ухвалили». У вузкім сэнсе пад «пісаным правам» ім разумеецца толькі сістэма норм свецкага права. Менавіта ў адносінах да апошняга найбольш ярка праяўляюцца гуманістычныя асновы светапогляду Скарыны.

Важнейшае яго патрабаванне заключаецца ў тым, каб свецкія пісаныя законы асноўваліся і адпавядалі прынцыпам натуральнага права «прыроженому закону», і найперш узятаму з раннехрысціянскай літаратуры прынцыпу: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощеши от иных имети».

Неабходную ўмову праватворчай дзейнасці Скарына бачыў у тым, каб закон быў «почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, язный, не имея в собе закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаный». У зробленую ім класіфікацыю відаў свецкага права ўваходзяць: паспалітае, язычніцкае, царскае, рыцарскае, месцкае (гарадское), марское, купецкае.

У літаратуры ёсць меркаванне, што Скарына меў не толькі тэарэтычнае, але і практычнае дачыненне да падрыхтоўкі вядомага пісанага зводу законаў – Статута Вялікага княства Літоўскага 1529».

По мнению Л. Л. Голубевой, С. Ф. Сокол был одним из первых белорусских ученых-юристов, кто наиболее детально изучил взгляды Франциска Скорины на политику, право и процесс правотворчества[1].

Следует также отметить, что С. Ф. Сокол подготовил целую подборку научных статей, посвященных взглядам белорусских мыслителей XVI–XVII вв. В частности, речь идет о творчестве Михалона Литвина, Андрея Волана, Аарона (Адама) Олизаровского, Льва Сапеги, Христофора Филалета[2].

Тем самым С. Ф. Сокол заложил основы нового научного направления в истории политических и правовых учений под названием «Мысліцелі і асветнікі Беларусі»[3].

Изучение правовых актов ВКЛ

Известно, что история права Беларуси начинается с записей обычного права в грамотах и договорах Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом 1229 г. В дальнейшем наблюдается развитие законодательства в виде многочисленных привилеев и других правовых актов[4].

---

1 Голубева Л. Л. Сцяпан Фёдаравіч Сокал – выдатны беларускі навукоўца, вучоны-юрыст, гісторык права. С. 11.
2 Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды.
3 Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі.
4 Сокол С. Ф., Владимиров В. А. История государства и права Беларуси.

В своих трудах С. Ф. Сокол выделяет два этапа в развитии правотворчества в период Великого княжества Литовского: «привилейный» (XIII–XV вв.) и «статутовый» (XVI в.). На первом этапе преобладают издаваемые великими князьями грамоты (привилеи), а общеземское право только формируется. На втором этапе общеземское право вытесняет отдельные привилеи и становится доминирующим[1].

По мнению С. Ф. Сокола, значимую роль в формировании светского сословия шляхты сыграли общеземские грамоты (привилеи), которые выдавались Великими князьями в 1387, 1413, 1432, 1434, 1447 годах.

Так, согласно Привилею Ягайло 1387 года, феодалы Великого княжества Литовского, принявшие католическую веру, получали дополнительные привилегии. Это было сделано с целью ускорения распространения католической религии на территории государства. Все последующие привилеи расширяли эти привилегии, хотя в силу объективных причин в 1432 году православная шляхта соответствующим привилеем была уравнена в правах со шляхтой католического вероисповедания.

«Общеземский привилей» Казимира 1447 года завершил процесс правового оформления сословия шляхты, предоставив указанному сословию в ущерб государственным интересам столь многочисленные привилегии, что иногда этот документ называют конституцией шляхты.

С. Ф. СОКОЛ ЗАЛОЖИЛ ОСНОВЫ НОВОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ ПОД НАЗВАНИЕМ «МЫСЛІЦЕЛІ І АСВЕТНІКІ БЕЛАРУСІ»

Результатом работы по упорядочению общеземского законодательства стало принятие «Судебника Великого княжества Литовского» 1468 года. Его нормы регламентировали в основном уголовно-правовые отношения при наличии отдельных положений, касающихся процессуального, гражданского и административного права.

При анализе общеземского права Великого княжества Литовского С. Ф. Сокол обращает внимание на его прогрессивные по своему времени положения. В частности, на свободное без всяких ограничений распоряжение недвижимым имуществом; наступление ответственности только при наличии вины, право на публичный суд, ограничение ответственности членов семьи и других лиц[2].

Новым периодом правотворчества в Великом княжестве Литовском был период, связанный с принятием Статутов 1529, 1566, 1588 годов.

По мнению С. Ф. Сокола, «наличие в государстве подобных нормативных актов говорит об очень высоком уровне развития правовой мысли, культуры, образования»[3].

В Статуте 1529 года были закреплены основы гражданского и государственного строя, правовое положение классов, сословий и социальных групп населения, порядок возникновения, состав и полномочия некоторых органов государственного управления и суда. Провозглашалось правило, в соответствии с которым любые лица, «как убогие, так и богатые», должны судиться в соответствии с нормами, приведенными в Статуте.

Ряд новых положений содержится в статьях Статута 1529 года, относящихся к уголовному праву и процессу. Так, в разделе 1 ст. 7 провозглашалось, что никто не должен отвечать по вине другого, а уголовное наказание нужно назначать только лицам, вина которых установлена судом. В разделе 7 ст. 27 предусмотрены следующие сроки уголовного преследования: за наиболее тяжкое преступление – 10 лет, менее тяжкое – 3 года[4].

По мнению С. Ф. Сокола, Статут 1566 года продолжил традиции правотворчества, сложившиеся в Великом княжестве Литовском. Его источниками были общеземельные и областные привилеи, Судебник 1468 года, Статут ВКЛ 1529 года.

В Статуте 1566 года достаточно полно регламентировалась компетенция органов государственной власти. Главным должностным лицом признавался Великий князь. Однако он не имел права без решения сейма начинать войну, устанавливать налоги на военные нужды, издавать законы.

Ряд уточнений вносились в уголовное право. Субъектом преступления признавался только человек. Провозглашалась презумпция невиновности. Уголовное наказание должно

---

1 Сокол С. Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье. С. 171.
2 Там же. С. 173.
3 Там же. С. 174.
4 Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця).

осуществляться только по суду, а личность, которая обвинила кого-либо в злодеянии и не доказала его вины, должна была быть наказана так, как мог быть наказан обвиненный ею[1].

Вершиной правотворчества Великого княжества Литовского считается Статут 1588 года. Он действовал на землях Беларуси до 1831 года (в Виленской, Гродненской и Минской губерниях – до 1840 года).

Статут 1588 года состоял из 14 разделов и 488 статей. В них содержались нормы государственного права, положения, касающиеся брачно-семейного, земельного и гражданского права, а также нормы уголовного и уголовно-процессуального права[2].

С. Ф. Сокол отмечает, что в Статуте 1588 года нашла свое отражение теория разделения властей на законодательную (сейм), исполнительную (великий князь, административный аппарат) и судебную (Трибунал Великого княжества Литовского, земские и подкаморные суды, выборные и независимые от администрации)[3].

Таким образом, изучение правовых актов белорусского государства на начальных этапах его развития (XIII–XVII вв.) стало важным вкладом С. Ф. Сокола в формирование историко-правовой науки Беларуси.

Изучение трудов белорусских ученых-юристов.

Этому направлению посвящена монография С. Ф. Сокола и И. А. Юхо «История юридической науки Беларуси»[4].

Наиболее видными представителями белорусской школы теории государства и права С. Ф. Сокол считал таких ученых, как: А. М. Абрамович, В. Г. Дробязко, А. В. Матусевич, Н. В. Сильченко, А. Г. Тиковенко[5].

Так, в работах А. М. Абрамовича в качестве значимых положений С. Ф. Сокол указывал на теорию государственного управления, закономерности и особенности государственного строительства в Республике Беларусь, характеристику конституционных прав и свобод граждан, соотношение национального и интернационального в государственном строительстве.

В трудах профессора С. Г. Дробязко главным направлением С. Ф. Сокол считал развитие истории политических и правовых учений, а также исследование предпосылок становления в Беларуси социального государства[6].

С. Ф. Сокол выделил монографию А. В. Матусевича «Политическая система. Состояние и развитие»[7]. В ней исследовались основные тенденции развития политической системы белорусского общества. С. Ф. Сокол соглашается с выводом автора, что теоретический анализ политической системы в значительной степени отстает от потребностей развития современного общества.

В числе достижений белорусской юриспруденции С. Ф. Сокол отметил «Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік», который начал издаваться с 1992 г.[8] В его подготовке принимали участие А. Абрамович, А. Барков, А. Головко, Т. Довнар, Г. Дербина, В. Круталевич, А. Крамник, И. Мартинович, П. Павлова, В. Семенков, С. Сокол, В. Шабайлов, Ф. Хомич, В. Чигир, Н. Юркевич, И. Юхо и др.

С. Ф. Сокол высоко оценил монографию В. А. Круталевича «На путях национального самоопределения: БНР – БССР – РБ»[9]. В ней на основе исторических материалов анализируются события 1917–1919 гг., образование Белорусской Народной Республики, а затем – Белорусской Советской Социалистической республики.

Вопросам истории государства и права были посвящены труды А. Ф. Вишневского «Очерки истории государства и права Республики Беларусь (1917–1995)»[10], А. Ф. Вишневского и Т. И. Довнар «История государства и права Беларуси»[11].

Среди других работ в сфере юриспруденции С. Ф. Сокол обратил внимание на монографию И. И. Мартинович и М. И. Пастухова «Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь»[12].

---

1 Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года.
2 Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588.
3 Сокол С. Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье. С. 178.
4 Юхо И. А., Сокол С. Ф. История юридической науки Беларуси.
5 Там же. С. 83.
6 Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения.
7 Матусевич А. В. Политическая система. Кн. 1. Состояние и развитие.
8 Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік.
9 Круталевич В. А. На путях самоопределения: БНР — БССР — РБ.
10 Вишневский А. Ф. Очерки истории государства и права Республики Беларусь (1917–1995 гг.).
11 Вишневский А. Ф., Довнар Т. И. История государства и права Беларуси (1917–1996).
12 Мартинович И. И., Пастухов М. И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь.

На наш взгляд, в развитии юридической науки Беларуси следует отметить также вклад профессора И. А. Юхо. Он опубликовал более 200 научных работ по истории государства и права Беларуси. В частности, написал ряд важных статей в таких изданиях, как «Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік" (Мінск, 1995), "Асветнікі зямлі беларускай" (Мінск, 2003), "Энцыклапедыя гісторыі Беларусі", в 6 т. (1993–2004), "Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя", в 2 т. (2005–2006).

Известным исследователем истории белорусского государства является также доктор юридических наук, профессор Т. И. Довнар. Широкую популярность получили ее труды "Гісторыя дзяржавы і права Беларусі" (2007); "Гісторыя дзяржавы і права Беларусі" (2008); "Гісторыя дзяржавы і права Беларусі" (2018).

Более детального внимания заслуживает научное творчество доктора юридических наук, профессора Н. В. Сильченко, скоропостижно скончавшегося в марте 2022 г. Он является автором более 140 научных трудов, в том числе 9 монографий. Наиболее известные его работы: "Тэорыя крыніц беларускага права" (Гродно, ГрДУ імя Я. Купалы, 2012); «Теория верховенства права» (Минск, «Беларуская навука», 2015), «Источники права», сб. науч. статей (Минск, «Право и экономика», 2021).

Самый объемный труд по истории белорусского государства опубликовал доктор исторических наук, профессор А. Н. Сорокин[1].

Изучение современных проблем юриспруденции получило отражение в статьях, опубликованных в журнале «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні».

Первая из статей называется «Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина»[2]. В ней автор ставит вопрос о необходимости выделения прав человека в самостоятельную отрасль права. При этом он пытается рассмотреть данную проблему «... через призму тесной связи стремящегося к универсальности международного права и внутринационального (конституционного) права, отражающего специфику (различие) экономического, политического, правового развития отдельных стран и регионов»[3].

В статье С. Ф. Сокол проводит исторический экскурс становления всемирной системы права прав человека, начиная с Великой хартии вольностей Англии (1215 г.). Он также обращает внимание на американский Билль о правах (1791 г.), два варианта Декларации прав человека и гражданина Франции (1789 и 1793 гг.).

По мнению С. Ф. Сокола, основы права прав человека были заложены во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и Международных пактах ООН о правах человека (1966 г.).

С. Ф. Сокол сетует на то, что в действующей Конституции Республики Беларусь нет указания о прямом действии норм международных договоров, что давало бы право судам и другим государственным органам применять их в своей деятельности[4].

Он разделяет позицию доктора философских наук, профессора Л. Ф. Евменова относительно понятия «права человека», полагая, что оно (понятие) должно включать в себя три составных элемента: декларирование прав, гарантирование их государством и реализацию на практике.

С учетом изложенного С. Ф. Сокол предлагает усовершенствовать механизм защиты прав человека. При этом он возлагает большие надежды на учреждение в Республике Беларусь должности омбудсмена[5].

Второй статьей, заслуживающей внимания белорусских юристов, является статья «Правопорядок и некоторые особенности его реализации в современном мире»[6].

В этой статье С. Ф. Сокол излагает свои представления о правовом порядке. Он отмечает, что неправильно рассматривать правопорядок как реализованную законность, поскольку в таком случае «...его специфика как обособленного явления по сути дела не обнаруживается».

В числе обсуждаемых в юридической науке принципов правопорядка С. Ф. Сокол выделяет принцип правовой стабильности. С целью более эффективного применения данного принципа он предлагает разработать «...комплексную, интегральную модель, включающую наиболее ценные показатели...»[7].

---

1 Сорокин А. Н. Очерки истории белорусской государственности и права.
2 Сокол С. Ф. Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина.
3 Там же. С. 4.
4 Там же. С. 9.
5 Там же. С. 18.
6 Сокол С. Ф. Правопорядок и некоторые особенности его реализации в современном мире.
7 Там же. С. 30.

В статье уделяется внимание гарантиям правопорядка, в том числе экономическим, социальным, политическим, идеологическим, юридическим. В числе юридических гарантий автор называет «...систему специальных юридических средств укрепления законности и правопорядка, деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений»[1].

Важным средством обеспечения правопорядка С. Ф. Сокол считает учет интересов различных социальных общностей «...на основе наличия у разных политических сил общих интересов и необходимости сотрудничества в целях их защиты»[2].

В завершении статьи автор утверждает, что «...исходной базой для законности и правового порядка могут быть не всякие, а лишь правовые законы, соответствующие принципу формального равенства»[3].

Третья статья С. Ф. Сокола посвящена обеспечению смысла и целей законодательства как условия его эффективности[4]. Это сложная тема для научного исследования, поскольку предполагает разработку понятийного аппарата юридической науки.

Проведя системный анализ действующего законодательства, автор приходит к выводу о необходимости повышения эффективности нормотворческой деятельности государства.

По мнению С. Ф. Сокола, при установлении иерархии целей в законодательстве на первом месте должно быть обеспечение прав и свобод граждан.

В качестве рекомендации законодателю С. Ф. Сокол высказывает предложение «...соблюдать требование правовой определенности норм права, что позволит обеспечить максимально полное и точное соответствие выраженной в акте нормативных предписаний мысли создателя права»[5].

В этих публикациях С. Ф. Сокол показал себя как теоретик права, который может глобально оценивать законодательство и практику его применения, видеть недоработки в правовой сфере и высказывать свои суждения по улучшению ситуации.

Заключение

По прошествии времени мы видим, что С. Ф. Сокол вошел в пантеон самых известных юристов Беларуси. Прежде всего, как ученый, который исследовал взгляды в области права мыслителей прошлой Беларуси (Франциска Скорины, Михалона Литвина, Андрея Волана, Аарона (Адама) Олизаровского, Льва Сапеги, Христофора Филалета).

Позднее С. Ф. Сокол изучил вклад в развитие юридической науки и юристов-современников (И. А. Юхо, А. М. Абрамовича, С. Г. Дробязко, А. В. Матусевича, Т. И. Довнар, А. Ф. Вишневского, Н. В. Сильченко и др.). Его заслугой является также исследование основных источников белорусского права (особенно на начальных этапах истории).

Кроме научной сферы, С. Ф. Сокол проявил себя как лидер и организатор. Он длительное время возглавлял Белорусский союз юристов, учредил первый в Беларуси негосударственный юридический вуз, который позднее был преобразован в университет права и социально-информационных технологий.

Как отмечает Т. И. Довнар, «...у сваёй выкладчыцкай, навуковай і грамадскай дзейнасці ён (С. Ф. Сокал. – Аўт.) найперш кіраваўся пачуццём любові да сваёй Айчыны, менавіта таму яго цікавіла ўсё, што тычылася роднай Беларусі: гістарычныя падзеі і факты, старажытныя традыцыі, помнікі культуры, становішча народа, лёсы дзяржаўных дзеячоў і мысліцеляў, іх уплыў на развіццё дзяржаўнасці Беларусі і інш.

Несумненна, закладзеныя доктарам юрыдычных навук, прафесарам Сокалам С. Ф. навуковыя і выкладчыцкія традыцыі, як і памяць аб ім, захоўваюцца, а яго творчая спадчына будзе і ў далейшым садзейнічаць развіццю гісторыка-прававой навукі і дзяржаўнасці Беларусі"[6].

Список использованных источников

1. *Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды. – Минск: Ред. журнала «Промышленно-торговое право», 2017. – 320 с.*

2. *Вишневский, А. Ф. История государства и права Беларуси (1917–1996): курс лекций / А. Ф. Вишневский, Т. И. Довнар; Академия МВД. – Минск, 1996. – 153 с.*

1 Там же. С. 34.
2 Там же. С. 36.
3 Там же. С. 37.
4 Сокол С. Ф. Обеспечение смысла и целей законодательства как условие его эффективности.
5 Там же. С. 9.
6 Доўнар Т. І. Палітыка-прававая думка ў навуковай творчасці прафесара С. Ф. Сокала.

3. Вишневский, А. Ф. Очерки истории государства и права Республики Беларусь (1917–1995 гг.). – Минск: ТПА «Форум», 1995. – 266 с.

4. Воцінава, С.Д. Пра час, пра век і пра эпоху. Сокалаўскія навуковыя чытанні / С.Д. Воцінава // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2022. – № 1. – С. 135–140.

5. Голубева, Л.Л. Сцяпан Фёдаравіч Сокал – выдатны беларускі навукоўца, вучоны-юрыст, гісторык права / Л.Л. Голубева // Соколовские научные чтения – 2021: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 17 декабря 2021 г.); редкол.: С.И. Романюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БИП, 2022. – С. 11–13.

6. Доўнар, Т.І. Палітыка-прававая думка ў навуковай творчасці прафесара С.Ф. Сокала / Т.І. Доўнар // Соколовские научные чтения – 2021: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17 декабря 2021 г. / БИП – Ун-т права и соц.-информ. техн-й; редкол.: С.И. Романюк [и др.]. – Минск: БИП, 2022. – С. 16–19.

7. Круталевич, В.А. На путях самоопределения: БНР – БССР – РБ / В.А. Круталевич. – Минск: Право и экономика, 1995. – 138 с.

8. Мартинович, И.И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь / И.И. Мартинович, М.И. Пастухов. – Минск: Школа предпринимателя «Амалфея», 1995. – 224 с.

9. Матусевич, А.В. Политическая система: в 2 кн. / А.В. Матусевич. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – Кн. 1: Состояние и развитие / Под ред. В.И. Семенкова. – 246 с.

10. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі: энцыклапедычны даведнік / рэд. Б.І. Сачанка. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. – 670 с.

11. Сокол, С.Ф. Актуальные проблемы конституционного права прав человека и гражданина / С.Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 1. – С. 4–19.

12. Сокол, С.Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье: монография / С.Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2011. – 196 с.

13. Сокол, С.Ф. История государства и права Беларуси. Курс лекций / С.Ф. Сокол, В.А. Владимиров. – Минск: БИП-С Плюс, 2007. – 127 с.

14. Сокол, С.Ф. Обеспечение смысла и целей законодательства как условие его эффективности / С.Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2018. – № 1. – С. 4–9.

15. Сокол, С.Ф. Правопорядок и некоторые особенности его реализации в современном мире / С.Ф. Сокол // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2015. – № 4. – С. 28–36.

16. Сорокин, А.Н. Очерки истории белорусской государственности и права / А.Н. Сорокин. – Минск: Право и экономика, 2018. – 865 с.

17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. артыкулаў. – Мінск: РІВШ, 2009. – 140 с.

18. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Уводны артыкул Я.А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 351 с.

19. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 / БДУ, юрыдычны фак.; транскрыпцыя тэксту падрыхтавана: С.А. Балашэнка, Т.І. Доўнар, Л.Л. Голубевай. – Рэпрынтнае выд. – Мінск: [б.и.], 2010. – 618 с.

20. Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения / редкол.: С.А. Балашенко, Е.И. Орловская, Т.И. Довнар, Л.Л. Голубева [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – 190 с.

21. Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1988. – 608 с.

22. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік / Т.И. Довнар. – Минск: ГИУСТ, 2013. – 295 с.

23. Юхо, И.А. История юридической науки Беларуси / И.А. Юхо, С.Ф. Сокол. – Минск, 2000. – 95 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 05.05.2022.

УДК 342.8

В. Н. Цед

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Цед Владимир Николаевич *– доцент кафедры теории и истории права Гродненского филиала учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий». Сфера научных интересов: конституционное право, избирательные системы и избирательное право.*

В статье рассмотрены и проанализированы конституционные принципы избирательной системы Республики Беларусь и их развитие в законодательстве. Предлагается ряд инициатив по совершенствованию избирательной системы в контексте обсуждения проекта изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь.

Автор считает целесообразным в Республике Беларусь иметь однопалатный Парламент, избираемый по мажоритарно-пропорциональной избирательной системе.

Ключевые слова*: Конституция Республики Беларусь, избирательная система, избирательное право, избирательные цензы, представительные органы, Президент, Парламент.*

Tsed U.M.

Improvement of the electoral system of the Republic of Belarus at the present stage

The article considers and analyzes the constitutional principles of the electoral system of the Republic of Belarus and their development in the legislation. A number of initiatives have been proposed to improve the electoral system in the context of discussing the draft amendments and additions to the Constitution of the Republic of Belarus. The author considers it expedient to have a one chamber Parliament in the Republic of Belarus, elected by a majority-proportional electoral system.

Keywords*: Constitution of the Republic of Belarus, electoral system, electoral law, electoral qualifications, representative bodies, President, Parliament.*

Введение

В последние годы в белорусском обществе ведутся дискуссии о реформировании Конституции Республики Беларусь: принятии нового Основного Закона либо внесении изменений и дополнений в действующую Конституцию.

Большая часть предложений о реформировании белорусской Конституции касается перераспределения полномочий между высшими государственными органами Республики Беларусь. Высказаны отдельные предложения об изменении порядка подготовки и проведения выборов представительных органов Республики Беларусь и в целом избирательной системы.

Избирательная система является предметом исследования многих белорусских и российских ученых: Е. Г. Абраменко[1], С. А. Альфера[2], И. Б. Борисова[3], Г. А Василевича[4], И. И. Пляхимовича[5], М. Ф. Чудакова[6].

1 Абраменко Е. Г. Обеспечение равного избирательного права граждан Союзного государства.
2 Альфер С. А. Избирательное право Республики Беларусь: пособие для студентов вузов.
3 Выборы в мире: избирательные системы.
4 Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь.
5 Пляхимович И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь. Т. 1.
6 Чудаков М. Ф. Правовой статус гражданина в избирательной системе.

27 декабря 2021 года для всенародного обсуждения был опубликован проект изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, в котором в том числе предлагается скорректировать некоторые конституционные нормы об избирательной системе[1]. В данном контексте представляется возможным высказать свои суждения о совершенствовании избирательной системы Республики Беларусь.

Основная часть

На современном этапе избирательная система Республики Беларусь конституционный институт. Законодатель Главу 1 (статьи 64–72) Конституции Республики Беларусь определяет как избирательную систему[2].

Принципы избирательной системы закреплены в Конституции в определенной научной и логической последовательности, от более общих к конкретным, частным явлениям: принцип всеобщих выборов; свободных выборов; открытости и гласности подготовки и проведения выборов; равных выборов; прямых выборов депутатов; тайного голосования; обеспечения проведения выборов избирательными комиссиями; финансирования подготовки и проведения выборов за счет государства в пределах выделенных на эти цели средств, за исключением случаев, предусмотренных законом; непроведения выборов в период чрезвычайного и военного положения, отзыва депутатов и членов Совета Республики по основаниям, предусмотренным законом.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь всеобщие выборы ограничиваются следующими избирательными цензами: гражданства, возрастным, состоянием здоровья, оседлости, моральным цензом и специфическим требованием несовместимости.

Согласно действующей Конституции Республики Беларусь (на 18.02.2022 года), выборы депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности народом, являются всеобщими: право избирать имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет; пассивное избирательное право при выборах Президента Республики Беларусь – с 35 лет (по проекту изменений Конституции – с 40 лет), членов Совета Республики – с 30 лет, депутатов Палаты представителей – с 21 года, депутатов местных Советов – с 18 лет. В выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей (данная норма в проекте изменений Конституции отсутствует).

Думается, в контексте презумпции невиновности необходимо предоставить активное избирательное право гражданам, находящимся под стражей. Автор подробно регламентировал данное предложение в своей статье в главе 5 монографии «Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь» в 2019 году[3].

На современном этапе Конституция Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь не ограничивают избирательные права граждан Республики Беларусь, которые обладают гражданством иного (иных) государств. В данном контексте проект изменений и дополнений Конституции на 18.02.2022 г. предполагает значительно ограничить пассивное избирательное право при выборах Президента: Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 40 лет, обладающий избирательным правом, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.

Думается, право замещать все высшие государственные должности в Республике Беларусь должно принадлежать только гражданам Республики Беларусь, которые не имеют иного гражданства, а не только должность Президента, как согласно проекту Конституции. Соответствующие изменения целесообразно внести в Конституцию Республики Беларусь.

Ограничение пассивного избирательного права граждан Республики Беларусь на основании иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества, видится неприемлемым в контексте возможного произвольного толкования данной

[1] Проект изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения (по состоянию на 27 декабря 2021 г.).

[2] Конституция Республики Беларусь 1994 года.

[3] Цед В. Н. Совершенствование активного избирательного права в Республике Беларусь.

нормы. Также желательно оставить без изменений ценз оседлости. Полагаем, 20-летний срок постоянного проживания непосредственно перед выборами является весьма значительным по сравнению с действующим 10-летним.

Согласно частям 2 и 3 статьи 64 Конституции Республики Беларусь, возрастной ценз депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности, определяется соответствующими законами, если иное не предусмотрено Конституцией; любое прямое или косвенное ограничение избирательных прав граждан в других случаях является недопустимым и наказывается согласно закону. Тем не менее указанной конституционной норме противоречат следующие положения Избирательного кодекса:

– Центральная комиссия, окружная, территориальная избирательная комиссия отказывает в регистрации кандидата в Президенты Республики Беларусь, в депутаты в случае наличия судимости у лица, выдвинутого кандидатом (статья 68 прим. Избирательного кодекса);

– В случае проведения повторных выборов кандидатами в Президенты Республики Беларусь не могут вновь баллотироваться граждане Республики Беларусь, снявшие без уважительных причин свои кандидатуры в первом туре выборов (часть 4 статьи 81 Избирательного кодекса); почти такие же ограничения закреплены и при выборах депутатов Палаты представителей и депутатов местных Советов (часть 5 статьи 87 и часть 3 статьи 94 Избирательного кодекса)[1].

Подобные ограничения неприемлемы, поскольку они не являются нормами прямого действия. Более того, некоторые из них могут быть произвольно расширены законодателем вне рамок избирательного законодательства.

Избирательные цензы на высшие государственные должности не должны устанавливаться избирательным или иным законом, если они не предусмотрены в Конституции.

Полагаем, видится необходимость все избирательные цензы закрепить в статье 64 Конституции Республики Беларусь, также в контексте совершенствования конституционных принципов избирательной системы целесообразно уточнить и дополнить статью 67 о прямых выборах Президента Республики Беларусь и о косвенных выборах 56 из 64 членов Совета Республики Национального собрания.

Как отмечалось автором ранее в статье журнала молодежного научного общества[2], принцип отзыва депутатов и членов Совета Республики по основаниям, предусмотренным законом, не является принципом избирательной системы, так как отзыв – институт, противоположный выборам, и, прежде всего, касается конституционно-правового статуса депутата и члена Совета Республики и, соответственно, должен быть закреплен в главе 4 Конституции «Парламент», а не в главе 1 «Избирательная система».

В юридической и иной литературе избирательная система также рассматривается с технологической точки зрения как способ распределения мандатов и подведения итогов выборов. Например, данной точки зрения придерживался известный российский конституциовед, доктор юридических наук Б. А. Страшун[3].

На современном этапе в большинстве государств законодательно закреплены следующие виды избирательной системы: мажоритарная относительного большинства, мажоритарная абсолютного большинства, пропорциональная и смешанная (мажоритарно-пропорциональная).

Какая из них лучше? В какой пропорции использовать мажоритарно-пропорциональную избирательную систему? Думается, все зависит от вида избираемого представительного органа и конкретно-исторического момента общественного развития.

В главе «Избирательная система» Конституция Республики Беларусь не определяет вид избирательной системы, по которой проводятся выборы представительных органов. Однако в разделе IV, статьях 82 и 93 Конституции закрепляются признаки мажоритарной избирательной системы при выборах Президента Республики Беларусь и депутатов Палаты представителей Национального собрания.

В данном контексте за последнее десятилетие избирательная система Республики Беларусь претерпела некоторые изменения. Первоначально, президентские, парламентские выборы и выборы в местные Советы депутатов проводились по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства. С 2010 года, согласно Избирательному кодексу Республики Беларусь, при выборах депутатов местных Советов закреплялась мажоритарная избирательная система относительного большинства, при выборах депутатов Палаты представителей

1 Избирательный кодекс Республики Беларусь.
2 Цед В. Н. О совершенствовании Избирательного кодекса Республики Беларусь.
3 Конституционное (государственное) право зарубежных стран.

Национального собрания в первом туре – мажоритарная избирательная система абсолютного большинства, во втором туре – мажоритарная избирательная система относительного большинства. С 2015 года, в соответствии с Избирательным кодексом Республики Беларусь, при выборах депутатов Палаты представителей Национального собрания и депутатов местных Советов закреплялась мажоритарная избирательная система относительного большинства. Также Избирательный кодекс уже не определял обязательный порог 50 процентов явки избирателей при выборах в местные Советы, однако остался в законодательстве при выборах Президента и депутатов Палаты представителей Национального собрания.

На современном этапе в Республике Беларусь при выборах Президента используется мажоритарная избирательная система абсолютного большинства, при выборах депутатов Палаты представителей и депутатов местных Советов — мажоритарная избирательная система относительного большинства. Думается, в перспективе при парламентских выборах и выборах местных Советов депутатов необходимо перейти от мажоритарной избирательной системы к смешанной мажоритарно-пропорциональной.

В современных условиях действующие конституции зарубежных государств закрепляют двухпалатную структуру парламента исходя из федеративного устройства (Аргентина, Бразилия, Мексика, Пакистан, Россия, США, Швейцария и др.) или множества автономий и заморских территорий (Испания, Италия, Франция и др.) либо основываясь на исторических традициях бикамерализма (Великобритания, Польша и др.). Считаем целесообразным в Республике Беларусь иметь однопалатный Парламент.

Как уже отмечалось автором в более ранней публикации, в Беларуси, небольшом по территории и численности населения унитарном государстве без национальных и иных автономий, у граждан республики в зависимости от места проживания нет каких-либо существенных различий в экономических, политических и социальных интересах. Значит, и нет необходимости иметь в Парламенте Республики Беларусь палату территориального представительства, которая бы их отстаивала[1]. Убежден в данном суждении.

Советом Республики Национального собрания за 25 лет функционирования разработаны и внесены в порядке законодательной инициативы менее 1 % законопроектов от их общего числа. Соразмерный с указанным и процент возражений и дополнений Совета Республики на законопроекты, принятые Палатой представителей.

Представляется, состав однопалатного Парламента Беларуси не должен быть более 120 депутатов, например, в соседних государствах: в Сейме Латвии – 100 представителей народа, в Сейме Литвы – 141 депутат, в Рийгикогу Эстонии – 101 депутат и т.д.

Как докладывал автор во время круглого стола, посвященного двадцатилетию Гродненского филиала БИП – Институт правоведения, однопалатный Парламент Беларуси желательно избирать по смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе: 2/3 – по мажоритарной избирательной системе относительного большинства, 1/3 – по избирательной системе пропорционального представительства политических партий с двухпроцентным заградительным пунктом[2]. При распределении мандатов желательно использовать метод делителей Сент-Лагюе, благоприятствующий малым партиям.

Полагаем, с развитием в Беларуси партийной системы, при выборах депутатов однопалатного Парламента второго созыва соотношение избираемых депутатов по мажоритарной и пропорциональной избирательной системе должно быть равным.

Заключение

Проведенный анализ избирательной системы Республики Беларусь позволяет сделать следующие выводы.

Принципы избирательной системы закреплены в Конституции в определенной научной и логической последовательности; законодатель Главу 1 (статьи 64–72) Конституции Республики Беларусь определяет как избирательную систему.

Принцип отзыва депутатов и членов Совета Республики по основаниям, предусмотренным законом, не является принципом избирательной системы, так как отзыв институт, противоположный выборам, и прежде всего касается конституционно-правового статуса депутата и члена Совета Республики, и, соответственно, целесообразно его закрепить в главе 4 Конституции «Парламент».

---

1 Цед В. Н. О структуре и порядке формирования Парламента Республики Беларусь.

2 Цед В. Н. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Республики Беларусь.

Избирательные цензы на высшие государственные должности не должны устанавливаться избирательным или иным законом, если они не предусмотрены в Конституции. Необходимо все избирательные цензы закрепить в статье 64 Конституции Республики Беларусь. Статью 68 прим. и часть 4 статьи 81 Избирательного кодекса необходимо привести в соответствие с Конституцией Республики Беларусь.

Право замещать все высшие государственные должности в Республике Беларусь должно принадлежать только гражданам Республики Беларусь, которые не имеют иного гражданства.

В перспективе в Республике Беларусь представляется целесообразным однопалатный Парламент.

Видится необходимость при парламентских выборах и выборах местных Советов депутатов перейти от мажоритарной избирательной системы к смешанной мажоритарно-пропорциональной.

Реализация предложенных инициатив по совершенствованию избирательной системы Республики Беларусь и структуры Парламента Республики Беларусь будет способствовать проведению свободных и справедливых выборов, позволит значительно усилить представительную и законодательную функции Парламента и упростит законодательный процесс. Также снизятся государственные расходы на финансирование законодательного органа Республики Беларусь, что весьма актуально на современном этапе.

Безусловно, необходимо проводить изменения избирательного законодательства комплексно и подробно регулировать избирательный процесс по выборам представительных органов в Избирательном кодексе Республики Беларусь.

Осуществление предложенных инициатив видится в контексте обязательного соблюдения прав и свобод человека и гражданина, гарантированности средств, способов и методов обеспечения и защиты прав и свобод, закрепленных на современном этапе действующей Конституцией Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. *Абраменко, Е. Г. Обеспечение равного избирательного права граждан Союзного государства / Е. Г. Абраменко // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2018 г.: в 2 ч. / редкол.: А. А. Лазаревич, В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2018. – Ч. 1. – С. 3–6.*
2. *Альфер, С. А. Избирательное право Республики Беларусь: пособие для студентов вузов / С. А. Альфер. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2010. – 343 с.*
3. *Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. – 2-е изд., перераб. – Минск: Вышэйшая школа, 2021. – 407 с.*
4. *Выборы в мире: избирательные системы / И. Б. Борисов, А. Г. Головин, А. В. Игнатов; под общ. ред. И. Б. Борисова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2015. – 200 с.*
5. *Избирательный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2019. – 167 с.*
6. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Отв. ред. Б. А. Страшун. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 580 с.*
7. *Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.: в ред. Закона от 12 октября 2021 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/. – Дата доступа: 18.02.2022.*
8. *Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2 т. / И. И. Пляхимович. – Минск: Амалфея, 2015. – Т. 1. – 1221 с.*
9. *Проект изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь для всенародного обсуждения (по состоянию на 27 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution/constitution_projecthttp:/. – Дата доступа: 18.02.2022.*
10. *Цед, В. Н. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Цед // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2015. – № 2. – С. 210–216.*
11. *Цед, В. Н. О совершенствовании Избирательного кодекса Республики Беларусь / В. Н. Цед // Вестник молодежного научного общества. – 2002. – № 2. – С. 20–23.*
12. *Цед, В. Н. О структуре и порядке формирования Парламента Республики Беларусь / В. Н. Цед // Роль гражданского общества, социального и правового государства в защите и реализации прав человека: материалы II межвузовской научно-практической конференции; ред. кол.: С. И. Викторова [и др.]. – Гродно: УП Экоперспектива, 2012. – С. 105–107.*
13. *Цед, В. Н. Совершенствование активного избирательного права в Республике Беларусь / В. Н. Цед // Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь: монография / под ред. М. И. Пастухова. – Минск: БИП, 2019. – С. 63–67.*
14. *Чудаков, М. Ф. Правовой статус гражданина в избирательной системе: науч.-прав. и практ. пособие / М. Ф. Чудаков; Белорус. центр конституционализма и сравн.-правовых исслед. – Минск: Тесей, 2001. – 35 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

УДК 343.62

Т. Г. Хатеневич

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПТИМИЗАЦИИ

Хатеневич Татьяна Геннадьевна *– доцент кафедры специальных юридических дисциплин Гродненского филиала учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов: уголовное право, институт освобождения от уголовной ответственности, теория криминализации, уголовно-правовые средства охраны интересов несовершеннолетних.*

В статье анализируются обстоятельства, характеризующие объективные и субъективные свойства криминализированного деяния – вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, учтенные в процессе законотворческой деятельности. Это такие обстоятельства, которые отражают в концентрированном виде общественную опасность рассматриваемого деяния и свидетельствует о необходимости уголовно-правового запрета в системе уголовно-правовой охраны общественных отношений (критерии криминализации). Определяются основание и причины установления и корректировки уголовно-правового запрета на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Обосновано включение нового криминообразующего признака в закрепленную в уголовном законе редакцию статьи о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. В работе предложено использовать в качестве признака, повышающего типовую степень общественной опасности преступления, использование глобальной компьютерной сети Интернет. Предложение формулируется в целях усиления уголовно-правовой охраны жизненно важных интересов ребенка в транспарентном мире.

Ключевые слова*: криминализация, вовлечение несовершеннолетнего в преступление, уголовно-правовой запрет, интересы несовершеннолетнего.*

Khatsianevich T. G.

Criminalization of the involvement of a minor in the commission of a crime: modern approaches and prospects for optimization

The article analyzes the circumstances that characterize the objective and subjective properties of a criminalized act as involving a minor in the commission of a crime. Reflecting in a concentrated form the public danger of the act in question and testifying the need for a criminal law prohibition in the system of criminal law protection of public relations (criteria of criminalization), the circumstances are taken into account in the process of lawmaking. The basis and reasons for the establishment and adjustment of the criminal-legal prohibition on the involvement of a minor in the commission of a crime are determined. The inclusion of a new crime-generating feature in the wording of the article on the involvement of a minor in the commission of a crime enshrined in the criminal law has been substantiated. The paper proposes to use the Internet as a sign that increases the typical degree of social danger of a crime. The proposal is formulated in order to strengthen the criminal law protection of the vital interests of the child in a transparent world.

Keywords*: criminalization, involvement of a minor in a crime, criminal law prohibition, interests of a minor.*

Введение

В большинстве случаев взрослые, родители, воспитатели и лица, их заменяющие, сознательно и ответственно выполняют возложенные на них обязанности по воспитанию детей и заботе о них. Однако встречаются случаи, когда взрослые не только не исполняют такие

обязанности, но и сами причиняют вред нормальному физическому и нравственному развитию детей и даже втягивают их в совершение антиобщественных поступков. Наибольшую опасность представляют случаи, когда в результате отрицательного поведения взрослых создаются условия для нарушения детьми требований уголовного закона. Поэтому государство, охраняя права и законные интересы ребенка, закрепляет систему уголовно-правовых запретов на подобное поведение взрослых.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) содержатся нормы, предусматривающие ответственность за такие деяния, как, например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией в отношении заведомо несовершеннолетнего, склонение к самоубийству заведомо несовершеннолетнего, склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов заведомо несовершеннолетнего и др. При этом законодатель помещает соответствующие уголовно-правовые запреты в различные разделы и главы УК, учитывая критерий приоритетности, степени важности охраняемого основного объекта посягательства.

Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления законодателем предусмотрена в ст. 172 УК, которая включена в главу 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних». Установление данного запрета осуществлено посредством криминализации деяния, имеющего основным объектом, следует полагать, исходя из названия главы, интересы несовершеннолетнего. В то же время нужно учитывать, что закрепление ответственности и ее пределов за преступления, в которых несовершеннолетний выступает потерпевшим, осуществляется и при помощи других средств законодательной техники. Например, путем криминализации деяний, нарушивших какой-либо иной объект охраны, в случае совершения деяния против несовершеннолетних (изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего), дифференциацией ответственности за преступления против интересов несовершеннолетних путем конструирования квалифицированных составов преступлений (склонение к самоубийству заведомо несовершеннолетнего).

Разработкой проблем уголовно-правового противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления в Республике Беларусь занимались Д. Л. Гулякевич[1], А. А. Примаченок[2], О. О. Топорикова[3] и другие ученые. Д. Л. Гулякевичем уголовно-правовые вопросы борьбы с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления рассматривались в контексте функционирования всей системы уголовно-правовых средств охраны ребенка[4], А. А. Примаченком – в рамках определения содержания уголовно-правовых признаков совершенного деяния[5], О. О. Топориковой – в свете проблем квалификации преступления[6]. При этом правовая оценка вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления продолжает оставаться актуальным вопросом для исследований, так как определено множество спорных мнений относительно толкования криминообразующих признаков. Кроме того, до настоящего времени еще не была обозначена в научной литературе проблема совершенствования редакции уголовно-правового запрета вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с учетом современных процессов цифровизации общественных отношений, что находит выражение в трансформации способов совершения преступления и отражается на динамике вовлечения детей в различного рода негативные проявления современной жизнедеятельности.

Основная часть

Необходимость усиленной уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетнего очевидна. И это не ставится в литературе под сомнение. Например, Д. Л. Гулякевич, анализируя вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, констатирует, что «общая тенденция уголовной политики Беларуси,

[1] Гулякевич Д. Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь; Гулякевич Д. Л. Санкционное обеспечение ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественное поведение.
[2] Примаченок А. А. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних.
[3] Топорикова О. О. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних.
[4] Гулякевич Д. Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь.
[5] Примаченок А. А. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних.
[6] Топорикова О. О. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних.

направленная к сокращению использования наказания в виде лишения свободы, не должна отражаться на санкционном обеспечении уголовно-правовой охраны ребенка»[1]. При этом каждый случай корректировки способов и пределов криминализации, включая пенализацию деяния, требует особого обоснования. Такое обоснование предполагает учет оснований и принципов криминализации, характеристику критериев криминализации.

Основанием криминализации всегда выступает общественная опасность деяния[2]. Общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления заключается в том, что такое деяние образует отличительную форму безразличия к ребенку, его нормальному нравственному и физическому развитию. О. О. Топорикова общественную опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления усматривает «в формировании у несовершеннолетнего устойчивого антисоциального поведения, представлений о возможности противоправной деятельности без ответственности за ее осуществление»[3]. Ребенок является неполноценным в физическом, психическом и социальном отношении, нуждается в силу своего состояния в особой заботе, в специальной правовой защите. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних является гарантией реализации особенного отношения государства к подрастающему поколению.

Причин криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления несколько. К ним на сегодняшний день, на наш взгляд, следует отнести: (1) международные соглашения, в которых участвует Республика Беларусь, (2) необходимость укрепления гарантий охраны конституционных прав и свобод детей, (3) историко-правовой опыт, а также (4) целесообразность дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и за вовлечение в различные формы антиобщественного и просто негативного поведения.

Ребенок в механизме уголовно-правового регулирования рассматривается как общепринятая в международном праве ценность, подлежащая особой защите. Необходимость ее особой защиты признана во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Важными вехами в развитии правовой защиты прав ребенка стало принятие Женевской Декларации прав ребенка в 1924 г., Декларации прав ребенка в 1959 г. С целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации международное сообщество продолжает принимать необходимые меры. В 1989 г. принята Конвенция о правах ребенка, согласно которой ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту. В статьях 33 и 34 особо определена необходимость защиты детей от использования в противозаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ, от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. Предупреждение преступности несовершеннолетних мировым сообществом рассматривается как одно из основных направлений борьбы с преступностью. В 1985 г. в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), предложено государствам разработать стандарты предупреждения преступности несовершеннолетних.

В Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г. отмечается, что предупреждение преступности среди несовершеннолетних является важным аспектом предупреждения преступности в обществе. В числе мер предусмотрена необходимость принятия законодательства, запрещающего использование детей как орудия в преступной деятельности.

Международно-правовые нормы служат основой формирования современной белорусской ювенальной политики. При этом основным национальным актом является Конституция Республики Беларусь. В Конституции Республики Беларусь определяются личные, социально-экономические, политические права детей. В статье 32 Конституции Республики Беларусь установлено принципиальное положение о том, что детство находится под защитой государства. Также в этой статье устанавливается обязанность родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному и нравственному развитию.

---

1 Гулякевич Д. Л. Санкционное обеспечение ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественное поведение. С. 668.

2 Хатеневич Т. Г. Причины, основание, принципы и критерии криминализации в уголовно-правовой науке. С. 96.

3 Топорикова О. О. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних. С. 365.

Необходимость гарантирования реализации указанных конституционных норм, в том числе уголовно-правовыми средствами, является одной из причин поддержания криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, обособление его как самостоятельного уголовно-правового запрета.

Историческая обусловленность рассматриваемой запретительной нормы – еще одна причина ее закрепления в уголовном законе. За вовлечение ребенка в совершение преступления была предусмотрена ответственность в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в отношении родителей, опекунов и попечителей (ст. 1587, ст. 1660). В УК БССР 1928 г. была включена ст. 232–1, предусматривающая ответственность за подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в различных преступлениях. В Уголовном кодексе БССР 1960 г. предусматривалось наказание за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. Рассматриваемый уголовно-правовой запрет является, по выражению Д. Л. Гулякевича, исторически сложившимся, традиционным[1], относительно стабильным.

Четвертой причиной криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является целесообразность – необходимость дифференциации ответственности за различные виды вовлечения несовершеннолетнего в негативное поведение. В уголовном законе различными способами закреплена ответственность также за вовлечение в антиобщественное поведение, склонение к употреблению наркотических средств, склонение к самоубийству с учетом основного объекта преступного посягательства и опасности деяний, в которые вовлекается несовершеннолетний. Не на всех исторических отрезках времени развития законодательства ответственность за вовлечение несовершеннолетнего во вредное поведение была закреплена в различных самостоятельных статьях уголовного закона, тем самым ныне предусмотрена дифференциация ответственности за разные виды вовлечения.

Указанные причины криминализации образуют причинный комплекс, обусловливающий закрепление уголовно-правового запрета на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в отечественном законодательстве. Между тем криминализация должна проводиться с учетом прикладных принципов, в соответствии с которыми устанавливается необходимый и эффективный уголовно-правовой запрет. Единства в науке уголовного права относительно видов принципов (или условий) криминализации нет. Но ряд принципов называются неизменно в различных разработанных и представленных в науке системах принципов. Это принцип достаточности общественной опасности, принцип относительной распространенности криминализируемых деяний, принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение, принцип преобладания позитивных последствий в криминализации, принцип неизбыточности уголовно-правового запрета, принцип своевременности криминализации[2].

Представляется, что при осуществлении криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления соблюдались указанные принципы. Рассматриваемое запрещенное УК деяние является вредоносным для общества настолько, что требует применения самых строгих мер государственного принуждения. Общественная опасность выражается в объекте посягательства – общественных отношениях, которые, как отмечает А. А. Примаченок, «обеспечивают правопослушное воспитание несовершеннолетних в духе уважения и соблюдения уголовных законов»[3], в самом характере совершаемого деяния, которое серьезно нарушает права и посягает на интересы ребенка. Причиняется вред государству, обществу, которые затрачивают существенные ресурсы на формирование у подрастающего поколения готовности к общественно полезному поведению. Ю. Е. Пудовочкин справедливо полагает, что такое преступление посягает на право несовершеннолетнего на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию[4]. Нарушается нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего. В целом отметим, что в литературе представлено многообразие определений объектов рассматриваемого преступления.

Реализация принципа возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение предполагает учет того, сможет ли уголовно-правовая норма эффективно бороться с общественно-опасными деяниями, сможет ли введенный

---

1 Гулякевич Д. Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь. С. 142.

2 Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. С. 287–298; Хатеневич Т. Г. Причины, основание, принципы и критерии криминализации в уголовно-правовой науке. С. 95.

3 Примаченок А. А. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних. С. 139.

4 Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. С. 91.

уголовно-правовой запрет превентивно воздействовать хотя бы на отдельных субъектов. Несомненно, что вред, причиненный применением мер уголовной ответственности за деяние, запрещенное статьей 172 УК, явно меньше того вреда, который причиняется таким поведением, ибо физическое, моральное и нравственное благополучие ребенка – в числе основных ценностей человеческого общества, измерить же степень вреда, причиняемого правам и интересам несовершеннолетнего, вообще затруднительно.

Как отмечает Н. А. Лопашенко, принцип своевременности уголовно-правового запрета означает, что криминализация должна проводиться именно тогда, когда появилось ее основание – общественно-опасное деяние[1]. В этом отношении, учитывая, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления как запрет имеет достаточно глубокие исторические корни, а как преступление в структуре преступности занимает прочное место издавна, криминализацию следует оценивать как своевременную. Однако отметим, что вопросы повышенной уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетнего, стали рассматриваться в науке уголовного права сравнительно недавно, а также на уровне международного сообщества впервые необходимость особой защиты прав детей была признана в 1924 г. в Женевской декларации прав ребенка. Конвенция ООН о правах ребенка, обязывающая государства принять все необходимые меры (в том числе и уголовно-правовые) для обеспечения прав ребенка и их защиты, была принята лишь в 1989 г.

Теория криминализации оперирует такими понятиями, как криминообразующие признаки (критерии криминализации). По определению А. И. Коробеева, это такие обстоятельства, которые характеризуют объективные и субъективные свойства криминализируемых деяний и подлежат учету в процессе законотворческой деятельности с целью создания оптимальных моделей уголовно-правовых норм[2]. Такие обстоятельства отражают в концентрированном виде общественную опасность деяния и свидетельствуют о необходимости его криминализации.

Одним из критериев криминализации выступает объект рассматриваемого деяния – общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое здоровье, нравственное и духовное развитие несовершеннолетнего. Еще одним важным критерием криминализации является возраст потерпевшего – несовершеннолетнего как лица, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет (п. 8 ч. 2 ст. 4 УК). Следует в этой связи отметить несогласованность с нормами международного права применяемой в уголовном законе терминологии. Как известно, в ст. 172 УК используется термин «несовершеннолетний», в то время как в Конвенции о правах ребенка ребенок определяется как «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». Думается, что прогнозируемым будет устранение в будущем данного несоответствия.

Для создания оптимальной модели уголовно-правовой нормы требуется, как правило, несколько криминообразующих признаков, как это предусмотрено во многих составах преступлений. Однако «количество криминообразующих признаков часто связано с опасностью деяния: чем выше опасность, тем меньше криминообразующих признаков использует законодатель, и наоборот»[3]. К таким преступлениям относится и рассматриваемое деяние. Его в основном характеризует такой признак, как общественно опасное деяние. Основным обстоятельством, свидетельствующим о достаточной для уровня преступного степени общественной опасности, будет выступать характер самого деяния, выражающийся в особой форме склонения несовершеннолетнего к совершению преступления.

Законодатель использует для характеристики деяния термин «вовлечение». Его определение как криминообразующего признака относится к числу проблемных вопросов, связанных с необходимостью единообразного толкования. Зачастую его различное понимание не способствует принятию правомерных решений в практической деятельности, а также правильной квалификации преступления. Вовлечение – это умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на склонение несовершеннолетнего к совершению преступления. Таким образом, деяние выражается в совершении действий, активное поведение проявляется в возбуждении желания совершить преступление. Однако виновный не просто возбуждает желание совершить преступление, но и втягивает потерпевшего в такое поведение. Действия взрослого по вовлечению должны объективироваться в совершении несовершеннолетним преступления, что и образует внешнюю сторону оконченного деяния.

---

1 Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. С. 297.

2 Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. С. 88.

3 Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. С. 300.

В соответствии со ст. 10 УК основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного уголовным законом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления. Это означает, что совершение преступления предполагает и стадию приготовления к преступлению, и стадию покушения на преступление. Поэтому, следует полагать, при приготовлении несовершеннолетним к совершению преступления деяние, предусмотренное ст. 172 УК Республики Беларусь, будет считаться оконченным. Эта позиция представлена и в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее – постановление Пленума)[1].

Законодатель оставляет перечень способов вовлечения открытым. Это обещания, обман или иной способ. В п. 17 постановления Пленума указано, что под иным способом необходимо понимать действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений. Такие действия могут быть сопряжены с применением как физического, так и психического воздействия (убеждение, обман, запугивание, уверение в безнаказанности, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти и других низменных побуждений, а равно инициирование преступления советами о месте и способе совершения преступления, обещанием сокрыть следы преступления, оказать содействие в сбыте похищенного и т.п.)[2]. Эти способы следует отграничивать от применения насилия или угрозы его применения, которые следует оценивать по ч. 2 ст. 172 УК. При этом следует учитывать, что совершение преступления на глазах у несовершеннолетнего само по себе не образует вовлечения как криминообразующего признака.

Конструкция состава рассматриваемого преступления не предусматривает наступление общественно опасных последствий. Поэтому по делам данной категории нет необходимости устанавливать причинную связь между совершенным деянием и возможными общественно опасными последствиями.

Одним из проблемных вопросов криминализации рассматриваемого деяния является вина. При квалификации рассматриваемого деяния следует устанавливать вину в соответствии с определенными в УК критериями умысла. На практике возникает вопрос относительно вида умышленной формы вины. В п. 16 постановления Пленума указано, что «уголовная ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в преступление... наступает при доказанности умышленной вины (прямого или косвенного умысла), то есть что он был достоверно осведомлен о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица»[3].

Заведомость – криминообразующий признак, указывающий, что виновному в момент совершения общественно опасного деяния должно быть известно о том, что вовлекаемое лицо является несовершеннолетним. Мотивы и цели вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на квалификацию не влияют, но могут быть учтены в процессе индивидуализации ответственности.

Еще одним критерием криминализации выступает субъект преступления. Необходимо обратить внимание на возрастной ценз субъекта преступления, учитывая, что потерпевшим является лицо до восемнадцати лет. Законодатель определяет различный возраст субъектов преступлений, потерпевшими от которых может выступать ребенок различного возраста: например, 14 лет – п. 2 ч. 2 ст. 139 УК, п. 1 ч. 2 ст. 147 УК; 16 лет – ст. 165 УК, ч. 3 ст. 166 УК, 18 лет – ст. 172 УК. По данному вопросу следует поддержать высказанную Ю. Е. Пудовочкиным точку зрения, заключающуюся в том, что «осознавать опасность совершения преступления против несовершеннолетнего может только взрослое лицо»[4]. Автор предлагает установить в УК перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 18 лет и «сделать исключение для родителей несовершеннолетнего и лиц, профессионально занимающихся воспитанием детей, которые (лица) должны привлекаться к ответственности за совершенное против детей преступление независимо от достижения ими совершеннолетия»[5]. Надлежит тщательно выяснять характер взаимоотношений между взрослым и несовершеннолетним, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления. Имеет значение для уголовно-правовой оценки деяния, являлся ли взрослый родственником несовершеннолетнему. Так, в квалифицированном составе преступления, предусмотренном в ч. 2 ст. 172

1 О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних.
2 О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних.
3 Там же.
4 Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. С. 80.
5 Там же. С. 80.

УК, субъект преступления как криминообразующий признак приобретает специальные характеристики – это родитель, педагогический работник или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В этой связи надо отметить, что на практике с учетом новых общественных отношений могут возникнуть сложности при оценке поведения суррогатной матери. Если женщина заключила договор суррогатного материнства, она не может признаваться родителем. К ним относятся отец и мать, определенные родителями ребенка в записи акта о рождении.

В целом установление ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления создает надежный барьер для производства и распространения вредоносной информации среди детей[1]. В этом случае запрещенная информация является средством нарушения права несовершеннолетнего на защиту от информации, опасной для его физического здоровья, нравственного и духовного развития. Способы совершения преступления, связанные с применением насилия или его угрозой, учтены при криминализации и влекут более строгое наказание. Одновременно следует учесть при дифференциации ответственности использование для совершения преступления глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи. Сама природа сети Интернет является благоприятной для совершения преступлений. Такие свойства сети, как глобальность, трансграничность, анонимность пользователей, охват широкой аудитории, распределение основных узлов сети и их взаимозаменяемость создают преступникам, использующим Интернет, преимущества на всех этапах совершения преступления, а также позволяют эффективно скрываться от правоохранительных органов. Расширение границ цифрового мира вызывает необходимость по-новому рассмотреть пределы криминализации деяний, направленных против интересов детей. Появление новых возможностей для передачи информации обусловило рождение новых способов совершения многих видов преступлений против детей либо облегчило их совершение, привело к увеличению числа совершенных таких преступлений. Поэтому при криминализации деяний, обладающих высокой степенью общественной опасности и посягающих на права и законные интересы несовершеннолетних, необходимо принимать во внимание современные условия распространения информационно-коммуникационных сетей и необходимость специальной защиты интересов детей в условиях транспарентного мира.

В аспекте сравнительного правоведения приведем опыт установления в УК Республики Казахстан повышенной уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет. В частности, в части второй ст. 132 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений» УК Республики Казахстан предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет.

Заключение

1. Причинный комплекс, обусловливающий уголовно-правовой запрет на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, составляют международно-правовые рекомендательные нормы, конституционно-правовые установления, дифференциация ответственности с учетом объекта преступления и опасности деяний, в которые вовлекается несовершеннолетний, а также традиционность, историческая обусловленность нормы.
2. Круг проблемных вопросов толкования в правоприменительной практике содержания критериев криминализации, которым еще не посвящено внимание в руководящих разъяснениях высшей судебной инстанции, достаточно широк. К ним относится необходимость разъяснения такого понятия, как вовлечение с учетом отграничения от понятия склонения, применяемого при определении подстрекательства к преступлению, уточнение содержания иных способов вовлечения, разграничение с насильственными способами, с одной стороны, и правомерным поведением, с другой стороны. Необходима имплементация понятия ребенка как потерпевшего в соответствии с рекомендациями международных актов, а также толкование признаков субъекта преступления с учетом новых общественных отношений и др.

[1] Хатеневич Т. Г. Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений. С. 31–32.

3. Современные условия развития инфраструктуры информационно-коммуникационных систем создают предпосылки для совершенствования правового регулирования возникающих новых общественных отношений. В этих отношениях необходимо обеспечить информационную безопасность ребенка как субъекта, обладающего особыми уязвимостями. Пристальное внимание к мерам правовой защиты несовершеннолетнего обусловлено его возрастными, психологическими и физиологическими особенностями как растущей и развивающейся личности. В целях усиления уголовно-правовой охраны жизненно важных интересов ребенка в транспарентном мире следовало бы строить модель уголовно-правового запрета на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с учетом нового квалифицирующего признака. В качестве критерия криминализации, признака, повышающего типовую степень общественной опасности преступления, можно было бы учесть такой способ получения и распространения информации как использование глобальной компьютерной сети Интернет.

Список использованных источников

1. *Гулякевич, Д.Л. Санкционное обеспечение ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и в антиобщественное поведение / Д.Л. Гулякевич // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. трудов. Выпуск 13.– Минск: Колорград, 2018.– С. 659–668.*
2. *Гулякевич, Д.Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Л. Гулякевич.– М., 2015.– 266 с.*
3. *Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев.– Владивосток, 1987.– 268 с.*
4. *Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко.– СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.– 339 с.*
5. *О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (в ред. от 31 марта 2016 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2022.*
6. *Примаченок, А.А. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних / А.А. Примаченок // Уголовное право. Особенная часть: учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.]; под ред. В.А. Кашевского; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь».– Минск: Акад. МВД, 2012.– С. 137–151.*
7. *Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних / Ю.Е. Пудовочкин.– СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.– 293 с.*
8. *Топорикова, О.О. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних / О.О. Топорикова // Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука.– Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019.– С. 364–374.*
9. *Хатеневич, Т.Г. Причины, основание, принципы и критерии криминализации в уголовно-правовой науке / Т.Г. Хатеневич // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства.– 2012.– № 4.– С. 90–96.*
10. *Хатеневич, Т.Г. Совершенствование средств уголовно-правовой охраны прав ребенка в условиях цифровизации общественных отношений / Т.Г. Хатеневич // Юстиция Беларуси.– 2020.– № 8.– С. 31–36.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

УДК (331. 1) (349.22)

А. В. Ясинская-Казаченко

ОПТИМАЛЬНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ТРУДОВЫМ ДЕЛАМ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ

Ясинская-Казаченко Анжелика Васильевна *– доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет». Сфера научных интересов: трудовые споры, цикличность и повторяемость в праве, общетеоретические и исторические аспекты, судебная практика как самостоятельное явление в праве, вопросы теории судебной практики, защита прав, свобод и законных интересов, примирение, посредничество, переговоры, третейское разбирательство.*

В статье показано правовое регулирование трудового спора в его историческом аспекте, включая дореволюционный и советский период, которые закладывают исходные позиции для целого ряда дальнейших исследований, осмысления поставленных задач, но до сих пор не разрешенных до конца – защиты прав и законных интересов работников. Особое внимание в свете институционального подхода нацелено в работе на: состав признаков трудового спора; момент его возникновения; критерии определения подведомственности; разграничение трудового спора и трудовой жалобы; исковые споры в трудовом праве и гражданско-процессуальном праве. Исходя из анализа положений законодательства о труде делается вывод о целесообразности введения: специализированных судов по рассмотрению трудовых споров, права отказаться от альтернативного разрешения спора на различных его этапах, права отказаться от обязательного предварительного внесудебного порядка.

Ключевые слова*: предмет и метод правового регулирования; состав признаков трудового спора; момент возникновения; право на иск; критерии подведомственности, повторяемость пробелов в защите прав; спор и жалоба; трудовой суд.*

Yasinskaya-Kazachenko Anzhelika

Optimal labor court proceedings as a way to protect the rights of employees

The article shows the legal regulation of the labor dispute in its historical aspect, including the pre-revolutionary (1917th) and Soviet periods, which lay the starting positions for a number of further studies as well as the comprehension of the tasks set, but still unresolved to the end – protection of the rights and legitimate interests of workers. In the light of the institutional approach, special attention is focused on: the composition of the evidence of a labor dispute; the moment of its occurrence; criteria for determining jurisdiction; differentiation of a labor dispute and a labor complaint; claim disputes in labor law and civil procedure law. Based on the analysis of the provisions of labor legislation, it is concluded that it is advisable to introduce: specialized courts for the consideration of labor disputes, the right to refuse alternative dispute resolution at its various stages, the right to refuse mandatory preliminary extrajudicial procedure.

Keywords*: the subject and method of legal regulation; the composition of the signs of a labor dispute; the moment of occurrence; the right to claim; criteria of jurisdiction, repeatability of gaps in the protection of rights; dispute and complaint; labor court.*

Введение

Проблематика правового регулирования отношений, связанных с разбирательством трудовых споров, распадается на две большие взаимосвязанные и взаимообусловленные области: проблемы, касающиеся предмета правового регулирования, и проблемы, связанные с методом регулирования. В регулировании правоотношений, возникающих при разбирательстве трудовых споров, ярко проявляется важнейшая функция правового регулирования

общественных отношений, состоящая в подчинении воли индивида государственной воле[1]. Правовое регулирование имеет в виду не только определенное направление развития общественных отношений, но и защиту существующих общественных отношений, способы и средства обеспечения установленных субъективных прав. Если обратиться к советской истории правового регулирования отношений по разрешению трудовых споров, то в немногочисленных работах того времени подчеркивалось, что трудовым спором в его правовом смысле не могут являться любые разногласия, противоречия между работником и администрацией, а лишь такие, которые вследствие своего устойчивого характера остаются неурегулированными в ходе непосредственных переговоров заинтересованных сторон[2]. Разрешение же возникающих разногласий путем непосредственных переговоров не может расцениваться как форма юрисдикции, ибо оно осуществляется не специальным правомочным органом, а самими субъектами правоотношения, и это верно[3]. При рассмотрении негативного опыта 1920–1930 гг., хотя это время считается периодом относительной либерализации общественных отношений, следует обратить внимание на то, что можно выдвигать предположение, что и тогда, и в настоящее время необходим более четко разработанный механизм рассмотрения трудовых споров в судах, отражающий специфику трудовых отношений. Этот механизм должен обеспечить максимально доступное и оперативное рассмотрение дел. Недопустимо ограничивать право работника на судебную защиту и чрезмерно сокращать сроки на обращение в суд. Наоборот, имеет смысл рассмотреть вопрос об увеличении сроков, установленных ст. 242 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)[4].

Основная часть

Представляя комментарии в отношении понятия подведомственности трудовых споров и критериев определения подведомственности, приведем следующие пояснения. Если трудовой спор не находит разрешения усилиями сторон на основе принципа соглашения, то он переходит на следующую – юрисдикционную[5] – стадию, в рамках которой рассмотрение спора происходит в примирительно-посреднических, третейских и забастовочных процедурах.

Конституция Республики Беларусь провозглашает право каждого на судебную защиту (ст. 60). Отраслевое законодательство содержит гарантии реализации этого права, предусматривая определенный порядок и систему органов, управомоченных разрешать трудовые споры. Следовательно, существует необходимость в определении предмета ведения указанных органов. Межотраслевой институт подведомственности призван решить эту задачу[6].

Рассматривая подведомственность как общеправовую межотраслевую категорию, разделяем мнение Е. В. Мотиной и считаем возможным вести речь о подведомственности применительно к юрисдикционной форме защиты права и, как следствие, разграничивать предметы ведения внесудебных и судебных органов, исключая из рассмотрения неюрисдикционную форму защиты права. Критерии определения подведомственности позволяют правильно определить управомоченный орган и своевременно обратиться за защитой нарушенного права или интереса. По отношению к трудовым спорам критериями подведомственности выступают предмет (содержание) спора (право или законный интерес) и субъектный состав спора (индивидуальный, коллективный)[7]. Определение понятия «подведомственность» дается через понятие «компетенция» (п. 9, ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК): «Подведомственность – разграничение компетенции по разрешению споров и рассмотрению дел между Конституционным Судом Республики Беларусь, судами общей юрисдикции, международными арбитражными (третейскими) судами, органами по разрешению трудовых споров и рассмотрению дел, иными органами и организациями»[8].

---

1 Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. С. 57.

2 Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма; Николаева Л. А. Защита трудовых прав рабочих и служащих; Смолярчук В. И. Процессуальные гарантии охраны трудовых прав рабочих и служащих (проблемы трудовых споров в СССР).

3 Морейн И. Б. Основные проблемы правового регулирования отношений, связанных с разбирательством трудовых споров в СССР. С. 5.

4 Трудовой кодекс Республики Беларусь.

5 Под юрисдикционными понимаются не только судебные, но и иные специализированные органы по защите прав и законных интересов (органы по рассмотрению индивидуальных и коллективных трудовых споров (трудовая юстиция), административные). См. Трудовые споры и их урегулирование. С. 34.

6 Трудовые споры и их урегулирование. С. 34.

7 Там же. С. 39.

8 Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь.

Делая промежуточный вывод, отметим, что сопоставление приведенных норм Конституции Республики Беларусь и ГПК позволяет заключить, что суды по рассмотрению трудовых споров могут существовать в виде специализированных судов (судов специальной компетенции) по рассмотрению трудовых споров – трудовых судов. Несколько десятков лет в научной среде с определенной периодичностью обсуждается вопрос о необходимости создания специализированных судебных органов по рассмотрению трудовых споров и оформления трудового процесса в особую отрасль[1]. Примечательно, что этот вопрос не является новым – к проблеме целесообразности трудовой юстиции обращались исследователи как в дореволюционный, так и в советский период[2]. На практике циклично предпринимаются попытки придать официальный статус трудовым судам и трудовому процессу, например, Комитетом по труду и социальной политике Государственной Думы Российской Федерации в 2004 г. был подготовлен проект Трудового процессуального кодекса[3], однако законодатель пока отрицательно относится к данным шагам, и трудовые споры разрешаются в общих судах по правилам гражданского судопроизводства.

Рассматривая вопрос о достоинствах и недостатках трудовой юстиции, о необходимости создания специализированных трудовых судов, важно, в частности, проанализировать исторический опыт в этой области, который, хотя и является противоречивым, но, безусловно, заслуживает внимания. Данный опыт связан с периодом 1920–1930 гг. – временем относительной либерализации общественных отношений, когда законодатель мог достаточно свободно учитывать и даже заимствовать зарубежные наработки в механизме разрешения трудовых споров. До революции на территории Беларуси специальных судов по трудовым делам не существовало, хотя и были попытки узаконить трудовую юстицию. Например, в XIX в. велась работа над проектами закона о промышленных судах, однако эти законопроекты так и не были утверждены.

На уровне фабричного законодательства на этапе, охватывающем период с 1866 по 1917 гг., акцент делается на судебном и административном порядке разрешения трудовых споров. Трудовые споры рассматривались судебной системой (от окружных судов до Правительствующего сената). Производство по трудовым делам велось согласно процедуре гражданского судопроизводства того времени, с присущей ей длительностью, сложностью и дороговизной. Окружные суды не были приспособлены к рассмотрению трудовых споров в силу незнакомства с внутренним порядком на предприятии и реальным характером действующих тогда взаимоотношений работников и фабрикантов. Проект 1866 и 1906 гг. о введении специализированных промышленных (трудовых) судов не был реализован. Выработанные тогда положения о примирительном и третейском разбирательстве трудовых споров до 1917 г. оставались только в законопроектах. Межведомственные совещания (1905–1906 гг.) подготовили 10 законопроектов, в том числе и о представительстве рабочих в промышленных судах и страховых организациях, но ни один из них не обрел форму закона и не увидел свет[4].

Продолжая экскурс по вопросу учреждения специализированных судов по рассмотрению трудовых споров, дополним его тем, что в первые годы советской власти борьба с нарушениями законодательства о труде велась путем применения Декрета от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах»[5]. Комментируя роль и деятельность товарищеского суда в жизни советского общества 1920–1930 гг., можно отметить, что по формам своей деятельности, принципам организации процесса, встроенности в систему государственных учреждений его можно назвать квазиюрисдикционным институтом с высокой степенью огосударствления общественных начинаний. Такая роль товарищеского суда в механизме государственных и общественных институтов в рассматриваемый период связана с формированием, становлением и развитием советского трудового права, активным процессом образования института разрешения трудовых споров[6].

---

1 Драчук М. А., Обухова Г. Н., Чуча С. Ю. Трудовое процедурно-процессуальное право; Евразийское трудовое право: основы миграционного права ЕАЭС, сравнение общей части трудового права, коллективное трудовое право, индивидуальное трудовое право, процессуальное трудовое право и др.; Передерин С. В. Трудовое процедурно-процессуальное право Российской Федерации; Трудовое процессуальное право / И. В. Гущин и др.

2 Ленин В. И. О промышленных судах (1899 г.); Войтинский И. С. Примирительные камеры на Западе; Правілы пра прымірыцельна-пасрэдніцкі і судовы разгляд працоўных канфліктаў; Давидович Я. И. Вопросы реконструкции трудового процессуального права в 3-й Сталинской пятилетке.

3 Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. С. 1015–1016.

4 Там же. С. 977–978.

5 О рабочих дисциплинарных товарищеских судах.

6 Факурдинова А. Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг. С. 58–59.

Такой же вывод можно сделать и в отношении различных комиссий. Они были административными органами, выполнявшими судебные функции, используя терминологию И. Я. Киселева, «квазисудебными органами», что является вполне допустимым для трудового процесса (в настоящее время в некоторых странах, например, в США и Канаде, трудовые споры до сих пор рассматриваются административными органами с судебными полномочиями)[1].

Статус судебных органов по разрешению трудовых споров был закреплен в ст. 168 и 169 Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г. (далее – КЗоТ 1922 г.)[2]. Согласно данным нормам, к компетенции особых сессий народного суда относились все дела, связанные с нарушением законов, всех других узаконений о труде и коллективных договоров, поскольку они преследовались в уголовном порядке. Кроме того, этим судам были подсудны все индивидуальные и групповые споры между нанимателями и рабочими, и служащими.

В целом нельзя говорить о том, что в советский период 1920–1930 гг. был узаконен трудовой процесс и сформирована целостная система судебных органов по рассмотрению трудовых споров. Деятельность таких судов на законодательном уровне регулировалась Положением о судоустройстве РСФСР и принятым в июле 1923 г. Гражданским процессуальным кодексом РСФСР[3]. Примечательно, что особые (трудовые) сессии народного суда функционировали по правилам гражданского судопроизводства. Важные вопросы, касающиеся порядка рассмотрения трудовых дел в судах, оставались неразрешенными[4].

Не было четко установленной подведомственности трудовых конфликтов: было не ясно, какие споры о праве подлежали предварительному рассмотрению в примирительно-посреднических органах, а в каких случаях возможно обращение за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд. Нередко пробелы в праве приходилось восполнять судебной практике, причем порой суду приходилось брать на себя функции правотворческого органа.

После утверждения постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 29 августа 1928 г. Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов (далее – Правила)[5], значительная часть недочетов была исправлена. Однако нельзя говорить, что изменения и дополнения стали способствовать более эффективной защите прав и законных интересов сторон трудовых отношений.

Правила, по сути, лишили работника права на иск, на судебную защиту, так как установили существенный перечень дел, которые должны были рассматриваться примирительно-посредническими, третейскими органами (комиссиями)[6].

Прослеженные доказательства круговорота форм права позволяют показать не только повторяемость форм защиты прав и законных интересов работников при разрешении трудовых споров, но увидеть циклично воспроизводящиеся дефекты, пробелы и недочеты, переходящие из прошлого в настоящее время.

ПРОСЛЕЖЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КРУГОВОРОТА ФОРМ ПРАВА ПОЗВОЛЯЮТ ПОКАЗАТЬ НЕ ТОЛЬКО ПОВТОРЯЕМОСТЬ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКОВ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ, НО УВИДЕТЬ ЦИКЛИЧНО ВОСПРОИЗВОДЯЩИЕСЯ ДЕФЕКТЫ, ПРОБЕЛЫ И НЕДОЧЕТЫ, ПЕРЕХОДЯЩИЕ ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Согласно общим правилам судебной подведомственности, трудовые споры рассматриваются по правилам искового производства общими судами, если иное не установлено законодательством (п. 1 ст. 37 ГПК). Такие споры делятся на две группы в зависимости от необходимости соблюдения внесудебного порядка их разрешения. В первую группу входят трудовые споры, которые могут быть переданы на рассмотрение суда только после их рассмотрения в КТС. Если же в суде выяснится, что истцом не соблюден обязательный внесудебный порядок разрешения трудового спора, то судья непременно откажет в возбуждении дела в соответствии с п. 2 ст. 246 ГПК[7].

---

1 Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право. С. 291–312.
2 Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 г.
3 Александровский С. В. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированным материалом.
4 Иванов А. Б. Судебный порядок разрешения трудовых споров в советском государстве в 20-е гг. XX в.: опыт правового регулирования. С. 183–185.
5 Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов.
6 Иванов А. Б. Судебный порядок разрешения трудовых споров в советском государстве в 20-е гг. XX в.: опыт правового регулирования. С. 186.
7 Трудовые споры и их урегулирование. С. 81.

Именно поэтому нами вносится предложение о создании трудовых судов, которое может быть осуществлено путем внесения соответствующих изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, ГПК и иные примыкающие и подлежащие корректировке нормативные правовые акты. Полномочия, порядок образования и деятельность таких судов может быть установлена законом «О трудовых судах Республики Беларусь». Трудовые суды могут рассматривать дела, возникающие из трудовых отношений, в качестве суда первой инстанции, а также в порядке пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Пересмотр решений трудовых судов может осуществляться также, как и предусмотрено проектом кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь[1] (далее – КГС), в апелляционной, кассационной инстанции, а в случаях, предусмотренных КГС,– и надзорной инстанцией. В зависимости от категории трудовых споров они могут рассматриваться судьей единолично, или судом в коллегиальном составе. Представляется обоснованным, что большинство дел, возникающих из трудовых отношений, может рассматриваться судьей единолично.

Исключение могут составлять дела о восстановлении на работе, а также связанные с коллективными трудовыми спорами. С учетом специфики трудовых споров можно предоставить судье право признать обязательным рассмотрение трудового спора с участием народных заседателей. Определение об этом судья может выносить на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Что касается коллективных трудовых споров, то по действующему законодательству о труде они рассматриваются в порядке примирительно-посреднического и третейского производства. Решения примирительной комиссии, посредника, трудового арбитража почти не обеспечиваются мерами принудительного исполнения. Однократное наложение штрафа за несоблюдение их условий не обеспечивает действенности примирительных процедур. Хотя на начальном этапе разрешения коллективного трудового спора применение примирительно-посреднических и третейских процедур является оправданным.

В дальнейшем законодателем могут быть предусмотрены меры, направленные на возможность судебной защиты прав сторон коллективных трудовых споров. В целях наиболее полной защиты прав работников и нанимателей они могут быть наделены правом на обжалование в трудовом суде документов, принимаемых в порядке примирительно-посреднического и третейского разбирательства. Трудовой суд может быть наделен правом пересмотра (проверки законности) решений примирительной комиссии, посредника, трудового арбитража в случаях, если при рассмотрении коллективного трудового спора была нарушена процедура его рассмотрения[2].

Трудовые споры предполагают различное понимание искового спора в трудовом праве и гражданском процессуальном праве. Если в трудовом праве понятие искового спора идет по пути материального признака – характер спора, его содержание, то в гражданском процессуальном праве следует по пути процессуального признака – порядок рассмотрения, но необходимо наличие обязательного признака: соблюдение предварительного внесудебного порядка рассмотрения, которое выступает в качестве необходимого условия подведомственности суду. Имеется в виду, что трудовые споры разрешаются только на основе иска как средства возбуждения деятельности соответствующего юрисдикционного органа – применение примирительно-посреднических процедур как сторонами самостоятельно, так и органами по рассмотрению и разрешению трудовых споров на основе принципа соглашения.

ТРУДОВЫЕ СПОРЫ ПРЕДПОЛАГАЮТ РАЗЛИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ИСКОВОГО СПОРА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Заключение

Сопоставление норм Конституции Республики Беларусь и ГПК позволяет сделать вывод, что суды по рассмотрению трудовых споров могут существовать в виде специализированных судов (судов специальной компетенции) по рассмотрению трудовых споров, к их компетенции можно было бы отнести дела:

- по спорам о восстановлении на работе незаконно уволенных или переведенных работников;

[1] Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь.
[2] Калинин И. Б. Трудовые суды в России. С. 89.

- об отказе в приеме на работу в случаях, предусмотренных законодательством о труде;
- об оплате труда;
- о признании объявленной или начавшейся забастовки незаконной;
- о признании объявленной забастовки несостоявшейся;
- об обжаловании отказа нанимателя от ведения коллективных переговоров или его уклонения от ведения таких переговоров;
- по коллективным трудовым спорам в случае, если сторонам в ходе примирительно-посреднических и третейских процедур не удалось прийти к соглашению и последовавшая за этим забастовка оказалась нерезультативной;
- по требованиям о понуждении виновной стороны к исполнению соглашений, достигнутых на уровне примирительно-посреднических и третейских процедур, если меры административного воздействия оказались неэффективными;
- по требованиям о заключении коллективного договора и изменении его условий;
- об оспаривании актов примирительно-посреднических и третейских органов (примирительной комиссии, посредника, трудового арбитража) в случае нарушения порядка рассмотрения коллективных трудовых споров, установленного законодательством о труде;
- по вновь открывшимся обстоятельствам, в случае пересмотра дела, возникающего из индивидуальных трудовых правоотношений.

Принцип свободы волеизъявления означает лишь то, что стороны имеют возможность выбора органа, который будет рассматривать их спор. Имеется в виду, что стороны могут отказаться от альтернативного разрешения спора в любом его виде, но при этом стороны всегда оставляют за собой право на судебную защиту, право на предъявление иска в целях восстановления нарушенного права или интереса на различных этапах разрешения спора.

Для трудовых споров в этой связи можно установить не условную, а альтернативную и исключительную подведомственность, допускающую и примирительный, и судебный порядок разрешения спора на различных его этапах.

Следует пересмотреть действующие правила подведомственности трудовых споров: допустить судебный порядок разрешения коллективных трудовых споров, наряду с этим разработать примирительно-согласительный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров искового характера.

Список использованных источников

1. *Александров, Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе / Н.Г. Александров // Вопросы философии. – 1957. – № 1. – С. 56–59.*
2. *Александровский, С.В. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированным материалом / Составлен председ. Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР С.В. Александровским и членом той-же Коллегии В.Н. Лебедевым. – М.: Юридич. изд-во НКЮ [РСФСР], 1925. – 453 с.*
3. *Безина, А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук: 12.00.05 / А.К. Безина. – М., 1980. – 30 с.*
4. *Войтинский, И.С. Примирительные камеры на Западе / И.С. Войтинский. – Москва: Универсальная библиотека, 1917. – 24 с.*
5. *Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 янв. 1999 г. № 238-З: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
6. *Давидович, Я.И. Вопросы реконструкции трудового процессуального права в 3-й Сталинской пятилетке: Тезисы доклада / доц. Я.И. Давидович. – Ленинград: ЛЮИ, 1939. – 8 с.*
7. *Драчук, М.А. Трудовое процедурно-процессуальное право: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / М.А. Драчук, Г.Н. Обухова, С.Ю. Чуча; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского. – Омск: ОмГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).*
8. *Евразийское трудовое право: [основы миграционного права ЕАЭС, сравнение общей части трудового права, коллективное трудовое право, индивидуальное трудовое право, процессуальное трудовое право и др.]: учебник / [Е.А. Волк и др.]. – Москва: Проспект, 2019. – 494 с.*
9. *Иванов, А.Б. Судебный порядок разрешения трудовых споров в советском государстве в 20-е гг. XX в.: опыт правового регулирования / А.Б. Иванов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2011. – № 4. – С. 182–187.*
10. *Калинин, И.Б. Трудовые суды в России / И.Б. Калинин // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2007. – № 9. – С. 87–90.*
11. *Киселев, И.Я. Сравнительное и международное трудовое право: учеб. для вузов / И.Я. Киселев; Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Дело, 1999. – 728 с.*
12. *Кодекс законов о труде РСФСР издания 1922 г.: принят на IV сес. 9 нояб. 1922 г.: введ. в дей-*

ствие постановлением ВЦИК 9 нояб. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1922. – Отд. 1. – № 70. – Ст. 903.

13. Ленин, В. И. О промышленных судах (1899 г.) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М., 1967. – Т. 4. – С. 274–287.

14. Лушников, А. М. Курс трудового права: учебник: в 2 т. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. – Москва: Статут, 2009. – 1149 с.

15. Морейн, И. Б. Основные проблемы правового регулирования отношений, связанных с разбирательством трудовых споров в СССР: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук: 12.00.05 / И. Б. Морейн // Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского законодательства. – М., 1968. – 38 с.

16. Николаева, Л. А. Защита трудовых прав рабочих и служащих: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Л. А. Николаева // Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. – М., 1974. –26 с.

17. О рабочих дисциплинарных товарищеских судах: Декрет Совета Нар. Комиссаров РСФСР, 14 нояб. 1919 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства РСФСР. – 1919. – № 56. – Ст. 537.

18. Передерин, С. В. Трудовое процедурно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие / С. В. Передерин; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Воронежский гос. ун-т». – Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. – Воронеж: ВГУ, 2015. – 549 с.

19. Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов: постановление Центр. Исполн. Ком. и Совета Нар. Комиссаров СССР, 29 авг. 1928 г. // Собр. законов СССР. – 1928. – № 56. – Ст. 495.

20. Правілы пра прымірыцельна-пасрэдніцкі і судовы разгляд працоўных канфліктаў: зборнік заканадаўчых матэрыялаў, выданых да 1-га лютага 1931 г. – Менск [Мінск]: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931. – 61 с.

21. Смолярчук, В. И. Процессуальные гарантии охраны трудовых прав рабочих и служащих (проблемы трудовых споров в СССР): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук: 12.00.05 / В. И. Смолярчук // АН СССР. Ин-т государства и права. – М., 1966. –38 с.

22. Трудовое процессуальное право: учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальности «Правоведение» / [И. В. Гущин и др.]. – Минск: Тесей, 2008. – 466 с.

23. Трудовой кодекс Республики Беларусь: [Электронный ресурс], 26 июля 1999 г., № 296-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28 мая 2021 г. № 114-З // Информационная правовая система ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – Дата доступа: 20.01.2022.

24. Трудовые споры и их урегулирование: учебно-методическое пособие: для магистрантов, обучающихся по специальности 1–24 81 05 «Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» / [А. Г. Авдей и др.]. – Минск: Издательский центр Белорусского государственного университета, 2015. – 244 с.

25. Факурдинова, А. Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Факурдинова. – Тамбов, 2020. – 224 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

УДК 343.98

Г. М. Третьяков

ОБСТАНОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Третьяков Григорий Михайлович *– доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов: криминалистика, уголовный процесс, методика расследования отдельных видов преступлений, противодействие транснациональной преступности.*

Статья посвящена анализу элементов обстановки совершения преступлений, совершаемых организованными преступными группами с использованием компьютерной техники, как элемента криминалистической характеристики. Отмечается, что в современных условиях данные преступления относятся к наиболее динамично развивающейся сфере преступной деятельности. Их эффективное выявление и расследование существенно затрудняется специфическим характером и сложной структурой обстановки совершения преступления. В числе элементов обстановки совершения преступлений, совершаемых организованными преступными группами с использованием компьютерной техники, оказывающими влияние на механизм совершения преступлений, рассматриваются современные организационные, пространственно-временные, технические, программные, социально-психологические факторы. Отмечается, что обстановка совершения рассматриваемого вида преступной деятельности находится в тесной взаимосвязи с иными элементами криминалистической характеристики.

Ключевые слова*: криминалистическая характеристика преступления, киберпреступность, расследование, обстановка совершения преступления, организованная преступность.*

R. M. Tratsiakou

Cybercrime Situation as an Element of Forensic Characteristics and its Value

Cybercrimes are nowadays known as one of the most dynamically developing areas of criminal activity. Their effective detection and investigation are significantly hampered by the specific nature and complex structure of the situation where the crime was committed. The article analyses the elements of organized cybercrime situation. They are modern organizational, spatial, temporal, technical, software, social and psychological factors as they are those that influence the mechanism for committing crimes. The situation of the commission of the type of criminal activity under consideration is in close relationship with other elements of forensic characteristics.

Keywords*: forensic characteristics of a crime, cybercrime, investigation, crime environment, organized crime.*

Введение

Несмотря на то, что вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием компьютерной техники, уделяется значительное внимание в современной научной литературе, их криминалистическая характеристика не получила достаточного освещения и требует дальнейшего совершенствования и развития.

В Республике Беларусь преступления, совершаемые с использованием компьютерной техники, относятся к наиболее динамично развивающейся преступной сфере. Анализ

данного вида преступной деятельности и существующих научных публикаций показывает, что своевременное эффективное выявление и расследование данной категории преступлений существенно затрудняется специфическим характером информации, имеющей криминалистическое значение.

Кроме того, как показывает практика, следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования рассматриваемых преступлений, характеризуются весьма высокой степенью информационной неопределенности, что во многих случаях ведет к приостановлению уголовных дел. В этой связи большое значение приобретает изучение особенностей отдельных элементов криминалистической характеристики.

Основная часть

Вопрос о криминалистической характеристике преступлений за более чем полувековую историю своего существования, несмотря на наличие достаточно большого количества научных работ, как специально посвященных, так и в различной степени затрагивающих эту проблему, так и не нашел среди ученых единого мнения о понятии данной категории, ее структуре и содержании, значении в науке и практической следственной деятельности. Однако, оценивая различные точки зрения, можно говорить о том, что существует объективная необходимость изучения и дополнения криминалистической информационной основы расследования преступлений, под которой понимается «...система научно-криминалистических категорий, представляющих собой информационные модели преступлений отдельных видов и групп»[1]. Она позволяет системно анализировать необходимую криминалистически значимую информацию, выдвигать версии, планировать процесс расследования и реализовывать тактику следственных действий в ситуациях информационной неопределенности.

В числе ключевых элементов криминалистической характеристики выделяют информацию о:

- способах совершения преступления;
- обстановке совершения преступления;
- типичной следовой информации;
- личностных характеристиках преступника;
- личностных характеристиках потерпевшего.

В криминалистической литературе под обстановкой совершения преступления понимается «система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения непрямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления»[2].

Типичная информация об обстановке совершения преступления имеет существенное значение в системе криминалистической характеристики. «Преступления всегда как совершаются, так и скрываются в конкретных, реально существующих условиях действительности. Сочетание этих условий (внешняя среда) и образует обстановку, в которой происходит преступление»[3].

Значение обстановки в структуре криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, выражается во взаимосвязи времени, места, условий совершения преступления с выбором определенного способа его совершения в зависимости от условий, в которых находится объект преступного посягательства, профессиональных и иных качеств преступника. Результатом взаимодействия перечисленных элементов являются следы преступной деятельности. Исследование обстановки совершения преступления позволяет качественно оценить и исследовать условия совершения преступления, правильно квалифицировать деяние, определить возможные способы, круг лиц, имеющих отношение к совершению преступления и потенциальные источники получения доказательственной и иной имеющей значение для расследования информации.

В числе элементов обстановки преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, оказывающих влияние на механизм совершения, можно выделить

---

1 Мухин Г. Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения. С. 118.
2 Криминалистика / Т. С. Волчецкая [и др.]; под ред. Н. П. Яблокова. С. 42.
3 Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. С. 166.

организационные, пространственно-временные, технические, программные, социально-психологические факторы, наличие либо отсутствие системы защиты информации.

В структуре обстановки преступления первичными категориями по отношению к другим элементам выступают категории места и времени совершения преступления. Пространственные и временные характеристики совершения преступлений с использованием компьютерной техники важны для установления характера и размера причиненного ущерба, могут способствовать установлению способа совершения преступных действий, причастных к ним лиц и иных имеющих значение обстоятельств.

Особенностью рассматриваемых преступлений является то, что они совершаются в специфической среде – виртуальном пространстве. Для совершения преступления может быть одновременно задействовано большое количество взаимосвязанных технических устройств, находящихся в различных точках мира. Как показывает практика, большинство преступлений с использованием компьютерной техники совершается из зарубежных стран, причем отмечается, что если в более ранние годы организованные международные преступные группы находились в Беларуси, России, Украине и атаковали пользователей Западной Европы, Америки, то сегодня ситуация кардинальным образом меняется – наша страна является мишенью для апробированных криминальных технологий[1]. Правоохранителями отмечается длительность исполнения просьб и поручений об оказании правовой помощи, что влияет на своевременность принятия решений по материалам и уголовным делам, изобличения лиц, причастных к совершению преступлений.

В современных условиях киберпреступления могут совершаться из любой точки мира. Традиционно преступные группы действуют из таких стран, которые либо не сотрудничают с международным сообществом в области противодействия преступности, либо же имеют очень жесткое законодательство в области защиты персональных данных, затрудняющих доступ к ним правоохранительных органов. Особенностью пространственно-временной обстановки совершения данного вида преступлений является использование криминальной инфраструктуры как совокупности инструментов, находящихся в различных юрисдикциях и действующих в различные периоды времени. Противодействие рассматриваемым преступлениям и привлечение лиц, совершивших преступные деяния, к ответственности затруднены в рамках отдельных государств, поскольку нередко преступников сложно идентифицировать из-за использования ими компьютерной техники и несовпадения места преступления с фактическим нахождением преступника в момент совершения.

Совокупность технических факторов проявляется в том, что сегодня цифровизация затрагивает все формы преступности. Методы и инструменты, используемые при совершении традиционных киберпреступлений, все чаще применяются в других криминальных областях, а цифровая криминальная инфраструктура продолжает развиваться угрожающими темпами. Анонимность в киберпространстве является основным детерминантом киберпреступлений и фактором высокого уровня латентности. Конфиденциальность и удобство, предлагаемые современными информационными технологиями, являются выгодными для различных видов незаконной деятельности. Анонимность в сети усугубляется широкомасштабным развитием технологий шифрования, которые могут одновременно приносить пользу как законопослушным пользователям, так и преступникам. Особым фактором, характеризующим обстановку совершения преступлений с использованием компьютерной техники, выступает использование «серой инфраструктуры», т.е. законных широко используемых приложений, отличающихся высокой степенью защиты и обеспечивающих шифрование информации, которые непреднамеренно являются полезными для реализации преступного умысла.

В числе организационных факторов обстановки совершения преступлений с использованием компьютерной техники следует отметить развитие в последние годы модели «преступление как услуга», т.е. создание и распространение организованными преступными группами готовых к использованию программных продуктов, обеспечивающих реализацию преступного умысла. Данные продукты могут быть предназначены для использования как профессиональными преступниками, так и начинающими, с низким уровнем технических навыков. Это вовлекает все большее количество лиц в различные виды преступной деятельности, в первую очередь молодых людей, привлекая их простотой действий и обещанием высокой прибыли. Отмечается, что привлечение большого числа непрофессиональных преступников делает действия профессиональных и организованных лиц более эффективными, поскольку позволяет решать собственные задачи за счет массового использования их программного обеспечения,

[1] В Беларуси за последние три года количество киберпреступлений увеличилось в 10 раз.

получать часть прибыли, пользоваться «побочными продуктами» преступной деятельности в виде скомпрометированных персональных данных потерпевших и др. За счет отсутствия технических навыков непрофессиональные субъекты являются наиболее уязвимыми для правоохранительных органов, отвлекая их технические и кадровые ресурсы от выявления более масштабных и профессиональных преступлений. Это существенно затрудняет планирование использования ресурсов правоохранительных органов за счет выявления преимущественно лишь конечных пользователей криминальных услуг, а не их поставщиков, что позволяет продолжать существование сложившейся криминальной инфраструктуре[1].

Рассматривая социальные факторы, обусловливающие особенности совершения преступлений с использованием компьютерной техники, следует отметить, что новая реальность, которую породила глобальная пандемия, требует быстрой адаптации, и сегодня ни у кого не возникает сомнений, что темп и организация личной и профессиональной жизни существенно и необратимо изменились. Неизбежно также, что эти изменения стимулировали инновации в среде организованной киберпреступности, поскольку они закономерно стремятся извлечь выгоду из новых возможностей.

ЗА СЧЕТ ОТСУТСТВИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ЯВЛЯЮТСЯ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫМИ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ОТВЛЕКАЯ ИХ ТЕХНИЧЕСКИЕ И КАДРОВЫЕ РЕСУРСЫ ОТ ВЫЯВЛЕНИЯ БОЛЕЕ МАСШТАБНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В ходе продолжающейся пандемии Covid-19 киберпреступники используют тот фактор, что многим учреждениям и организациям как в Республике Беларусь, так и за рубежом приходится хотя бы частично прибегать к удаленной работе сотрудников, что создает большое количество уязвимостей.

Большую популярность приобретают партнерские программы-вымогатели, в том числе связанные с цифровыми атаками на учреждения и организации. Операторы мобильных вредоносных программ за счет растущей зависимости от сервисов онлайн-покупок и услуг все чаще используют их как часть своих методов работы для доступа к банковским счетам.

Дистанционные формы обучения, сокращение альтернативных возможностей досуга, увеличение неконтролируемого времени препровождения несовершеннолетних в сети Интернет делает их более восприимчивыми к доверительным отношениям с лицами, преследующими цели сексуальной эксплуатации. Обеспокоенность правоохранительных органов вызывает существенное увеличение распространенности противоправных действий в отношении детей и подростков в сети Интернет с целью склонения к сексуальным действиям, для обозначения которых используются термины «кибергруминг» или «онлайн-груминг». Ими охватываются как действия, преследующие цель получения педофилом сексуального удовлетворения, так и действия, направленные на вовлечение ребенка в коммерческую сексуальную эксплуатацию. К числу факторов, способствующих распространению данных видов преступных посягательств, можно отнести также изменение онлайн-поведения, которое меняет отношение молодого поколения к обмену информацией сексуального характера друг с другом и посторонними людьми, что приводит к увеличению количества материалов, самостоятельно созданных и распространенных несовершеннолетними лицами и, соответственно, росту виктимизации молодежи. Фактором, значительно способствующим распространению данных действий, является то, что данные материалы пользуются огромным спросом. Европол отмечает, что доходность преступной деятельности, связанной с материалами сексуального характера с участием несовершеннолетних, выросла в три раза по сравнению с 2017 годом[2].

Значительная роль при совершении преступлений, связанных с использованием компьютерной техники, принадлежит психологическим факторам. Условия, способствующие совершению преступлений, во многом создают сами потерпевшие, имеет место неосмотрительность с их стороны, доверчивость, допуск посторонних лиц к конфиденциальной информации без обеспечения ее защиты и др[3]. Исследователи отмечают, что в течение последних лет года наблюдался дальнейший значительный рост фишинга и социальной инженерии. Организованные преступные группы все чаще сочетают традиционные методы социальной инженерии с новейшими техническими разработками. Благодаря продолжающейся пандемии

[1] Internet Organised Crime Threat Assessment 2021.
[2] В Беларуси за последние три года количество киберпреступлений увеличилось в 10 раз.
[3] Костенко Н. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с компьютерными преступлениями. С. 151.

значительно возросло количество попыток фишинга, связанных с COVID-19. В то время как испытанные методы социальной инженерии по-прежнему эффективно используются в преступных целях, фишинговые кампании продолжают развиваться. Скомпрометированная информация, полученная в результате различных утечек данных, становится все более доступной. Организованные преступные группы все чаще используют скомпрометированную информацию для повышения эффективности преступной деятельности, что позволяет им осуществлять целенаправленные спланированные действия. Традиционно эффективные виды преступной деятельности, такие как компрометация деловой электронной почты, вымогательство и различные виды мошенничества, приносят прибыль от доступности личных данных потенциальных жертв. Поскольку эти данные могут иметь ключевое значение для повышения успешности преступной деятельности, это приводит к постоянному циклу мошенничества, в котором процветает черный рынок скомпрометированной информации.

Значительную популярность приобретает инвестиционное мошенничество. Среди предлагаемых различных активов наиболее популярными являются криптовалюты. Для привлечения потенциальных жертв используются поддельные инвестиционные веб-сайты, ориентированные на недостаток знаний пользователей, рекламные кампании, образы знаменитостей, личные рекомендации через схемы онлайн-знакомств и др. Все чаще преступники действуют в отношении своих жертв дважды: после кражи инвестиций преступники связываются с жертвами, выдавая себя за сотрудников правоохранительных органов, предлагая помощь в возврате их средств[1].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что сведения об обстановке совершения преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, являются необходимым структурным элементом криминалистической характеристики, содержащим значительный объем информации, имеющей криминалистическое значение. Важность изучения данной информации обусловливается характером типичных следственных ситуаций, характеризующихся высокой степенью информационной неопределенности.

Среди наиболее характерных особенностей обстановки совершения рассматриваемых преступлений следует выделить: удаленный трансграничный характер осуществления преступной деятельности, высокую технологичность оборудования и программного обеспечения, вовлеченность как высокопрофессиональных преступников, так и лиц с минимальными техническими навыками, высокую степень анонимности, большое количество пользователей с низким уровнем защиты и цифровой грамотности, изменение моделей поведения в информационном пространстве.

Информация об обстановке совершения рассматриваемого вида преступлений находится в тесной взаимосвязи с иными элементами криминалистической характеристики, такими как способ совершения преступления, следовая информация, личность преступника, личность потерпевшего.

Список использованных источников

1. *В Беларуси за последние три года количество киберпреступлений увеличилось в 10 раз [Электронный ресурс] / БелТА. – Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-za-poslednie-tri-goda-kolichestvo-kiberprestuplenij-uvelichilos-v-10-raz-457812–2021/. – Дата доступа: 08.01.2022.*
2. *Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.*
3. *Костенко, Н. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с компьютерными преступлениями: монография / Н. И. Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.*
4. *Криминалистика: учебник / Т. С. Волчецкая [и др.]; под ред. Н. П. Яблокова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 718 с.*
5. *Мухин, Г. Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения: монография / Г. Н. Мухин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 215 с.*
6. *Internet Organised Crime Threat Assessment 2021. – European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol), 2021. – 45 p.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

[1] Internet Organised Crime Threat Assessment 2021.

УДК 343.2

Телюк О. Н.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Телюк Оксана Николаевна *– старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Гродненского филиала учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий». Сфера научных интересов: исследование уголовно-правовой характеристики личности потерпевшего, институт помилования в системе уголовно-правовых норм.*

Исследование института помилования является актуальным в рамках развития любого правового государства. В Литовской Республике данный институт занимает особое место в системе уголовно-правовых регуляторов, возможность его применения предусмотрена Конституцией Литовской Республики, а право помилования принадлежит Президенту. Помилование, имея межотраслевое значение, выступает в качестве смешанного вида освобождения от наказания лиц, совершивших правонарушения, а существование подобного правового института является необходимым для осуществления уголовной политики правового государства.

Ключевые слова*: помилование, Конституция, Президент, преступление, осужденный, уголовная ответственность, освобождение от наказания.*

Tsialiuk A.N.

Legal analysis of the institution of pardon in the republic of lithuania

The study of the institution of pardon is relevant in the development of any legal state. The institution occupies a special place in the system of criminal law regulators in the Republic of Lithuania, the possibility of its application is provided by the Constitution, and the right to pardon belongs to the President. In the article the constitutional aspects of the institution in the Republic of Lithuania are paid attention to. The most debatable points related to the application of the pardon are analyzed.

Keywords*: pardon, constitution, President, crime, convict, criminal liability, release from punishment.*

Введение

Институт помилования является одним из старейших правовых институтов и элементом механизма уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление. Данный институт, выступая элементом современного демократического общества, применяется во многих странах мира, сохраняясь в национальном праве различных государств. Анализ зарубежного законодательства позволяет учесть как отрицательный, так и положительный опыт правового регулирования отношений в сфере помилования осужденных лиц. Особенно интересным является правовой опыт стран ближнего зарубежья, прежде всего постсоветского пространства.

Интерес различных исследователей к институту помилования объясняется, прежде всего, мировой тенденцией к гуманизации права, а также проблемами, возникающими при решении вопросов об освобождении от наказания. Среди имеющихся разнообразных институтов освобождения от наказания лиц, совершивших преступное деяние, помилование занимает одно из центральных мест. Существование подобного правового института является необходимым для осуществления уголовной политики любого правового государства.

С. Г. Келина отмечает, что «любая более или менее развитая система уголовного права имеет этот институт наряду с традиционной схемой реакции государства на преступление, включающей уголовное преследование и наказание»[1]. В современных словарях русского языка термин «помилование» означает решение об освобождении от наказания или о смягчении наказания для осужденного[2], помиловать – отменить или смягчить наказание, к которому приговорили обвиняемого; простить кому-либо «вину, проявить снисхождение к кому-либо»[3]. По мнению И. Я. Фойницкого, «под помилованием подразумевается погашение всего или части наказания волей государственной власти, объявляемой по отношению к данному конкретному случаю... Уголовный закон есть выражение воли общественной власти, приговор судебный – ее осуществление в конкретном случае. Но если общественная власть ввиду обстановки данного дела высказывает иную волю, то выраженная законом воля отпадает, наказание не применяется, а применяемое отменяется. Таково формальное основание права помилования: воля, высказанная раньше, отменяется позднейшим ее выражением. Новая воля может быть рассматриваема как новый закон для частного случая, мягчайший для совершившего преступление»[4].

Помилование занимает особое место среди различных видов освобождения от наказания. Специфика помилования заключается в том, что оно является комплексным институтом, различным образом смягчающим положение осужденных лиц. Тем не менее можно говорить о том, что данный институт является по сути межотраслевым в национальном законодательстве различных государств.

Основная часть

Согласно пункту 23 статьи 84 Конституции Литовской Республики от 25 октября 1992 года «...Президент Республики оказывает помилование осужденным». Это положение содержится в главе VI Конституции «Президент Республики»[5].

Акт (Декрет) помилования не предполагает контрасигнатуры для его действительности (статья 85 Конституции Литвы). Таким образом, Конституция при предоставлении помилования в индивидуально определенных случаях и в отношении индивидуально определенного лица не требует в последующем согласования с точки зрения взаимодействия Президента и Правительства. Контрасигнации подлежат декреты Президента, обеспечивающие реализацию четырех (из двадцати четырех) полномочий, предусмотренных статьей 84 Конституции Литвы, а юридический институт помилования входит в исключительную компетенцию главы государства – Президента.

СПЕЦИФИКА ПОМИЛОВАНИЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНО ЯВЛЯЕТСЯ КОМПЛЕКСНЫМ ИНСТИТУТОМ, РАЗЛИЧНЫМ ОБРАЗОМ СМЯГЧАЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ

Отсутствие обязательств по согласованию (контрасигнации) между Президентом и Правительством указывает на то, что исключительное право помилования (издания актов помилования) закреплено за главой государства и является индивидуальным правом и полномочием Президента, что в свою очередь признает и подкрепляет самостоятельность и независимость в этом вопросе его действий. В сущности, помилование по сути является дискреционным правом главы государства и, следовательно, его прерогативой.

Конституция Литвы четко разграничивает и, соответственно, различает акт индивидуального помилования и коллективный акт амнистии. Первое (помилование) подпадает под действие пункта 23 статьи 84 Конституции Литвы, в то время как издание актов об амнистии прямо закреплено за Сеймом (пункт 19 статьи 67)[6]. Институт помилования применяется только в отношении индивидуально определенного лица. В акте о помиловании всегда содержатся конкретные данные, позволяющие четко идентифицировать лицо, в отношении которого применяется помилование.

Право на помилование – это проявление власти (полномочий) Президента, которую он не может делегировать какой-либо другой власти либо какому-либо другому органу ни при каких обстоятельствах и никакими средствами, ни в каком режиме. Следовательно,

1 Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 29.
2 Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. С. 892.
3 Современный толковый словарь русского языка. С. 573.
4 Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. С. 121.
5 Конституция Литовской Республики.
6 Там же.

это исключительное право главы государства. В случае смерти, отставки Президента Республики, отстранения его от обязанностей в порядке процесса импичмента или в случае принятия Сеймом постановления о невозможности исполнения Президентом Республики своих обязанностей по состоянию здоровья его обязанности временно исполняет Председатель Сейма (статья 89 Конституции)[1]. Конституция предусматривает, что временно замещающий Президента Республики Председатель Сейма не может объявлять досрочных выборов Сейма, освобождать или назначать министров без согласия Сейма (статья 89 Конституции)[2], при этом не исключена возможность использования им права помилования. Иными словами, в указанных выше случаях Председатель Сейма временно принимает на себя все обязанности Президента, за исключением полномочий, перечисленных в статье 89 Конституции. Исполняя обязанности Президента, Председатель Сейма не получает всех полномочий главы государства, что, однако, не распространяется на ходатайства (прошения) о помиловании в отдельных случаях. Таким образом право помилования является исключительным правом и прерогативой главы государства – Президента, но субъект, временно исполняющий обязанности Президента, не лишен возможности осуществлять помилование в отдельных индивидуальных случаях, поскольку он осуществляет президентские полномочия и в этой сфере.

Конституция не определяет содержание и объем института помилования. В ней только оговаривается, что оно распространяется на осужденных (применяется к осужденным). Таким образом, можно широко истолковать полномочия Президента в области помилования и предположить, что они включают в себя как полное, так и частичное освобождение от наказания, смягчение наказания, замену его другим, более мягким, а также отмену (снятие) судимости. Формулировка, которую использовал законодатель в отношении акта помилования, дает право на такую широкую интерпретацию. Однако стоит отметить, что Уголовный кодекс Литовской Республики, действующий с 26 октября 2000 года, формально ограничивает содержание президентского права на помилование только полным или частичным освобождением от наказания (пункт 1 статья 79 Уголовного кодекса Литвы – осужденный может быть освобожден от отбывания всего или части наказания, если Президент Республики удовлетворяет его просьбу о помиловании)[3], что явно противоречит положениям Конституции.

Помилование применяется в определенно индивидуальном случае и не создает никакого нового правила, новой нормы поведения. Как отмечал А. В. Мицкевич, «акт, относящийся к конкретному физическому лицу, не может быть нормативным»[4].

Что касается сферы действия или границ президентского акта помилования, то Конституция не ограничивает его исключительно только уголовной ответственностью за преступления, но на практике эта компетенция не применяется и не реализуется в отношении других видов ответственности, например, административной и дисциплинарной.

В связи с тем, что закон о помиловании применяется к осужденным, акт помилования не может принимать форму индивидуальной аболиции, когда факт виновности еще юридически не установлен, поскольку в таком случае не происходит осуждения и обвинительный приговор отсутствует, а оно необходимое формальное условие для применения помилования. Нельзя помиловать лицо, в отношении которого уголовный процесс находится на стадии возбуждения дела, предварительного расследования или судебного разбирательства до вынесения приговора, не вступив в противоречие с пунктом 23 статьи 84 Конституции Литовской Республики. Таким образом, помилование не может выступать в качестве инструмента освобождения лица от уголовной ответственности. Правовые последствия помилования могут заключаться в освобождении осужденного от отбывания всего или части наказания. Соответственно, процедура помилования возможна только после вынесения приговора, а прошения о помиловании рассматриваются только после вступления в силу решения суда. Помилование является актом разового характера, его действие распространяется на лиц, совершивших преступления до момента издания этого акта. Также помилование является внесудебным актом, и, как отмечалось выше, право помилования принадлежит Президенту.

Прошение о помиловании рассматривает специальная комиссия, а указ о помиловании издает глава государства. Затем документ направляется в исправительное учреждение и доводится до сведения лица, в отношении которого оно принято. Кроме того, просьба (ходатайство) о помиловании может подаваться только после того, как преступник начал

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Уголовный кодекс Литовской Республики.
[4] Максимова В. Г. Отличие помилования от амнистии. С. 139.

отбывать наказание, а в случае пожизненного заключения – только после отбытия 20 лет наказания в виде лишения свободы. Это существенно ограничивает возможность осуществления помилования.

Помилование может быть применено к любому осужденному, поскольку Конституция не вводит никаких субъективных юридических ограничений, и они не предусмотрены законом. Таким образом, формально не исключено помилование и неоднократно судимого лица. Также Конституция не предусматривает никаких обстоятельств, которые необходимо учитывать при решении вопроса о помиловании. На практике решающее значение имеет вид, характер, тяжесть и степень общественной опасности совершенного преступления, личность осужденного и его поведение, срок отбытого наказания и размер ущерба, причиненного преступлением, а также размер компенсации в рамках возмещения вреда, степень исправления. Следовательно, учитываются обстоятельства, относящиеся как к личности осужденного, так и совершенному им общественно опасному деянию.

Основной закон (Конституция) не регулирует ход производства и саму процедуру помилования осужденного, за исключением того, что акт помилования не подлежит контрасигнатуре, а соответственно, он принимает форму указа (постановления, Декрета). Такой вывод следует из содержания ст. 85 Конституции Литвы. Основной закон не предусматривает, что Президент может действовать только по запросу уполномоченного органа (например, самого осужденного, министра юстиции). Таким образом, с конституционной точки зрения он может принимать решение о помиловании по собственной инициативе. Вышесказанное также подтверждается независимым характером полномочий Президента, которые вытекают из Конституции, и отсутствием обязательства сотрудничать с любым другим органом государственной власти. Но действующее законодательство Литовской Республики, однако, не предусматривает такой возможности, обусловливая помилование просьбой (прошением) заинтересованного лица, исключая возможность его подачи кем-либо еще. А право Президента по осуществлению помилования не ограничивается конституционными положениями.

В соответствии с законодательством Литвы помилование предоставляется по просьбе самих осужденных, эти запросы могут быть рассмотрены только после вступления в силу решения суда. Просить о помиловании могут все лица, осужденные судами Литвы, а также граждане Литвы, осужденные судами других государств, но отбывающие наказания в Литве. Лицо, ходатайствующее о помиловании, может быть освобождено от наказания полностью или частично[1].

С конституционной точки зрения Президент для принятия решения о помиловании не обязан руководствоваться чьим-либо мнением, в том числе мнением судов, рассматривающих дело. Конституция не обязывает его запрашивать такое мнение и не предусматривает, что процедура предоставления помилования регулируется законом (см., например, статьи 73, 90, 93, 111, 118, 120 Конституции). По тем же причинам следует предположить, что Конституция не обязывает Президента получать мнение министра юстиции или высшей судебной инстанции. Тем не менее в Регламенте Комиссии о помиловании было принято, что заявление о помиловании подается директору пенитенциарного учреждения, который, собрав необходимые документы вместе со своим мнением, отправляет их в Комиссию по помилованию, а она представляет главе государства проект решения по запросу в отношении прошения. Решение Комиссии не имеет обязательной силы, а Президент может проявить благосклонность и несмотря на то, что уполномоченный орган имеет отрицательное мнение об осужденном.

Акт помилования окончательный и не подлежит обжалованию, а сам помилованный не может отказаться принять помилование, так как его исполнение не зависит от его воли.

Тот факт, что в Конституции не регламентирована сама процедура или детальный режим процедуры помилования, не свидетельствует о том, что она не может быть урегулирована в законе. При ограниченном конституционном регулировании законодательное регулирование содержания акта помилования и хода процедуры помилования видится необходимым, но законодательное регулирование не может ограничивать президентские полномочия, вытекающие из самой Конституции. Таким образом, например, нельзя юридически исключить возможность помилования лица, осужденного за политическое преступление. Конституция не вводит таких ограничений, а это означает, что правовой акт более низкого порядка по юридической силе также не может формулировать какие-либо ограничения в этом отношении. Здесь стоит упомянуть, что законодатель в Уголовном кодексе Литовской Республики 2000 г. согласился с тем, что процедура помилования определяется Президентом (пункт 2,

[1] Президент Литвы помиловал двух осужденных...

статья 79)[1]. Но в уголовном законе содержится лишь несколько норм, посвященных вопросам помилования, которые не способны восполнить пробелов законодательства в отношении грамотного применения этого института, а отсутствие соответствующих разъяснений создает неопределенность и противоречивость в применении действующего законодательства Литовской Республики.

Заключение

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что институт помилования является выражением конституционного принципа гуманизма по отношению к лицам, совершившим противоправное деяние и при этом в силу определенных обстоятельств заслуживающих снисходительного отношения со стороны государства. Существование подобного правового института является необходимым для осуществления уголовной политики правового государства.

В Литовской Республике, как и во многих других государствах, данный институт занимает особое место в системе уголовно-правовых регуляторов, а возможность его применения предусмотрена Основным законом – Конституцией Литовской Республики.

Помилование является внесудебным актом, а право помилования, согласно Основному закону Литовской Республики, принадлежит Президенту, относится к его компетенции. Являясь актом разового характера, его действие распространяется в отношении индивидуально определенного лица, совершившего преступление до момента издания этого акта, и применяется в отношении граждан, приговоренных к наказанию и отбывающих такое наказание.

В Литовской Республике, как и во многих других государствах, данный институт имеет межотраслевое значение и регулируется как конституционными нормами, так и уголовно-правовыми.

Будучи комплексным институтом, помилование выступает в качестве смешанного вида освобождения от наказания, различным образом смягчающего положение осужденных лиц, и, согласно Уголовному кодексу Литовской Республики, сущность его заключается в полном или частичном освобождении от наказания осужденных лиц, совершивших правонарушения.

В заключение хотелось бы отметить, что в уголовном законе Литовской Республики содержится лишь несколько норм, посвященных вопросам помилования, которые не в полной мере регулируют порядок помилования лица, совершившего преступление.

Список использованных источников

1. *Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.*
2. *Келина, С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С. Г. Келина; отв. ред. А. А. Пионтковский / АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1974. – 232 с.*
3. *Конституция Литовской Республики [Электронный ресурс]: принята гражданами Литовской Республики на референдуме 25 окт. 1992 г.: с изм. и доп. от 25 апр. 2006 г. // Lietuvos Respublikos Seimas. – Режим доступа: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm. – Дата доступа: 18.01.2022.*
4. *Максимова, В. Г. Отличие помилования от амнистии / В. Г. Максимова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – № 13. – С. 139–141.*
5. *Президент Литвы помиловал двух осужденных... [Электронный ресурс] // Sputnik. Литва. – Режим доступа: https://lt.sputniknews.ru/20210706/prezident-litvy-pomiloval-dvukh-osuzhdennykh-17350924.html. – Дата доступа: 18.01.2022.*
6. *Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 960 с.*
7. *Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]: 26 сент. 2000 г., № VIII-1968 // Pravo. – Режим доступа: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-литвы.html. – Дата доступа: 18.01.2022.*
8. *Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – 464 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

[1] Конституция Литовской Республики.

УДК 339.5

С. В. Соркин

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Соркин Семён Владимирович *– аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Сфера научных интересов: теоретические и практические аспекты развития международной торговли; правовое регулирование внешнеэкономической деятельности.*

Выделены основные направления и инструменты международного регулирования внешней торговли молочной продукцией, которые определены в Соглашении о сельском хозяйстве ВТО. Основное внимание сосредоточено на применяемых в мировой практике мерах поддержки, которые включают две категории: меры, освобожденные от обязательств по сокращению, и меры, не освобожденные от обязательств по сокращению.

Обосновано, что на международном уровне в рамках ВТО основной проблемой регулирования внешней торговли молочной продукцией является отсутствие должного уровня прозрачности и унификации аграрной и внешнеторговой политики государств-членов.

Ключевые слова*: внешняя торговля, молочная продукция, правовое регулирование, Соглашение о сельском хозяйстве ВТО, международное регулирование.*

Sorkin S. V.

Regulation of Foreign Trade in Dairy Products at the International Level

The article highlights the main directions and instruments of international regulation of foreign trade in dairy products recorded in the documents of the WTO Agreement on Agriculture. The focus is on the support measures used in the world practice. They include two categories: measures exempt from reduction obligations and measures not exempt from reduction obligations.

It is proved that at the international level within the WTO, the main problem of regulation of foreign trade in dairy products is the lack of an adequate level of transparency and unification of the agrarian and foreign trade policies of the member states.

Keywords*: foreign trade, dairy products, legal regulation, WTO Agreement on Agriculture, international regulation.*

Введение

Регулирование внешней торговли молочной продукцией осуществляется на трех уровнях: национальном (в соответствии с нормами национального законодательства в области внешней торговли), наднациональном (в рамках региональных интеграционных объединений) и международном (в соответствии с нормами международного права на основе международных соглашений в рамках Всемирной торговой организации).

В статье на основе анализа Соглашения по сельскому хозяйству ВТО рассмотрена правовая база международного регулирования внешней торговли молочной продукцией. Это представляет научный и практический интерес для Республики Беларусь, которая находится на этапе прохождения переговорного процесса по присоединению к ВТО. При этом ключевое значение для Республики Беларусь имеют вопросы доступа на рынок сельскохозяйственной

продукции. Государственная поддержка сельского хозяйства является одним из ключевых аспектов переговоров по присоединению нашей страны к ВТО. В ходе переговоров необходимо зафиксировать максимально допустимый уровень поддержки сельского хозяйства с разбивкой всех применяемых инструментов и мер по существующим «корзинам» в соответствии с классификацией ВТО. В этих условиях важно сформировать действительно эффективную систему зашиты отечественных товаропроизводителей, отвечающую международным стандартам и принципам ВТО.

При написании статьи использовались Соглашение по сельскому хозяйству ВТО[1], материалы международных организаций, таких как Всемирная торговая организация[2] и Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН[3], а также исследования таких зарубежных ученых, как K. Elumalai, R. K. Sharma[4], D. Orden, T. Blandford, T. Josling, L. Brink[5], R. Schnepf[6], Мальцева В[7]., Дюмулен И[8]., опубликованные в англоязычных и русскоязычных периодических изданиях.

Основная часть

Регулирование внешней торговли молочной продукцией на международном уровне осуществляется в рамках Всемирной торговой организации на основе Соглашения по сельскому хозяйству (далее – Соглашение), которое вступило в силу с 1 января 1995 г. по результатам Уругвайского раунда переговоров. При этом страны-члены, подписавшие данное соглашение, с целью проведения торговых реформ установили периоды его реализации для развитых стран с 1995 г. по 2000 г., для развивающихся стран – с 1995 г. по 2004 г. Однако к настоящему времени реализация положений Соглашения все еще не завершена.

Положения Соглашения распространяют свое действие на широкий перечень сельскохозяйственной продукции, в том числе на все виды молочной продукции, специфика которой состоит в том, что в сельском хозяйстве молочные продукты являются наиболее искаженным и поддерживаемым сектором в мире. Ограничение импорта из-за высоких тарифов в сочетании с избыточным производством в результате внутренней поддержки способствовало предоставлению огромного объема экспортных субсидий, что, в свою очередь, привело к снижению цен на мировом рынке. В начале многосторонних торговых переговоров ожидалось, что либерализация торговли уменьшит вызванные политикой перекосы на мировом рынке молочной продукции. Но на практике развитые страны нашли способы обойти правила ВТО, тем самым повлияв на цены на международном рынке[9].

В Соглашении все меры регулирования и поддержки сельскохозяйственной продукции (включая все виды молочной продукции) делятся на две группы (рисунок 1).

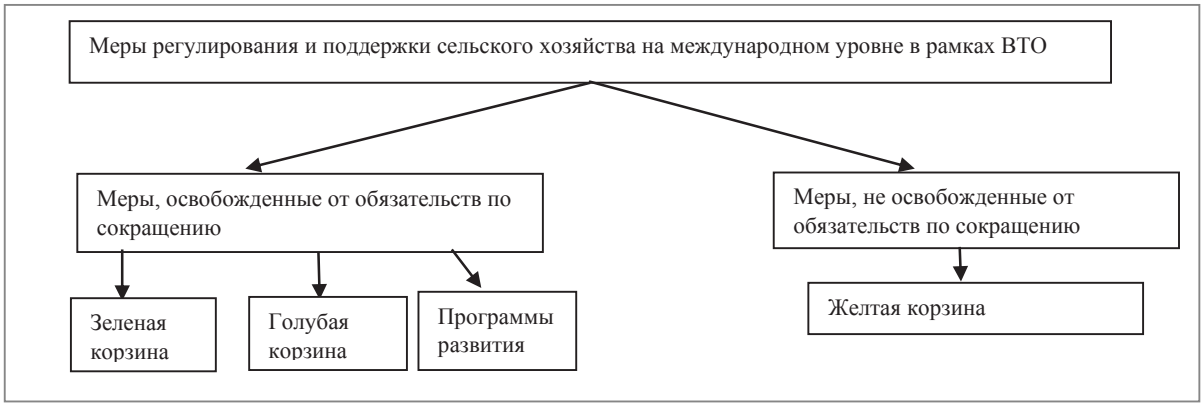


Рисунок 1. *Меры регулирования и поддержки сельского хозяйства на международном уровне в рамках ВТО*

1 Соглашение по сельскому хозяйству ВТО.
2 Market Access: Unfinished Business Post Uruguay Round Inventory and Issues.
3 WTO Agreement on agriculture.
4 Elumalai K., Sharma R. K. WTO and Dairy Trade: Recent Developments in Trade Negotiations.
5 Orden D., Blandford D., Josling T., Brink L. WTO disciplines on agricultural support: Experience to date and assessment of Doha proposals.
6 Agriculture in the WTO: Rules and Limits on Domestic Support.
7 Мальцева В. А. К вопросу о реализации Соглашения о сельском хозяйстве ВТО.
8 Дюмулен И. И. Десятая конференция министров ВТО (Найроби, Кения, 15–19 декабря 2015 года): пакет Найроби и вопросы будущей деятельности ВТО.
9 Elumalai K., Sharma R. K.WTO and Dairy Trade: Recent Developments in Trade Negotiations. P. 66.

В первую группу входят меры, которые допускается применять без каких-либо ограничений, то есть данные меры освобождены от обязательств по их сокращению. В данную группу мер, в свою очередь, относятся:

— меры «зеленой корзины», которые не искажают торговлю либо вызывают незначительное искажение (например, компенсация потерь от стихийных бедствий, расходы на НИОКР, инфраструктурные проекты и т.д.). Для применения данных инструментов поддержки необязательна привязка к объемам и ценам, их использование разрешено без каких-либо ограничений при условии соблюдения оснований для освобождения от обязательств по сокращению (приложение 2 Соглашения);

— меры «голубой корзины», куда относятся прямые выплаты производителям по программам ограничения и сокращения производства, связанные, например, с выведением земли из сельскохозяйственного оборота, сокращением занятости в сельском хозяйстве;

— меры «программы развития», куда относятся инструменты и механизмы, которые включены в государственные программы развития сельского хозяйства, например, субсидирование инвестиций или поставки молочных продуктов по фиксированным ценам[1] [7, с. 37].

Вторая группа инструментов поддержки сельского хозяйства – это меры «желтой корзины», которые не освобождены от обязательств по сокращению. К ним относятся искажающие производство и торговлю меры внутренней поддержки. Это, например, интервенционные закупки сельскохозяйственной продукции, а также субсидии, непосредственно связанные с объемами производства и ценовой поддержкой.

В рамках ВТО был разработан так называемый «Общий агрегированный показатель поддержки», который представляет собой количественную оценку всех применяемых мер поддержки.

Большое внимание в Соглашении уделено вопросам применения экспортных субсидий как инструменту регулирования внешней торговли на международном уровне. В статье 9 перечислены все виды субсидий, попадающие в обязательства по сокращению, а также некоторые исключения и оговорки.

Статья 12 Соглашения содержит ряд положений касательно установления новых запрещений и ограничений в отношении экспорта продовольствия. Страны-члены ВТО обязаны направлять письменное уведомление в Комитет по сельскому хозяйству и проводить консультации с членами ВТО, имеющими существенный интерес как импортеры данного вида продовольствия. Кроме того, Соглашение предписывает членам ВТО, рассматривающим вопрос о введении новых ограничений экспорта продовольствия, учитывать последствия этих мер для продовольственной безопасности импортирующих членов ВТО[2].

Основные инструменты и направления международного регулирования внешней торговли сельскохозяйственной продукцией на основании Соглашения представлены в таблице 1.

Соглашением предусмотрены конкретные сроки уведомления Комитета по сельскому хозяйству об объемах и масштабах внутренней поддержки своего сельскохозяйственного сектора. Развитые и развивающиеся страны обязаны сообщать подобную информацию ежегодно, наименее развитые страны – раз в два года. В соответствующем уведомлении необходимо проименовать и количественно проранжировать все меры поддержки, исключаемые из «желтой» корзины (то есть подлежащие сокращению), а также включенные в специализированные программы развития.

Важной вехой в регулировании внешней торговли молочной продукцией на международном уровне стал Дохийский раунд переговоров 2001 г. Основные принципиальные стратегические решения, принятые в результате переговоров, включали в себя существенное улучшение доступа к рынкам, сокращение (постепенный отказ) от всех форм экспортных субсидий, значительное сокращение внутренней поддержки производителей и экспортеров сельскохозяйственной продукции, приводящей к искажениям в торговле, и формирование эффективного особого и дифференцированного режима для развивающихся стран.

Дохийские договоренности позволили добиться определенного прогресса на пути к прогрессивному уменьшению внутренней поддержки, искажающей торговлю, предусмотренной Соглашением. И хотя они привели к полной ее отмене, они позволили установить более строгие ограничения, особенно для развитых стран, которые исторически всегда оказывали более высокий уровень поддержки сельскохозяйственному сектору[3].

---

1 Мальцева В. А. К вопросу о реализации Соглашения о сельском хозяйстве ВТО. С. 37.

2 Соглашение по сельскому хозяйству ВТО.

3 Orden D., Blandford D., Josling T., Brink L. WTO disciplines on agricultural support: Experience to date and assessment of Doha proposals. P. 7.

Таблица 1. *Направления и инструменты международного регулирования внешней торговли молочной продукцией на основании Соглашения по сельскому хозяйству ВТО*

Направления и области регулирования	Инструменты и меры регулирования
Доступ на внутренний рынок	Применение любых видов ограничений импорта (за исключением тарифных) запрещается; использование ставок таможенного тарифа и таможенных пошлин связано предельными «потолочными» значениями
	Разрешается использование специальных защитных мер, направленных на сглаживание последствий падения цены на сельскохозяйственную продукцию ниже порогового уровня или резкого увеличения ее физического объема импорта (речь идет лишь о товарах, облагаемых тарифами, и не учитывает товары, подпадающие под тарифное квотирование)
	Согласовано сокращение нетарифного регулирования путем тарификации нетарифных мер (их пересчет на основе предложенной ВТО методики в тарифный эквивалент)
	Введены обязательства по предоставлению минимального доступа сельскохозяйственной продукции, облагаемой таможенным тарифом, на внутренний рынок
Внутренняя поддержка производителей	Все меры поддержки разделены на 2 группы: «зеленая» корзина (поддержка разрешена без каких-либо ограничений) и «желтая» корзина (поддержка, подлежащая последовательному сокращению)
	Сформирована четвертая корзина мер поддержки сельского хозяйства («голубая»), куда входят прямые выплаты производителям по программам ограничения и сокращения производства, не привязанные к объему производства и подлежащие постепенному сокращению
Вопросы применения экспортных субсидий и иных мер поддержки и стимулирования экспорта	Допускается применение экспортных кредитов, гарантий по экспортным кредитам, страхования экспорта, однако только после разработки и согласования унифицированных и единообразных правил их применения
	Запрещено использование экспортных субсидий в отношении продукции, не включенной в обязательства по сокращению
Ограничения экспорта и эмбарго	Необходимо в кратчайшие сроки информировать КСХ в письменной форме о причинах и планируемой продолжительности введения ограничений экспорта. Кроме того, существуют обязательства о проведении консультаций по возможным запросам заинтересованных стран
	Вышеуказанное требование не распространяется на развивающиеся страны, за исключением развивающихся стран – чистых экспортеров определенных видов сельскохозяйственной продукции
Санитарные и фитосанитарные меры	Страны-члены ВТО вправе сами устанавливать собственные стандарты здоровья и безопасности в случае их научной обоснованности и отсутствия неоправданных барьеров в торговле

Примечание. Источник: собственная разработка на основе: Мальцева В.А. К вопросу о реализации Соглашения о сельском хозяйстве ВТО; Соглашение по сельскому хозяйству ВТО

Однако и развивающиеся, и наименее развитые страны выразили свое недовольство результатами переговоров в Дохе и свою озабоченность по поводу неправомерных преимуществ, предоставляемых развитым странам. Следствием этого явилось продолжение многостороннего раунда переговоров и принятие в 2004 г. «июльского пакета», который предусматривал подписание рамочных программ по всем тем же трем основным направлениям регулирования – экспортные субсидии, внутренняя поддержка и доступ на рынок[1].

Рамочная программа в области экспортных субсидий и иных форм поддержки и стимулирования экспорта предусматривала параллельную отмену всех форм экспортных субсидий, включая такие меры как экспортные кредиты и программы страхования экспорта. Так, развитые страны-члены ВТО, имеющие право на экспортные субсидии, договорились об их отмене немедленно, начиная с дня вступления программы в силу, с некоторыми исключениями. Аналогичное решение затронуло и развивающиеся страны-члены ВТО, которые взяли на себя обязательство по отмене экспортных субсидий к концу 2018 г. с некоторыми исключениями. Наконец, развивающимся странам-членам ВТО, для которых был предусмотрен гибкий механизм экспортного субсидирования согласно статье 9.4 Соглашения, разрешено

[1] Elumalai K., Sharma R.K. WTO and Dairy Trade: Recent Developments in Trade Negotiations. P. 65–66.

было сохранить экспортные субсидии до конца 2023 г., в то время как наименее развитым и развивающимся странам – чистым импортерам продовольствия – до конца 2030 г.[1]

Рамочная программа в области сокращения внутренней поддержки предусматривала существенное сокращение мер «голубой» и «желтой» корзины. Количественная оценка примененных мер должна была быть произведена с помощью специально разработанного для этих целей «Общего агрегированного показателя поддержки».

Рамочная программа в области доступа на рынок обязывала страны-члены существенно улучшить рынок для всех своих сельскохозяйственных продуктов за счет снижения тарифов и тарифных квот. Отдельные послабления были сделаны для наименее развитых стран и стран – чистых импортеров продовольствия.

Достигнутые летом 2004 г. договоренности нашли дальнейшее отражение и развитие в 10-й министерской конференции ВТО в Найроби (принятие «пакета Найроби») в 2015 г. и 11-й министерской конференции ВТО в Буэнос-Айресе в 2017 г.

Необходимо подчеркнуть, что документы ВТО, как «живой организм», постоянно совершенствуются и корректируются. Это касается и Соглашения по сельскому хозяйству. Так, в течение первых десятилетий его действия был выявлен один из наиболее существенных проблемных моментов – отсутствие необходимого уровня прозрачности внешнеторговой и внутренней аграрной политики стран-членов, что значительно затрудняет процесс согласованной корректировки и внесения необходимых изменений в структуру и механизм поддержки сельского хозяйства на международном уровне.

Это проявляется в том, что оговоренные уведомления государствами-членами ВТО о запланированных мерах содействия аграрному сектору и их корректировке поступают в Комитет по сельскому хозяйству с многолетними задержками. Так, согласно исследованию В. Мальцевой, в 2007 г. США не уведомили Комитет по сельскому хозяйству об изменениях в аграрном законодательстве, которые вступили в силу еще в 2002 г., а ЕС – о корректировках, произведенных в 2003 г. Это препятствует оперативному отслеживанию соблюдения странами-членами ВТО своих обязательств. Причина такой ситуации объясняется не столько отсутствием в Соглашении оговоренной точной даты подачи государствами уведомлений в Комитет по сельскому хозяйству, сколько преследуемой этими странами стратегией[2].

Заключение

Таким образом, для лучшей реализации Дохийских договоренностей и Соглашения по сельскому хозяйству ВТО, а также для совершенствования регулирования внешней торговли молочной продукцией на международном уровне представляется целесообразным следующее.

Во-первых, необходимо уделить особое внимание роли сокращения задержек с подачей уведомлений в Комитет по сельскому хозяйству ВТО как средству мониторинга сельскохозяйственной и внешнеторговой политики. Развитые страны могли бы повысить их прозрачность, увязав подготовку уведомлений о внутренней поддержке в Комитет по сельскому хозяйству с ежегодными отчетами по оценке поддержки производителей (Producer Support Estimates), подаваемых ими в Организацию экономического сотрудничества и развития.

Во-вторых, видится целесообразным усилить контроль за мерами «зеленой» корзины. Существует вероятность, что некоторые страны под видом реализации инфраструктурных проектов либо реализации экологических проектов, направленных на защиту окружающей среды, могут осуществлять либо уже осуществляют прямые выплаты фермерам, производителям и экспортерам сельскохозяйственной продукции, что противоречит принятым критериям «зеленой» корзины.

В-третьих, действующие и разрабатываемые меры поддержки необходимо увязывать с рыночным равновесием на международных отраслевых рынках сельскохозяйственной продукции. Оказываемые меры поддержки и субсидирования производства и экспорта приводят к превышению объемов предложения над объемами спроса, что, в свою очередь, ведет к дефициту и, как следствие, к повышению цен на сельскохозяйственную продукцию и рыночным дисбалансам на отраслевых рынках. В этом контексте особенно актуальным видится разработка справедливых и унифицированных мер правового регулирования на международном уровне в рамках Всемирной торговой организации.

[1] Там же.
[2] Мальцева В. А. К вопросу о реализации Соглашения о сельском хозяйстве ВТО. С. 40.

Список использованных источников

1. *Дюмулен, И. И. Десятая конференция министров ВТО (Найроби, Кения, 15–19 декабря 2015 года): пакет Найроби и вопросы будущей деятельности ВТО / И. И. Дюмулен // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 2. – С. 3–15.*
2. *Мальцева, В. А. К вопросу о реализации Соглашения о сельском хозяйстве ВТО / В. А. Мальцева // Управленец. – 2013. – № 3. – С. 36–41.*
3. *Соглашение по сельскому хозяйству ВТО [Электронный ресурс]: [заключено в г. Марракеш 01.01.1995 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.*
4. *Соглашение по сельскому хозяйству ВТО [Электронный ресурс]: WTO Agreement on agriculture / Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. – Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2018. – Режим доступа: https://www.fao.org/3/CA2521RU/ca2521ru.pdf. – Дата доступа: 27.01.2022.*
5. *Agriculture in the WTO: Rules and Limits on Domestic Support [Electronic resource] // Congressional Research Service. – Mode of access: https://sgp.fas.org/crs/misc/RS20840.pdf. – Date of access: 29.01.2022.*
6. *Elumalai, K. WTO and Dairy Trade: Recent Developments in Trade Negotiations / K. Elumalai, R. K. Sharma // Foreign Trade Review. – 2005. – № 40. – P. 51–68.*
7. *Market Access: Unfinished Business Post Uruguay Round Inventory and Issues [Electronic resource]: WTO Special Studies, No. 6 / WTO Economic Research and Analysis Division. – Geneva: World Trade Organization (WTO), 2001. – Mode of access: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/107061/1/wto-special-study_6_e.pdf. – Date of access: 29.01.2022.*
8. *Orden, D. WTO disciplines on agricultural support: Experience to date and assessment of Doha proposals / D. Orden, D. Blandford, T. Josling, L. Brink // International food policy research institute. – 2011. – № 16. – P. 1–9.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.02.2022.

АЛФАВІТНЫ ПАКАЗАЛЬНІК АРТЫКУЛАЎ, АПУБЛІКАВАНЫХ У ЧАСОПІСЕ Ў 2022 годзе

Амбросова П. А.
Доверительное управление как элемент индивидуальной предпринимательской деятельности ..... № 1, стар. 39

Амбросова П. А.
Понятие гражданско-правовой ответственности индивидуального предпринимателя: вопросы теории и практики ..... № 4, стар. 51

Апенок А. А.
Трудовая правосубъектность управлений (отделов) образования, детских деревень (городков) как нанимателя в трудовых отношениях по применению профессионального родительского труда ..... № 4, стар. 56

Артюшенко Н. Н.
Состояние и перспективы создания правового контента, регулирующего железнодорожные перевозки в странах ЕАЭС ..... № 4, стар. 22

Баранашник М. А.
Обеспечение конфиденциальности информации и защиты персональных данных при осуществлении риэлтерской деятельности ..... № 4, стар. 45

Белова И. А.
Деятельность ООН по реализации положений Конвенции о правах инвалидов ..... № 2, стар. 94

Богданович Н. А.
Единый правовой механизм оказания международной правовой помощи по уголовным делам о киберпреступности ..... № 2, стар. 127

Бодяк Н. Е.
К вопросу о правовой сущности фигуры инвестора и гарантиях защиты прав инвесторов ..... № 2, стар. 119

Бондаренко М. С.
Инвестиции в человеческий капитал как актуальное направление научных исследований в области права ..... № 4, стар. 33

Бондарь Т. Е.
Проблемы становления финансового образования в Евразийском экономическом союзе ..... № 1, стар. 69

Вартанян А. М.
Об укреплении сотрудничества в сфере предотвращения чрезвычайных ситуаций и проведения противоэпидемических мероприятий в рамках СНГ ..... № 2, стар. 107

Вишневский А. Ф.
Типология государства и права в контексте различных методологических традиций. Часть 1 ..... № 1, стар. 4

Вишневский А. Ф.
Типология государства и права в контексте различных методологических традиций. Часть 2 ..... № 2, стар. 4

Вишневский А. Ф., Федорако А. И.
Правовое регулирование миграции в Великом княжестве Литовском ..... № 3, стар. 4

Галушкова Д. О.
Проблемные вопросы квалификации действий лиц, осуществляющих сбыт наркотиков с использованием сети Интернет, по признаку совершения преступления в составе группы лиц, а также организованной группы ..... № 1, стар. 44

Гончар Т. М.
Коллизионные вопросы интеллектуальной собственности в Республике Беларусь . № 3, стар. 132

Гончаров В. А.
Обвиняемый в стадии предварительного расследования: законодательное решение актуальных прикладных проблем ..... № 3, стар. 19

Гриневич В. Н.
Особенности досудебного оздоровления должника в институте экономической несостоятельности (банкротстве) ..... № 3, стар. 48

Гринчук М. П., Пастухов М. И.
Сокол С. Ф. как юрист и ученый. Его вклад в развитие юридической науки Беларуси № 4, стар. 101

Грицкевич Т. Р.
Конкурс как основание возникновения трудовых правоотношений с педагогическими работниками из числа профессорско-преподавательского состава учреждения высшего образования ... № 2, стар. 38

Данильченко А. В., Харитонович С. А.
Моделирование развития экономики знаний XXI века ... № 2, стар. 44

Данько И. В.
О правовом регулировании отдельных полномочий прокурора в уголовном процессе № 4, стар. 4

Дробыш О. В.
Институциональная автономия учреждений высшего образования: российский опыт правовой регламентации ... № 3, стар. 144

Дудко И. Н.
Налоговое планирование как инструмент уменьшения налогового бремени ... № 3, стар. 138

Ежова Т. Б.
Особенности правовой природы и субъектного состава брачного договора в Республике Беларусь ... № 2, стар. 32

Заика Ю. Н.
Понятие Интернет в теории права и законодательстве Республики Беларусь ... № 4, стар. 39

Захилько К. С.
О новом подходе к уголовной наказуемости незаконной добычи рыбы или других водных животных, совершенной лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь ... № 4, стар. 28

Ильина Ю. В.
Методика оценки эффективности системы государственных закупок ... № 3, стар. 83

Каменков В. С.
Правовое регулирование финансирования научных исследований ... № 1, стар. 12

Каменков В. С.
Краудфандинг: содержание, правовое регулирование, сферы применения ... № 2, стар. 12

Кирвель И. Ю.
Международные основы правового регулирования противодействия распространению пандемии ... № 2, стар. 100

Копылова О. В.
Обеспечение защиты при задержании подозреваемого в совершении преступления № 2, стар. 77

Корень Т. А.
Процессуально-правовые особенности судебных постановлений в виде решений по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) ... № 1, стар. 25

Короб А. Н.
Развитие понимания экономических интересов с точки зрения институциональной теории ... № 3, стар. 74

Котляров И. В.
Цивилизационное кодирование как механизм формирования и измерения будущего (социально-экономические тренды) ... № 1, стар. 112

Кудель Д. А.
Отдельные аспекты правового обеспечения защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц в условиях проведения противоэпидемических мероприятий ... № 2, стар. 113

Кузнецова Т. В.
Логистика 4.0 и инновационные логистические технологии ... № 3, стар. 68

Лапыр М. В.
Правовое положение миноритариев в обществе с ограниченной (дополнительной) ответственностью и защита их прав ... № 1, стар. 55

Лейко О. И.
Соотношение принципов суверенного равенства государств и экономической недискриминации в международном праве ... № 3, стар. 39

Луневская Л. В.
Реформирование пенсионной системы в Республике Беларусь ... № 2, стар. 88

Макланаў І. М.
Даследаванне канцэнтрацыі на рынку банкаўскіх паслуг Рэспублікі Беларусь ... № 1, стар. 89

Мальцевич И. В.
Приоритеты инновационного развития строительного бизнеса ... № 1, стар. 97

Мальцевич Н. В.
Цифровые эффекты интеграции банковской системы в общий финансовый рынок ЕАЭС ... № 1, стар. 75

Мисаревич Н. В.
Отмена магдебургского права на белорусских землях: историко-правовой аспект.... № 3, стар. 104
Мищенко М. С.
Основные исторические этапы развития дифференциации норм трудового законодательства ..... № 4, стар. 9
Моисеева И. А.
Расширение диспозитивных начал разрешения уголовно-правовых конфликтов в Республике Беларусь..... № 2, стар. 82
Москалевич Г. Н.
Способы защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в Республике Беларусь ..... № 1, стар. 31
Мякинькая В. В.
О возможности развития раздельного учета доходов, затрат и задействованных активов в организациях Республики Беларусь..... № 1, стар. 82
Пастухов М. И.
О дополнительных судебных гарантиях защиты прав и свобод граждан Республики Беларусь ..... № 2, стар. 72
Пастухов М. И.
О некоторых дискуссионных вопросах в компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь ..... № 3, стар. 11
Пашута И. В., Романюк Д. А.
Перспективные направления использования криминалистических полигонов и компьютерных программ в моделировании условий, характеризующих производство следственных действий..... № 1, стар. 128
Печинская Е. В.
Опыт противодействия коррупции в Республике Беларусь и отдельных зарубежных странах ..... № 3, стар. 124
Пилипенко Н. С.
Дискриминация: международные нормы и система национального законодательства № 3, стар. 89
Сакович В. А., Моисеенко Е. Г.
Мегатренды, меняющие мир: современность, перспектива, вызовы и опасности ..... № 4, стар. 66
Салей Н. Н.
Цели гражданского и хозяйственного судопроизводств..... № 3, стар. 118
Сасс А. А.
К вопросу о связи отношений международного торгового посредничества с нормами антимонопольного регулирования Республики Беларусь и ЕАЭС и о противоречии между ними ..... № 3, стар. 53
Сигаева Т. А.
Критерии подведомственности дел суду в цивилистическом процессе..... № 4, стар. 16
Скитович В. В., Седельник В. В.
Нетрадиционные источники историко-правовой науки ..... № 3, стар. 111
Скютте Д. Н.
Концепция политических прав и свобод в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь..... № 3, стар. 96
Соркин С. В.
Регулирование внешней торговли молочной продукцией на международном уровне № 4, стар. 139
Тарасенок А. И.
Состояние и предпосылки развития образовательного туризма в Республике Беларусь..... № 1, стар. 61
Тарасенок А. И., Минтао Фэн
Сопряжение как новый формат международной экономической интеграции в Евразии: сущность, содержание, механизм ..... № 4, стар. 78
Тарасенок З. Н.
Обоснование горизонтов инновационной стратегии Республики Беларусь..... № 4, стар. 87
Телюк О. Н.
Правовой анализ института помилования в Литовской Республике ..... № 4, стар. 134
Толочко О. Н.
Социальные дисбалансы как глобальный вызов правовой системе..... № 2, стар. 18
Третьяков Г. М.
Обстановка преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, как элемент криминалистической характеристики, ее значение..... № 4, стар. 129

Хатеневич Т. Г.
Криминализация вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления: современные подходы и перспективы оптимизации ... № 4, стар. 114
Цед В. Н.
Совершенствование избирательной системы Республики Беларусь на современном этапе ... № 4, стар. 109
Чучвал А. А.
Понятие и содержание завещательной правосубъектности ограниченно дееспособных граждан и несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет ... № 3, стар. 61
Шабан Е. Д.
Методика анализа синергетического потенциала развития валютной системы ... № 1, стар. 104
Шавцова А. В., Козак М. А.
Представительная власть в Республике Беларусь: вопросы теории ... № 1, стар. 19
Шиенок В. П.
Сущностные характеристики человека как объекта современной науки (на примере отечественной юриспруденции). Часть 1 ... № 1, стар. 120
Шиенок В. П.
Сущностные характеристики человека как объекта современной науки (на примере отечественной юриспруденции). Часть 2 ... № 2, стар. 62
Shienok V. P.
Essential characteristics of a person as an object of modern society (on example of national jurisprudence). Part 1 ... № 4, стар. 94
Шэмет А. А.
Укараненне атэстацыі інавацыйнага супрацоўніка ў інавацыйную інфраструктуру Рэспублікі Беларусь ... № 2, стар. 53
Ясинская-Казаченко А. В.
Правовое регулирование трудовых споров в представлении методологического подхода ... № 2, стар. 24
Ясинская-Казаченко А. В.
«Трудовой спор» как энтропия или мера неупорядоченности на уровне гражданского судопроизводства ... № 3, стар. 29
Ясинская-Казаченко А. В.
Оптимальное судопроизводство по трудовым делам как способ защиты прав работников ... № 4, стар. 122

Падпісныя індэксы:
75085 індывідуальная падпіска
750852 ведамасная падпіска

ISSN 2220–1432